номер 52
апрель-июнь 2011

автоном

ЖУРНАЛ ДВИЖЕНИЯ "АВТОНОМНОЕ ДЕЙСТВИЕ"

- записки понедельника
- анархистские ночи
- казачьи будни
- мозоли патриотов
- киевские террасы
- революционные обыватели
- дороги недотроги
- клоунские автоматы
- сквотирования офисов

ПРИЗЫВ К АНТИФАШИСТСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ

Сбор на демонстрацию в Москве:

19 января 2011 года, в 19:01
возле памятника Тимирязеву
у Никитских ворот,
в начале Тверского бульвара.

19 января 2011 года исполнится два года со дня убийства двух антифашистов - адвоката Станислава Маркелова и журналистки Анастасии Бабуровой. Оба они были убиты в Москве среди бела дня, недалеко от Кремля, выстрелами в головы. Убийцы из среды неонацистов пойманы, скоро суд... **Общественность может успокоиться?**

Нет.

Каждый год в нашей стране происходят десятки куда менее резонансных убийств на почве национальной ненависти. Жертвами их становятся граждане России неславянской внешности, а также приезжие из стран, ранее входивших в Советский Союз или бывших его союзницами. Убийцами движет национальная нетерпимость, ненависть к непохожим, к говорящим на другом языке, имеющим другой разрез глаз, другой цвет волос, другой оттенок кожи.

В этой ситуации Комитет 19 января заявляет о необходимости сплочения и солидарных действий всех противников скатывания России в пучину национализма. Мы призываем всех честных людей, которым дороги идеалы свободы, справедливости и просто нормальной жизни в нашей стране людей разных национальностей, вероисповеданий, убеждений и жизненных принципов - выйти на антифашистскую демонстрацию в Москве и других городах нашей страны.

Это будет не просто акция памяти, не просто поминовение погибших - Стаса Маркелова, Насти Бабуровой и многих-многих других. **19 января 2011 года должно стать днём решимости, днём протеста, днём борьбы с угрозой фашизма в России.**

Остановим нацистский террор! Отведём ультраправую угрозу от России!

ПОКА МЫ ЕДИНЫ - МЫ НЕПОБЕДИМЫ!

Комитет 19 января

WWW.19JAN.RU

БОЙ В НЕИЗВЕСТНОСТИ

Передовица о том, что понятно, что ничего не понятно

Многие месяцы, прошедшие с выхода 31-го номера «Автонома»... Таки да, журнал продолжает существовать в формате ежегодника. Понятное дело, сейчас расцветает Интернет, информация все больше стремится прочь с бумаги во всемирную паутину. Но «Автоном» мог бы выходить и два-три раза в год. Если ты ощущаешь свою сопричастность либертарному движу и желаешь помочь - обращайся в редакцию. Специфических умений не требуется, дело найдется каждому желающему.

Но вернемся к нашим баранам. Ну, в смысле, к политикам, фашистам, капиталистам, чиновникам... За прошедшие месяцы они, как и раньше, жестили, тупили, провоцировали кровавые бойни, стремились лишить народ социальных гарантий, ограбить и вообще испортить жизнь простым людям.

Это третий номер «Автонома», выходящий с тех пор, как употребление слова «кризис» возросло в разы. А еще мне нравится украинское слово «крыза» - очень выразительное.

Крыза ведет себя неясно: срубив многим доходы, существенно травмировав целые отрасли, крыза то ли не может, то ли не хочет полностью добить экономическую систему, в частности, России. Говорить о крызе стали меньше, но эта эффектная гостья пока не прощалась...

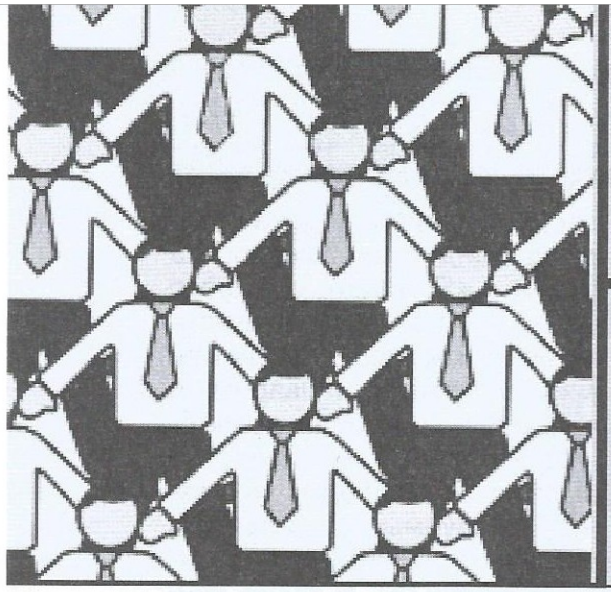
Непонятно что и с политикой. Сама суть так называемой борьбы с экстремизмом себя дискредитировала: при желании, уголовную статью используют практически против любой мыслительной деятельности. С другой стороны, анархисты издают и открыто продают печатную продукцию, устраивают в том числе легальные уличные акции, кооптируют незнакомых людей из Интернета. Непонятно, то ли мы живем при Андропове, то ли при Кеннеди.

Федеральная власть с трудом контролирует даже деятельность провинциальных отделений милиции. Очевидно, что ресурс народногоуважения к ней равен ну лю. Но людям власть свергать сейчас лениво: на полках магазинов товары есть, зарплату, пусть небольшую, более-менее платят, троллейбусы ездят, горячая вода из крана течет. Народу неочевидно, что кто-то другой, приятней Путина, способен предотвратитьколлапс нашей неустойчивой системы.

То, что за нож/бомбу/пистолет способен схватиться наци, большевик, анархист, известно. Но сейчас поддержка таких методов распространяется даже среди «солидного» электората КПРФ и «Яблока», «Правого дела» - из-за убежденности в нелегитимности режима, в невозможности сварить с ним сколько-нибудь съедобную кашу. Потому известно все больше эпизодов уголовно наказуемых действий в сфере социальной и политической борьбы. И такие действия получают все большую поддержку.

Ни один аналитик не возьмется сказать, что в стране будет через месяц.В этих условиях либе ртариям нужно просто стараться делать побольшевсего. Делать, что умеешь. Учиться новому. Анализировать, что успешно в наших действиях, что нет. Понимать, что победа не гарантирована, а провал может привести в инвалидное кресло или за решетку. Но если ничего не делать - ничего не получится, а если делать - шансов в нынешней ситуации у нас ни больше, ни меньше, чем у «представителей менее утопичных идеологий». Так что компанерос — успеха, врагам — поражения.

Валерий Листьев



ОБЩЕСТВО

АРМИЯ КЛОУНОВ ПРОТИВ ЛЮДЕЙ С АВТОМАТАМИ

Ликбез по современному антимилитаризму

ВОЙНА ВОЙНЕ!

Люди воевали с незапамятных времен. Но всегда были те, кто драки не любил, воевать не хотел и вообще вел себя как совершенный пацифист. Всегда и повсюду на пацифистов нападали их драчливые братья по разуму. К движению пацифистов примыкают антимилитаристы. Если первые — противники насилия вообще, готовые, если что, «подставить другую щеку», то вторые — товарищи очень даже решительные и радикальные. Они считают, что идеи «воинской доблести», «защиты отечества» etc., прочно обосновавшиеся в большинстве культур, приводят к непрерывному воспроизводству межэтнических и межгосударственных конфликтов. Анархисты, конечно, тоже являются антимилитаристами. Межэтнические и межгосударственные конфликты с их точки зрения — способ притупить в народе претензии к власти и капиталу. «Никакой войны, кроме классовой!» — лозунг, присутствующий в арсенале большинства анархистских групп. Антимилитаристы демонстративно выступают против любой войны и установки на то, что к ней надо готовиться. Они ломают технику на военных базах, выходят с протестами на улицы в странах с тоталитарными режимами (там пальнуть из автомата в человека военному ничего не стоит), голодают до полусмерти против призыва.

«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ» СЛУЖБА – АЛЬТЕРНАТИВНОЕ РАБСТВО

Несколько лет назад трое антимилитаристов в Финляндии отбывали срок за отказ от службы в армии. В этой северной стране, как и повсюду в Европе, есть альтернативная служба, но всегда находятся люди, несогласные с самим фактом существования армии. Воинская служба кажется им возмутительной, а рабский труд на альтернативной они считают гнилым компромиссом. Они не прячутся у родственников, не прикидываются больными, а демонстративно заявляют: не буду служить. Уже после парочки судебных заседаний антимилитаристы оказались в тюрьме и решили там голодать. Голодали ребята всерьез — без соков и глюкозы, а потому — когда пошел второй месяц голодовки — врачи констатировали, что их дни сочтены. Только после этого тогдашний президент Мауно Койвисто сдался — подписал помилование и освободил их от несения воинской службы. Вся Финляндия тогда наблюдала за развернувшейся драмой — неужели Койвисто даст мальчикам умереть?

НЕТ ТОРГОВЛЕ СМЕРТЬЮ!

Противники войны в Англии много лет устраивают демонстрации во время проведения в Лондоне международных «ярмарок вооружений» — «слетов торговцев смертью» как называют их активисты. До сих пор даже самые демократические страны дают «зеленый свет» компаниям, оптом продающим оружие — автоматы, бомбы, военные самолеты, танки, ракетные установки. Производителям оружия все равно, кому его продавать, и, за редким исключением, никто их в этом праве не ограничивает. «Убивайте друг друга! Это очень полезно для нашего бизнеса!» — если бы торговцы оружием были откровеннее, этот призыв мог бы стать их девизом. Оружие продают правительствам бедных стран, которые вместо того, чтобы развивать экономику и бороться с бедностью, силой подавляют любое недовольство. Его покупают «частные лица», чтобы в дальнейшем перепродать. Где гарантии, что оно не оказывается у террористов, с которыми так «настойчиво борется» весь цивилизованный мир? (О том, что такое «терроризм» и «цивилизованный мир», поговорим в другой раз). Когда в Дарфуре власти безжалостно

расстреливают тысячи беженцев, «защитники демократии» из Западной Европы начинают вопить о нарушении прав человека. Как будто это не с их молчаливого согласия за пару месяцев до того были распроданы десятки тысяч автоматов и сотни танков.

Не одно десятилетие антимилитаристы протестовали против ядерных вооружений. Самым активным это движение было во времена Холодной войны, когда до тотального уничтожения целых народов иной раз оставалось меньше полушага. Ракетные установки с ядерными боеголовками в СССР и США постоянно находились в полной боевой готовности. У нас, конечно, никто и пикнуть не смел, а в Европе и Штатах десятки тысяч людей — сначала только хиппи и леваки, а потом и простые обыватели — выходили на демонстрации с цветами и призывами подумать о будущем планеты. Ориентированные на симпатии населения политики не считаться с настроениями масс не могли, и знаменитую «гонку вооружений» приостановили. В Германии на волне этих протестов поднялась Партия зеленых, которая до сих пор занимает видное место в парламенте.

«ДЕТИ ЦВЕТОВ» ПРОТИВ ПЕНТАГОНА

Такое же знаменитое — движение против войны во Вьетнаме. Именно под давлением антимилитаристов пришел конец варварскому уничтожению жителей Вьетнама войсками США. Отказаться воевать для американца в то время означало отправиться на несколько лет в тюрьму. Тем не менее, число отказников росло, а пришедшие с фронта все чаще вступали в ряды противников войны. Набирали обороты и мирные антимилитаристские акции: 15 апреля 1967 года состоялась одна из самых массовых демонстраций в истории США — 700 тысяч человек прошли мимо здания ООН, требуя немедленно прекратить войну.

Самое необычное действо того времени — осада Пентагона. С помощью магии и волшебства пацифистски настроенные хиппи и йиппи решили очистить Пентагон от духа ненависти и злобы. Несколько тысяч человек окружили живой цепью здание главного военного ведомства. Впереди стоял авангард: индейский шаман из племени шошонов с бубном, буддийские монахи с трещотками, известный писатель Аллен Гинсберг с любимой гармошкой, жрецы неведомых культов с колокольчиками, дудками и погремушками. В заградительный кордон национальных гвардейцев брызгали из водяных пистолетов. К ночи, когда над головами закружили вертолеты, освещавшие странное сборище прожекторами, «дети цветов» уселись на землю и завели священное слово «ом». Участники процесса утверждают, что усилием коллективной воли им удалось приподнять Пентагон над землей. Эбби Хофман впоследствии вспоминал: «Меня удивило, как легко это получилось».

ПАЦИФИСТСКАЯ КЛОУНАДА ИЛИ ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!

Современная реинкарнация «любителей повеселиться» из 1960-х — армия клоунов-бунтарей. В один прекрасный день антимилитаристы из Лондона решили, что однообразно махать плакатами против войны им слишком скучно. С тех пор они наряжаются в клоунские костюмы (часто это камуфляж, расшитый тряпочками), надевают фиолетовые парики и розовые носы, берут в руки разноцветные метелки и водяные пистолеты и отправляются стебать серьезные мероприятия милитаристов. Где-нибудь неподалеку от очередной ярмарки вооружений, прямо на улице или в фойе какого-нибудь торгового центра они устраивают «клоунскую войну», «клоунскую вербовку» в армию, рассказывают о «преимуществах» военной службы и о том, как «замечательно» убивать.

Однажды пятнадцать таких клоунов явилось записываться на службу по контракту в Ираке. Но сотрудники вербовочного пункта в армию их почему-то не записали, а вместо этого вызвали полицию. Полиция еще час пыталась обосновать, почему клоуны не должны находиться на призывном пункте. А когда все-таки вытолкала антимилитаристов за дверь, призывной пункт поспешно закрыли «на учет» — под радостное улюлюканье армии клоунов.

Как известно, в нашей стране армия опасна не столько для противника, сколько для собственных военнослужащих. В ней погибает около тысячи человек в год, получают травмы и ранения еще несколько тысяч. Это статистика второй половины 2000-х, когда в Чечню уже не посылали срочников.

Либеральные антимилитаристы много лет боролись за альтернативную службу и, наконец-то, в 2004 году добились своего. Но условия нынешней «альтернативки» таковы, что за все время существования ей воспользовалось меньше тысячи человек — это 0,2% от всего контингента вооруженных сил. Альтернативно «служить» нужно в 1,75 раза дольше, чем в армии, обычно в другом регионе и работая за зарплату ниже прожиточного уровня. Но за право на «альтернативку» с военкомами можно судиться, что некоторые призывники и делают — до того самого момента, пока не стукнет 27.

«Солдатские матери» уже два десятилетия пытаются добиться человеческого отношения к солдатам и победить дедовщину. Некоторые успехи есть, но служить по призыву в нынешней армии они все-таки не советуют. Если сбежавший солдат добирается до «Солдатских матерей», на службу он больше не идет — раз сбежал, значит, было от чего, считают «матери» и организовывают юридическую поддержку. Они уверены, что если бы генералы захотели, дедовщина прекратилась бы немедленно. Но генералам просто лень. Гораздо проще посадить очередного «деда» за покалеченного призывника и отдать приказ ловить призывников по подъездам, чем реформировать армию.

ДЕЗЕРТИР – ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО!

Анархистски настроенные отечественные антимилитаристы каждый год устраивают на 23 февраля фестиваль «День дезертира». Они считают, что никакого «долга перед отечеством» у молодых людей нет и быть не может, так как растили их собственные матери и отцы, а в любых войнах виноваты исключительно правительства, навязывающие народам свои лживые идеи. Поэтому в армию можно не ходить, подрывая ее своим отказом «изнутри». «Нет военных — нет войны! Простым людям делить нечего! Оставьте небо птицам! Верните море дельфинам! Пусть генералы и президенты занимаются «геополитикой», сидя в окопах! Слава дезертиру — защитнику человечества!», — днем уклонисты раздают листовки на улицах, а вечером радуются своей свободе на концертах, дискутируют о борьбе с милитаризмом и смотрят кино. В Москве одно время даже существовала армия клоунов-бунтарей, которые не только «несанкционированно» танцевали на улицах, но и пытались записаться на прием к министру обороны.

*****

Антимилитаристы любят весело отмечать начало военного призыва, совпадающего с Днем дурака. Например, в Тюмени в один первоапрельский день группа молодых людей пародировала войну и военных прямо около здания военкомата. Они пускали мыльные пузыри, стреляли из водных пистолетов, рисовали мелками на асфальте

и маршировали на фоне лозунга «Дуракам призыв не писан». Обитатели «оплота милитаризма» не придумали ничего лучше, как грозить милицией и кидаться снежками. Разбирательство между блюстителями порядка и антимилитаристами ни к чему не привело. Последние доказали, что закон не запрещает рисовать на асфальте, поэтому их действия правонарушением не являются.

В Израиле в армии по призыву служат не только мужчины, но и женщины. Но западные феминистки не спешат радоваться этому факту. Они считают, что обязательная служба ведет только к большему распространению мачистких стереотипов. Феминистки-антимилитаристки сочетают борьбу против войны с отстаиванием женских прав. С их точки зрения, женщины в вооруженных конфликтах страдают больше мужчин — как правило, у них нет оружия для самозащиты, а заботиться им нужно не только о себе, но и о детях и престарелых родственниках.

НА ДОБРОВОЛЬНЫХ НАЧАЛАХ

Небольшой экскурс в коммунитарную традицию

Одной из главных ошибок старых левых всегда был разрыв теории с реалиями жизни. Ставя перед собой порой весьма радикальные задачи, в повседневной жизни старые левые оставались такими же косными обывателями, как и их политические противники. Между тем, люди хотели видеть не только газеты и манифесты, но уже здесь и сейчас пытаться жить по другим правилам. Иными словами, создавать «контр-общества» как альтернативу господствующему образу жизни с его культом потребления, эгоизмом и отношением ко всему через призму материальной заинтересованности.

Надо отметить, что попытки создавать что-то альтернативное существовали и задолго до бурных шестидесятых, вылившихся в массовую эпидемию коммун, общин и сквотов в США и Европе. Взять хотя бы т.н. Gangsystem — своеобразные бродячие артели в Англии девятнадцатого века, которые описывал сам Карл Маркс. Это были сообщества молодежи, часто почти подростков, которые кочевали из деревни в деревню, занимаясь простыми сельскохозяйственными и строительными работами. Нравы в артелях господствовали весьма свободные, что вызывало резкую неприязнь у основной массы чопорных английских обывателей. Даже старина Маркс, отец многодетного семейства, отзывался о нравах в артелях как-то неприязненно: его возмущали половые связи, беременные четырнадцатилетние девушки и постоянное пьянство и курение опиума, как это все напоминает хипповские флэты наших дней!

Люди хотели видеть не только газеты и манифесты, но уже здесь и сейчас пытаться жить по другим правилам

Существовали и принципиально иные альтернативные сообщества, в которых все с точностью было наоборот, и за злоупотребление алкоголем, опиумом или за разврат моментально изгоняли. Тут можно отметить сообщества духоборов, молокан и прочих христианских сектантов, а также весьма распространенные на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков толстовские коммуны, воплощавшие в жизнь непротивленческие идеи Льва Толстого. Конечно, от революционных идеалов они были весьма далеки, но государственную власть, призыв в армию и уплату налогов бойкотировали нехило. В Советской России всплеск коммун пришелся на первые послереволюционные годы, когда нарком просвещения Луначарский официально пропагандировал шумовую музыку, а по московским улицам часто маршировали голые демонстрации нудистов из движения «Долой стыд!».

Мой дедушка, детство которого пришлось на конец двадцатых — начало тридцатых, вспоминает, как он ходил в гости к друзьям, жившим в еврейской коммуне со своими родителями. Коммуна размещалась в бывшем барском особняке. Жили там и семьи, и одинокие молодые люди. У каждого было по своей комнате. Велось хозяйство — у коммунаров был свой отрезок поля, свой скот. И жить в ней было куда сытнее, чем в соседней нищей украинской деревне: дед вспоминал, что мясо на обед подавалось почти всегда, как и молоко — а это по тем временам само по себе было очень много. Соседи-крестьяне завидовали, а секрет был прост — еврейские коммунары не отлынивали от работы, не пропивали свое имущество, всегда были готовы оказать друг другу помощь. И все это на добровольных началах, без кнутов и пряников. Потом Сталин, постепенно сводивший на нет завоевания революции, покончил и с коммунами.

На Западе настоящий бум коммун начался в шестидесятые. И, прежде всего, захватил Соединенные Штаты Америки, где уже к 1966 году существовали тысячи провинциальных коммун и десятки тысяч хиппи бродили по стране. Многие из хиппи не принимали денег от родителей и жили случайными заработками и «аском» (попрошайничеством). Хотя происходили из далеко не бедных семей: 12% хиппи относились к высшей прослойке американского общества, 22% — к верхней части среднего класса, 48% — к среднему классу. Но жизни в родительском доме, пусть и с автомобилем и телевизором, они с большей охотой предпочитали более голодную, но свободную жизнь коммунара. Хипповские коммуны существовали за счет сбора подаяний, пособий по безработице, изготовления на продажу разных кустарных изделий.

Что касается интеллектуального багажа, то хиппи американских коммун вдохновлялись чтением Джека Керуака, Аллена Гинзберга и других представителей так называемого «разбитого поколения». Были у них и свои поэты и писатели, как, например, Тули Купферберг, издавший сборник с 1100 советами в стихах как любить, как прожить без работы, как уклониться от уплаты налогов и службы в армии и т.д.

Пожалуй, к негативным моментам хипповских коммун можно было отнести чрезмерное увлечение многих их обитателей психоделией, экспериментами с наркотиками. Это объяснялось заметным влиянием крайне популярного в те годы в молодежной среде США автора — Тимоти Лири. Университетский профессор-психолог, Лири считал употребление ЛСД (диэтиламида лизергиновой кислоты) средством сопротивления внешнему буржуазному миру, выдвинув три заповеди: turn on — предайся психоделическим возможностям; turn in — познай истину через внутренний экстаз и drop out — выпади из общества. Последнее могло пониматься и как уход из «большого мира» капиталистических городов к жизни в коммуне.

Но могло пониматься и куда примитивнее — как прямой призыв к наркомании, чему многие хиппи следовали и в итоге деградировали, теряли здоровье или вообще погибали от передозов и суицидов. Далеко не все коммуны существовали в городах. Значительная часть американских коммунаров стремилась уйти подальше от индустриальной цивилизации и поближе к природе. Здесь примером им мог служить опыт американского писателя и философа-анархиста Генри Дэвида Торо, два года проведшего в уединении в хижине на берегу Уолденского озера и оставившего об этом отрезке своей жизни замечательное произведение «Уолден, или Жизнь в лесу».

Наконец, некоторые коммуны, входившие в движение диггеров, видели своей главной задачей поддержку странствующих хиппи — предоставление им пищи, денег, ночлега. Что было вполне в духе странноприимной христианской традиции. В глазах диггеров, среди которых были и вполне взрослые дяди и тети, хиппи представлялись чем-то родственным христианским странникам, ведь даже по внешнему облику многие хиппаны старались походить на странствующих пилигримов.

В 1968 году опыт создания коммун взяли на вооружение американские леваки. В феврале в Милуоки они учредили зал совещаний, бесплатный магазин, клинику, биржу труда, мастерские, издательство, художественный центр и т.д. Члены этой коммуны работали, и в своей экономической политике следовали принципам исключения всякого лишнего производства и потребления, равного распределения продуктов и упразднения торгово-денежных отношений. Но главной целью, конечно, было, основываясь на солидарности и сотрудничестве, создать новый образ жизни. Подобные этой коммуны возникали и в других районах Штатов, а также в Европе. Одну из таких коммун юных французских маоистов изобразил культовый леворадикальный режиссер Жан Люк Годар в фильме «Китаянка».

Разумеется, коммуны леваков, сочетавшие совместное проживание, труд и политическую деятельность, были гораздо большим шагом вперед по сравнению с жившими на подаяния сообществами хиппи и наркоманов. О чем в одном из своих интервью совершенно правильно выразился Герберт Маркузе: «Если контркультура не связана с революционной политической практикой, она вырождается в новую форму эгоизма, в погоню за личным наслаждением, в бегство от действительности, в наркоманию». Правоту этих слов подтверждает судьба многих неформалов — хиппи, панков и других, которые либо перерастают увлечение контркультурой и становятся заурядными мещанами, либо спиваются, старчиваются и погибают в молодом возрасте. Контркультура должна быть революционной, или это не контркультура.

И.П.

ОБИДЧИВЫЙ ПАТРИОТИЗМ

Державно-охранительные идеи и современная историческая мифология

Как не раз уже бывало в нашей истории, сегодня массовое историческое сознание является ареной ожесточенных идеологических интервенций со стороны власть имущих. Причем споры о прошлом и конструирование эклектических и аляповатых мифологем подменяют собой то созидание «национальной идеи», «идеологии государства», о необходимости которого говорят еще с ельцинских времен. Однако и постмодернистское состояние общественного сознания, и склонность государственных мужей скорее к политтехнологиям, нежели к серьезной теоретической работе делает эти мифологемы бледными, бесплодными и малосодержательными. Тем не менее, небезынтересно посмотреть, какие сигналы посылаются свыше современному российскому обывателю в сфере исторической мифологии.

Маятник общественного сознания до сих пор определяет реакция — реакция на события 1987-1991 годов, оставившие тяжелую фрустрацию и комплексы реванша и утраты смысла у огромной части населения РФ. И этот маятник, как обычно бывает в России, должен дойти до конца — до Геркулесовых столбов Державности и Охранительства. Поэтому неудивительно, что нынешний историко-мифологический мэйнстрим находится под знаком патриотической державности и консервативного охранительства. Для власть имущих он выполняет легитимирующую функцию, а для населения — замещающе-компенсаторную: «Пусть мы живем плохо, и смысла в нашей нынешней жизни нет, и СССР развалился, зато мы встаем с колен и гордимся величием нашей прошлой державы!». В этом смысле знаковым событием является недавнее провозглашение партией власти «Единой Россией» своей идеологией «консерватизма».

Какие же исторические образы спускаются сегодня свыше публике? Какие образы, штампы и акценты предлагаются сегодня общественному сознанию, тиражируются в учебниках, в фильмах, становятся такими же общими местами, какими позавчера были марксистские или квазимарксистские формулы?

Из русской литературы берется: если Пушкин, то его антипольское и имперское стихотворение «К клеветникам России» (а не ода «Вольность» или «К Чаадаеву»), если Гоголь — то «Выбранные места из переписки с друзьями» (а не «Ревизор» и не «Мертвые души»), если Достоевский — то «Бесы» (а не его антибуржуазные и антибюрократические сочинения). Русскую философию сегодня прежде всего отождествляют не с Бердяевым и Соловьевым, с их пафосом свободы и критикой грехов самодержавия (как было еще лет 10 назад), а с Иваном Ильиным (причем не с ранним Ильиным — исследователем философии Гегеля, а с поздним, националистически-имперским Ильиным). Студенты не раз с удивлением признаются, что из школьного курса они вынесли убеждение, что Ильин — самый значительный, гениальный и известный русский философ. И узнав, что Бердяев намного более известен в мире, они поражались этому факту. Вспомним хотя бы помпу с торжественным перезахоронением Ильина или регулярный показ по каналу «Культура» воспевающего его фильма «Защита Ильина».

В русской истории все препарируется, отбирается, стерилизуется и компанеется — и на скорую руку, тяп-ляп, фабрикуются поразительные мифы. Мифы об идиллической жизни при царизме, о революциях, организованных кучкой заговорщиков на японские и немецкие деньги. Большевизм возвеличивается в его сталинистской версии (без идей социальной справедливости, классовой борьбы, социальной революции), как реинкарнация Империи (а Троцкий — благодаря и своей национальности, и своим взглядам и действиям — опять идеально подходит на образ демонического врага). Белое Движение (старательно очищенное от крайностей черносотенства) превозносится опять-таки в его этатистски-державнической ипостаси.

Вершиной и символом этого абсурдного процесса сляпывания Бело-красного Державнического Синтеза в общественном созна-

нии, был недавний параллельный и одновременный показ по двум центральным телеканалам двух сериальных премьер: «Адмирала» и «Исаева». Не говоря о чудовищных исторических искажениях, хочу обратить внимание на знаковость и логическую нелепость самого этого сочетания, когда белогвардейский адмирал Колчак и красный чекист Исаев в равной мере превозносились за свое служение Великой России, Державе. И лишь по какой-то, по-видимому, «нелепой случайности» они оказались разведены по разные стороны исторической баррикады, сражаясь друг с другом. Постмодернистски-шизофреническому сознанию телезрителя предлагается забыть все различия между этими персонажами, как несущественные, и свести их к одной общей точке: державному этатизму. (Думаю, это эклектическое отождествление было бы одинаково странно, отвратительно и невыносимо как для чекиста, так и для белогвардейца).

В связи с этим имперским бело-красным синтезом (над которым трудятся и такие интеллектуалы, как Проханов, Кургинян и Дугин, и наши телевизионщики), вспоминается бессмертное исповедание веры депутата Первого съезда народных депутатов СССР Червонописского, ветерана-афганца, подвергнувшего яростной травле с трибуны съезда Андрея Сахарова и заключившего свою речь тирадой: «Держава! Родина! Коммунизм!». Так началось возвращение к триаде Уварова: «Православие, самодержавие, народность».

В нынешней России проповедуется одновременное воспевание Александра III, Николая II, Ленина и Сталина на основе синтеза, включающего в себя державность, национализм, государственный патернализм, конспирологию, стабильность, несубъектную пассивность опекаемого народного «стада» (принципиально неспособного к проявлению инициативы и к самоорганизации, иначе как по приказу начальства или... по наущению врагов — третьего не дано), как высшие ценности. Само сочетание двуглавого орла, музыки сталинского гимна и других взаимоисключающих символов двух эпох, очень показательно.

Николай II (Кровавый) сегодня объявлен святым, а расстрел царской семьи — главным и едва ли не единственным преступлением большевизма. При этом забываются и 9 января, и две бездарно проигранные войны и пророческие строки (начала века!) отнюдь не революционного поэта Бальмонта: «Кто начал царствовать Ходынкой, тот кончит — встав на эшафот».

Эпоха Александра III, Царя-Миротворца, рисуется, как благословенное время (эту тенденцию, с присущей ему чуткостью к запросам власти, одним из первых в фильме «Сибирский цирюльник» выразил Никита Михалков). И неважно, что контрреформы этого царствования довели Россию до колоссального социального взрыва.

Иван Ильин повсеместно насаждается в образовательной системе и представляется величайшим философом (и неважно, что он был близок к фашистам). Победоносцев рисуется великим мыслителем и государственным деятелем (хотя даже близкие к нему люди отмечали, что этот специалист по «подмораживанию России» «знает, как не надо, но не знает, как надо», и этот глава Святейшего Синода, в сущности, убил остатки жизни в казенной церкви, окончательно превратив ее в мертвое полицейское учреждение).

Столыпин объявляется величайшим благодетелем России (и неважно, что его дружно ненавидели все слои русского общества и все течения от крайне правых до крайне левых: крестьяне — за попытки насильственно разрушить общину и стравить бедных и зажиточных крестьян, революционеры — за «столыпинские галстуки» и военно-полевые суды (предтечи сталинских «троек»), либералы — за разгон Второй Думы, нелегитимное протаскивание своих законов и разжигание русского шовинизма).

И постмодернистское состояние общества, и склонность государственных мужей скорее к политтехнологиям, нежели к серьезной теоретической работе делает эти мифологемы бледными, бесплодными и малосодержательными

Чтобы оценить правоту этих констатаций, достаточно включить телевизор, взглянуть на полки книжных магазинов, послушать публичные выступления политиков, обратиться к позапрошлогоднему конкурсу «Имя России».

Предлагаемые исторические мифы фантастичны фактически (более, чем допустимо даже для мифа), эклектически противоречивы и, оболванивая население, ослепляют самих власть имущих, заставляя их поверить в эти мифы и наступить на старые грабли.

Сигнал, посылаемый обществу, примитивен. Государство — абсолютная ценность, во все времена и во всех обличьях оно имеет презумпцию правоты и всемогущества, а все, критикующие его — недоумки или агенты влияния вражеских держав. Любые бойни и кровопролития, устраиваемые Державой, любые преступления во благо Империи — оправданы полностью. Любой бунт, сопротивление государству есть «бесовщина», плод заговора, порождение злонамеренности, работа на врагов России. Вот тот незатейливый мифологический синтез, грубо и на белую нитку сварганенный, с разъезжающимися швами и отсутствием творческой веры и бытийной подлинности, который предлагается нынешнему российскому телезрителю, читателю книг и учебников. Нечего и говорить о его внутренних противоречиях (как отделить «хороший» патриотизм от «плохого» национализма, русскую великодержавность сочетать с космополитичностью Империи, «державную» составляющую большевизма изолировать от его «революционной» составляющей?), о его бесплодности и безжизненности.

Нынешние трубадуры консерватизма отнюдь не победоносцевы и катковы, не сталины и не столыпины. Все, бывшее некогда великой трагедией, ныне повторяется в обличии жалкого фарса. А на фоне говорящих о консервативно-охранительных ценностях интеллектуалов, растет и ширится (и сверху, и снизу) уже полновесный, пещерный, откровенный, не нуждающийся в политкорректности, фашизм безо всяких оговорок: в виде ползучей войны на Кавказе, в виде милицейского насилия над приезжими, в виде банд бонхедов, убивающих на улицах всех «врагов России», в виде разрастающегося вооруженного нацистского подполья, пускающего метастазы в сообществах футбольных фанатов и в военно-патриотических клубах. И здесь уже респектабельная ширма консерватизма становится излишней. Потому что, как сказано в одной известной книге, «там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные».

Петр Рябов

ВЫМЫШЛЕННОЕ ПРОШЛОЕ И НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ БУДУЩЕЕ

Почему нацисты гораздо чаще, чем анархисты, готовы браться за оружие

Еще лет шесть назад нацисты в глазах обывателей были немного опасными, немного забавными фриками — лысыми, в тяжелых ботинках, с подтяжками и в куртках-бомберах — представление о которых формировалось обычно бредовыми статьями из «Московского комсомольца». Сейчас ситуация изменилась.

НОВО

Даже телевидение уже не может игнорировать действия этих странных парней. В объективах телекамер — все новые залы судов. За решеткой или пуленепробиваемым стеклом — подростки и молодые люди, выглядящие вполне нормально — мало чем внешне отличающиеся от ваших сыновей, племянников или младших братьев. Но надевают на них наручники не просто так, ведь на счету каждого — десяток-другой трупов «лиц неславянской внешности». По «домашнюю» сторону телеэкрана совершенно непонятно, зачем эти вроде бы адекватные люди творят такие чудовищные вещи, ради чего они готовы садиться в тюрьмы на сроки, близкие к пожизненному заключению?

ВИРТУАЛЬНО

Так получилось, что преступления нацистов входят в число тем, которыми я занимаюсь. И поначалу мне тоже ясно не было. За разъяснениями я обратился к Андрею, знакомому школьному учителю: «Да, в школе межнациональная напряженность чувствуется. Ссоры, драки часто случаются. Недавно азербайджанского ребенка зарезали. Почему дети такими отмороженными стали? Мне кажется, из-за компьютерных игр. Дети тратят на них столько времени, что уже не ощущают разницу между реальностью и виртуальностью. Граница стирается. Ребенок верит, что чтобы он ни сделал, всегда будет возможность «перезагрузиться»».

Такая точка зрения имеет право на существование. Один из основных сайтов рунета, призывавший к межнациональной розни, так и назывался — «Большая игра». Посетители получали от его админов задания разных уровней — от граффити до поджогов и убийств. Одна из самых известных наци-агиток сопровождается слоганом: «Убивай чурбанов. Это весело, модно, спортивно».

ИДЕЙНО

Причин можно назвать еще много — девальвация ценности человеческой жизни как таковой, отсутствие идеалов и общественная разобщенность, невозможность в нынешней России реально влиять на что-либо в рамках легальной политической борьбы. Но основная причина, на самом деле, в другом. Обратимся к ныне закрытому сайту авторитетной в своей среде «Боевой группы Адольфа Гитлера» — российского филиала международной организации Combat18.

Несколько цитат из их агиток: «Мы давно переросли субкультуру скинхэдов. Мы стрижемся и одеваемся иначе. Многие отказались от алкоголя и посещения концертов. Ради чего? Ради того, чтобы активно продолжать борьбу и не палиться. Люди понимают, что Национал-Социализм это не молодежная субкультура — это борьба за выживание Русских как нации».

«Никакой жалости ни к себе, ни к врагам. Если вы действительно готовы к самопожертвованию, ничто не закроет от ваших глаз нашу святую цель. Прежде чем отправиться в Вальхаллу, постарайтесь сделать как можно больше, а главное, качественнее (т.е. нанести максимальный ущерб). Мы только начало, пример для еще не проснувшихся, а Русь — пробуждается. До встречи в Ирии, где мы вживую увидим наших вождей! Sieg Heil!»

«Ты понимаешь, что ты — не такой же. И весь окружающий тебя быт — это западня системы, с целью отвлечь тебя от борьбы, отнять у тебя твое время, занять его работой-домом-отпуском и мыслишками о работе-доме-отпуске. О, это опасная ловушка! И выбраться из нее ты сможешь, только если честно сам себе признаешься, что ты в ловушке, что ты ничего не сделал для Расы за истекшие полгода. И вот тогда ты становишься хреновым

Ими же придуманные «белизна» и «русскость» в реальности в таком виде никогда не существовали

работником, ты забиваешь на дом и отдых ради смысла своей жизни. Собрать информацию, вычислить вредного чинушу или мента, до которого ты сможешь дотянуться. Это сильное ограничение. Значит, тебе нужен ствол. Работай над этим. И очень скоро ты придешь к тем, кто отошел. Придешь к бывшим скинхэдам, чтобы выбить из них десятую часть их дохода. Потому что тебе понадобиться не только ствол, но и тачка, и съемная хата, и новая ксива».

ПРИДУМАНО

Почитав и проникшись такими текстами, молодые люди и оказываются за решеткой очень надолго. Нацизм — вторая после исламского северокавказского сепаратизма идеология, имеющая в России немало адептов, готовых за нее погибнуть. Своей целью нацизм ставит построение некой утопии. Мира, в котором будет править «белая раса», «русская нация» и тому подобные этнические конструкты. Причем в сознании нациста белая раса и русская нация имеет идеально-лубочно-героический вид. В реальности ни такая нация, ни такая раса не существуют, и никогда не существовали.

Они считают, что, придя к власти, хорошенько постреляв недовольных и промыв мозги остальным, они смогут реализовать свою утопию. Но нацисты сталкиваются с миграцией. Когда в Москву едут и африканцы, и азиаты, и кавказцы. И смешанных пар все больше. А чем больше смешанных пар, тем меньше «чистокровных русских/белых детей». «Мы должны защитить само существование нашего народа и будущее для белых детей», — таков основной лозунг современных наци.

Ими же придуманные «белизна» и «русскость» — еще раз повторю, в реальности никогда в таком виде не существовавшие, — стержень, вокруг которого нацист строит всю свою жизнь, мотивирует себя учиться, работать, читать книги, заниматься спортом, создавать семью. И когда нацист видит, что «нация в опасности» (просто потому, что людям свойственно проявлять сексуальный интерес к представителям/ницам других народов), он воспринимает это примерно также, как если бы Землю попытались оккупировать инопланетяне. И берется за оружие. Потому что не представляет себя вне им же придуманных идентичностей.

Так что не нужно думать, что нацисты — сплошь дети алкоголичек-уборщиц. В реальности это далеко не так. Нацист может быть очень даже образованным и интеллектуальным человеком.

АКАДЕМИЧНО

Что интересно, вокруг самого понятия «нация» не утихают научные споры. Вот лишь несколько цитат из академических дискуссий, посвященных этническому, расовому, национальному самосознанию: «Казалось бы, нет ничего более очевидного, чем понятие «народ». Народы имеют свои имена и истории. И, тем не менее, любой, кто когда-либо проводил социологические опросы среди людей, предположительно принадлежащих к одному народу, получал великое множество удивительно разнообразных ответов» *[1]*. «...Может быть, это происходит потому, что человечество не является неизменной конструкцией, а представляет из себя нечто, постоянно меняющее свои границы в зависимости от конкретной ситуации. Быть может, народ не должен сохранять постоянные формы? Но если так, отчего так остра дискуссия? [...] Что есть такого в современной исторической системе, что провоцирует такой любопытный социальный процесс?» *[2]* «...Нации, на мой взгляд, не существуют «в реальности», они возникают как особая форма соединения культуры и государства, возможная при определенных экономических условиях» *[3]*.

«...Больше всего бросается в глаза отсутствие преемственности между прежней этнической и современной национальной идентичностью. Да, националисты — интеллектуалы и политики — действительно монополизируют мифы и символы, унаследованные от прошлого, и вплетают их в свою аргументацию, призванную закреплять национальную идентичность и оправдывать национальные притязания. Однако крайне трудно соотнести степень их успеха с «объективной» важностью таких мифов и символов. Нам известно, что во многих случаях националисты сами придумывают мифы. [...] Принимая во внимание то почтение, которое националисты испытывают к истории, доказательство того, что этот эпос представляет собой современное творение, очевидно, должно было вызвать у них глубокий стыд, — но это скорее имеет отношение к вопросу о националистическом видении истории, чем к вопросу о силе этнической идентичности. Более того, понятно, что современный национализм видоизменяет подобные мифы и игнорирует те, что идут вразрез с его собственными целями» *[4]*.

«Только некоторые традиции находят отклик у масс, и только немногие из них выдерживают проверку на прочность. Нация, указывает он, — это самая значимая из долговременных «изобретенных традиций». Если так, то в каком смысле следует считать ее «вымышленной» или «построенной»? Почему это «изобретение» так часто и в столь различных культурных и общественных условиях умеет затронуть такие потаенные струны, вызывая при этом столь долгий отзвук? Ни один артефакт, как бы хорошо он ни был состряпан, не выдержал бы столь много злоключений разного рода или не подошел бы к столь многим различным условиям. Определенно к формированию нации имеет отношение нечто большее, чем националистические подделки, и «изобретение» здесь должно пониматься в другом смысле — как новаторская рекомбинация существующих элементов» *[5]*.

ЛИБЕРТАРНО

Анархисты в России, Украине и Беларуси являются одной из основных составляющих такого аморфного и поддающегося легкому манипулированию понятия, как «антифа». Просто потому, что во многих городах именно анархисты оказывались на передовой столкновений с бонами. Неизбежно ли было это? Сложно сказать. В начале «нулевых» нацизм имел огромнейшее распространение в самых разных молодежных средах. И без конфронтации с ним продвигать либертаные идеи юному поколению было мало возможно.

Сейчас же наци и анархисты, в общем, не борются за одни и те же умы. Но клубок обоюдной кровавой вендетты вряд ли вскоре распутается. И встает вопрос о методах ее ведения. С одной стороны, явными идиотами выглядят люди, пытающиеся, например, избить руками и ногами противника, таскающего с собой если не ствол, то нож уж точно. С другой, если говорить о брутальных акциях, наци объективно впереди нас.

Это признак нашей слабости? Нет. Просто у нас несколько меньше поводов рисковать своей жизнью и забирать чужие. Мы не «воюем с инопланетянами».

ДОРОГИ ПОСТАВЯТ ВНЕ ПОЛИТИКИ

Любой протест в сознании чиновников – спор хозяйствующих субъектов

Русский нацизм, еще раз повторю, по крайней мере в его нынешнем виде, потеряет всякий шанс на реализацию своей утопии, если русские продолжат вступать в половые связи с представителями других народов. А бурные миграционные потоки весьма этому способствуют. И если человек честно верит в нацистские бредни, сегодня он не может не взяться за арматуру, нож и ствол. Ведь как же построить «русское сверхгосударство», если количество смешанных пар будет все больше расти?

Утопия анархизма же обращена в будущее. Ныне ни у одной анархистской группы нет «четкого плана победы». Возможно, это и хорошо. Если бы была возможна такая безотказная социальная инженерия, вероятно, первой воспользовалась бы ей ФСБ, совершенно подчинив народ своей воле. Неизвестно, победит ли анархизм через 500, 100, 20 лет. А вдруг у нас появится земля для реализации своего проекта уже и через пять лет? А может не появиться и никогда.

Закрытая группа партизан, не имеющая общественной поддержки, неминуемо обречена на провал. Так что при расстановке приоритетов между пропагандой и насильственным сопротивлением ответ сейчас очевиден. Но, конечно, из этого не следует, что мы не должны применять адекватные меры защиты против тех, кто готов отрезать головы, расстреливать в подъезде или проносить бомбы на массовые концерты. Также как и помогать сопротивляться различным группам угнетенных, на которых наживаются весьма многочисленные в СНГ эксплуататоры.

[1] Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003. / / Валлерстайн И. Конструкция народа. Расизм, национализм, этническая принадлежность. с.85.

[2] Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003. / / Валлерстайн И. Конструкция народа. Расизм, национализм, этническая принадлежность. с.92.

[3] Нации и национализм. М., 2002. / / Геллнер Э. Пришествие национализма. с. 186.

[4] Нации и национализм. М., 2002. / / Бройн Д. Подходы к исследованию национализма. с. 207.

[5] Нации и национализм. М., 2002. / / Смит Д.Э. Национализм и историки. с. 256.

Валерий Листьев

После долгих дискуссий Медведев подписал поправки в закон о митингах.Поначалу (в результате в поправки это включено не было) предполагалось, что за политическое перекрытие дорог возможно уголовное наказание.

В Госдуме сейчас маринуется законопроект о повышении безопасности работы транспорта. В частности, возможно, в него войдет норма, предусматривающая уголовное наказание за перекрытие дорог. Делая на эту тему статью для одного СМИ, я пообщался с Андреем Рэмовичем Попченко, начальником отдела нормативного обеспечения транспортной безопасности Министерства транспорта РФ, участвовавшего в разработке законопроекта. Его телега приводится в форме прямой речи. Для понимания, каким видят мир те, кто нами правят.

«Акции эти не обязательно могут быть политического характера. Достаточно вспомнить 98-й год, когда они были инспирированы проблемами хозяйствующих субъектов, если вы помните. Когда шахтеры перекрывали коммуникации, чтобы повлиять на выплату зарплаты. Это вопросы нерадивого менеджмента. Или, скорее, стремление менеджмента решить свои хозяйственные проблемы за счет государственного бюджета. У них не было денег на выплаты зарплат, при этом руководители шахт покупали себе квартиры. При том, тогдашнем первом демократически избранном президенте России, не находили ничего лучшего, как решать эти политические моменты за счет федерального бюджета. Так что не все так просто можно сводить к политическим акциям.

Я всегда стараюсь держаться вне политики, но считайте это защитой интересов пассажиров, которые заплатили деньги и пытаются проехать домой к своей семье, детям или, упаси Бог, больным родителям, на похороны близкого человека. Их права должны быть в меньшей степени защищены, чем того человека, который выходит на транспортную магистраль?

Как показывает практика, административные меры под собой имеют достаточно слабую превентивную функцию. Попытаюсь пояснить эту мысль некой исторической аналогией. При советской власти у нас были нормы, запрещающие распитие спиртных напитков в общественных местах... При советской власти, при всех ее явных недостатках, боялись не столько ответственности по данной статье — поскольку в течение года она гасилась, боялись не столько налагаемого административного штрафа, который составлял максимум 10 рублей — это не те деньги, которые могли бы спасти отца русской демократии. Боялись более эффективного тянувшегося за административной статьей шлейфа — материалы поступали по месту работы, в комиссии по борьбе с пьянством и административными правонарушениями. После этого к человеку применялся ряд санкций, скажем так, неправового характера, но обусловленных правилами внутреннего распорядка, коллективным договором — человек терял место в очереди на жилье, перемещался на неблагоприятное время в графике отпусков — это, а не штраф сдерживало людей.

В настоящее же время административное взыскание не несет за собой никаких по большому счету последствий, кроме этого небольшого денежного штрафа — никто на работу не сообщает, никаких пролонгаций не делает. Воспитательная роль этой санкции нулевая, а предупредительной - вообще никакой. Уголовная же ответственность в определенных условиях порождает довольно серьезные правовые последствия — проблемы с трудоустройством на определенные виды работ, проблемы с въездом в страны Шенгенской зоны, ну и вообще, для обыденного правосознания человек, привлекавшийся к уголовной ответственности, пока еще воспринимается как не очень позитивная личность.

Что касается блокирования транспортных коммуникаций, у нас в последнее время это имело очень ограниченную распространенность, но, как вы помните, оно было связано не с политическими моментами. Опять же, в Пикалево. Та же самая нерадивость, или вполне спланированное мероприятие того же самого градообразующего предприятия. В последнее время с градообразующими предприятиями идет серьезная проблема: это моногорода, и вся социал-

ка, как правило, висит на них. И подобными мероприятиями — нет денег, нет зарплаты, или еще чего-нибудь — как правило, подводится почва, чтобы по максимуму социалку с этого предприятия снять... Я считаю, это необходимо, чтобы именно не допустить перетекания споров хозяйствующих субъектов в политическую плоскость, и самое главное, чтобы не допустить, чтобы люди защищали свои интересы, принося в жертву интересы других людей.

У нас очень серьезная проблема в том, что отношение к транспортной коммуникации как к чьей-то собственности, охраняющейся законом, в обыденном правосознании отсутствует. Люди спокойно пересекают железную дорогу там, где захотят, перелезают через заборы, переезжают через переезды. Все это на Западе даже немыслимо.

Эта норма, за блокирование транспортных магистралей, была известна советскому законодательству, причем уже периода перестройки и гласности. До этого тоже действовала норма, называвшаяся «групповые нарушения общественного порядка, нарушающие работу транспорта». В принципе, ничего нового. Скорее, восстановление хорошо забытого старого. Но в какой мере будет осуществляться правоприменительная практика, пока еще можно говорить только в сослагательном наклонении. Пока закон не вступил в силу, и обсуждать его не совсем корректно — это можно расценить как определенную попытку влияния на законодателей.

Учитывая то, что страна наша бескрайняя, дестабилизация работы транспорта может иметь и роковые последствия — многие живут в регионах Крайнего севера, и вы знаете, что такое сорвать северный завоз. Это просто будет гуманитарная катастрофа для определенной категории людей. Транспорт должен быть как священная корова! Он и так у нас достаточно изношенный, и на пределе возможностей работающий, и если кто-то ему еще и будет создавать проблемы, это отразиться и на нас с вами».

Беседовал
Юсуп Пехлеви

ДОБРЫЕ

Ваня. Записки подельника

«Ты... Ты из какого-то другого материала сделан. Ты гораздо больше, чем я, готов к такой вот херне. Я это понял, когда ты говорил мне по телефону, что Вани больше нет», — примерно такие слова сказал мне хороший молодой камрад в рамках одной беседы. Мы стояли на платформе метро, металлические поезда сновали по металлическим рельсам. Металлические тиски сжали мое нутро. Но, в общем, молодой камрад прав — я действительно готов к такой вот херне.

Со смертью Вани я морально оказался в четвертом десятке, хотя тридцатник мне будет не завтра. «Двадцатые» годы моей жизни прошли в скинхедовско-кажуальном угаре, дополненном анархо-коммунистическим идейным багажом. Через все эти годы я шел плечом к плечу с двумя парнями. Один из них давно отписался, и его сейчас больше интересуют темы вроде жены/любовницы/ребенка/тачки. Вторым товарищем был Ваня. Если буду жив, здоров и на свободе, четвертый десяток тоже планирую не скучным. Но все уже будет не то и не так.

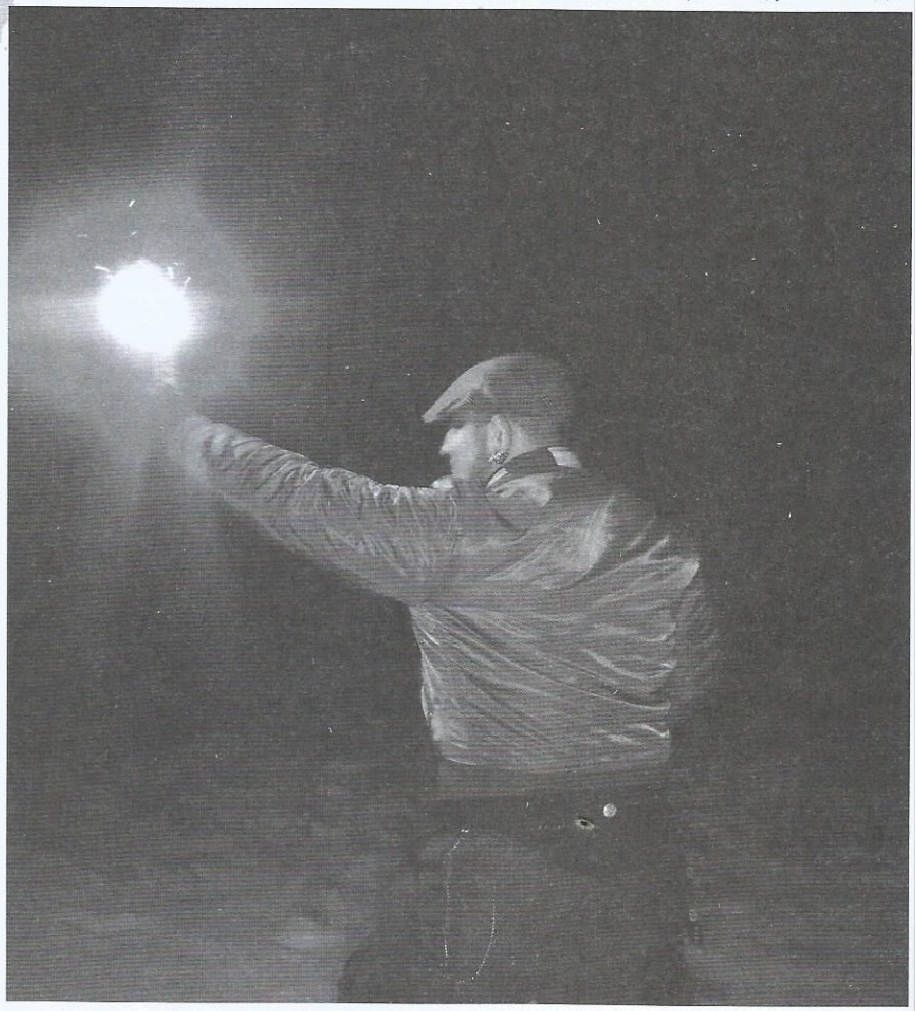
*****

Познакомились мы в 2004 году. Я находился в поиске новых товарищей для занятий starim dobrim ultra-nasiliem. Уже почти год как тусовка вокруг ФК «Мосэнерго» развалилась, и ничего толком не происходило. Практически не было рядом стоящих людей. Тогда считалось нужным собирать тусы по десять, двадцать, тридцать человек, чтобы нормально избивать противника.

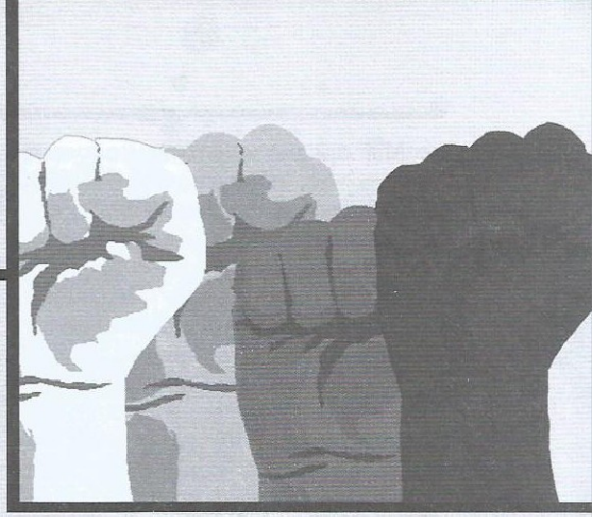
А кто был вокруг? В основном бестолковые дети с форума antifa.ru, даже какие-то совсем дураки из молодежного «Яблока». Действительно качественным человеком с antifa.ru тогда оказался лишь Джей (которому посвящен альбом «Проверочной линейки»). Но нет таких крепостей, которые не взяло бы упорство. Дураки отсеивались, нормальные люди не терялись. И вот, набралась туса человек так в двадцать, которая могла уже действовать. Там был ряд известных персонажей — DJ Stalingrad, Федяй, Ваня. Уже позже появился Шкобарь (впервые я с ним познакомился в мосэнерговские времена, но потом он выпал из антифы, попробовав построить карьеру среди хулиганов «Спартака»), еще позже пришел Тигран (которому минировали квартиру) и Илья Джапаридзе. Ну, конечно, и другие яркие люди были. Но Лошак прав — про мертвых (или дико спаленных) антифа проще писать, чем про живых.

До знакомства с нами Ваня тоже дрался с бонами на панк-концертах. Как и Джей дрался вместе со своими товарищами-рэперами, причем не в рамках White Smoke Clan. Тогда, в середине 2000-х, антифа в Москве были в явном меньшинстве. Не существовало никаких четких способов с ними познакомиться. Но если ты начинал валить бонов, всегда находились какие-то общие знакомые, которые связывали тебя с коллегами по ремеслу.

Так к нам вписался и Ваня. Первая его мутка с нами была провальной. По приглашению малолетних дураков где-то пятнашка наших поперлась в военный городок Заря в Подмосковье. И там нарвалась на в разы превосходя-



КУЛАКИ



Относительная безопасность вела к большему раздолью: драк вообще было больше, чем сейчас, они часто случались в общественных местах, в том числе и под камерами

щий объединенный состав местных бонов, футбольных хулиганов и гопарей, решивших «встать за район». Меня пронесло — я туда не поехал. Учитывая, что наши еще и махали арматурой, загадка, почему никого не прибили, и наши отделались лишь парой сотрясений. Ваню это приключение не обломало, и он начал появляться.

*****

Мы нападали пару-тройку раз в месяц. В середине нулевых в Москве вполне были места (известные лавочки в парках, вестибюли станций метро), куда можно было приехать и найти бонов. Проходило немало и (около)правых концертов. С некоторыми было удобно — там любой выходящий из зала мог сойти за мишень, с другими концертами приходилось быть аккуратными — правые составляли 20-30% посетителей. Тогда травматов практически не было, и только появлялась культура ношения ножей. Соответственно, дрались в основном без оружия, иногда применялся газ, иногда бутылки из под пива и арматура.

Эта относительная безопасность вела к большему раздолью: драк вообще было больше, чем сейчас, они часто случались в общественных местах, в том числе и под камерами. Сейчас, например, я бы не очень хотел нападать на бона в едущем вагоне метро: если он достанет нож, его очень вероятно придется убивать, и с большим риском спалиться, если не прямо попасться на ближайшей платформе. А раньше лупцевать бончика в едущем поезде было в порядке вещей: между станциями московского метро поезд едет примерно боксерский раунд, и на ближайшей станции ты удалялся с места событий слегка вспотевшим.

Некоторые боны получили вполне серьезные травмы после встречи с нами. Хотя несколько раз менты ловили от одного до нескольких наших на местах таких драк, обходилось без уголовок. Во многом, в общем-то, везло (в тех случаях, когда народ принимали, бонов не особо успевали помять). С другой стороны, слово «антифа» знали только в ФСБ, и некоторые продвинутые менты, в основном молодые. У ментов не было плана по поимке экстремистов, так что в их головах срабатывали пацанские ментальные установки: типа у парней может быть повод подраться, и если нет трупов и инвалидностей, разбираться, почему произошла драка, не стоит.

Эти драки мы не пиарили, но они получали большой резонанс и среди фашиков, и среди «неформальной» молодежи. Боны безуспешно пытались нас найти, при этом окучивая случайных нефоров. Позже, например, я познакомился с одним рашом. Он рассказывал историю того, как стал анархо-скинхедом: шел парень по улице в майке с Егором Летовым. Его избили фашики, приговаривая, что он — редскин. Парню стало интересно, а что же такое «редскин»? Он посмотрел в интернете и решил, что редскин — это круто! Типичная история.

Отдельно стоит рассказать о т.н. «ОБ46», проекте, в результате которого бонам удалось избить и заснять на видео покойных Ваню и Федю, а также Шкобаря и еще одного парня. Кадры этих съемок, обычно не к месту, часто показывают в передачах о бонах или антифе. ОБ46 начали пиариться в сети больше чем за полгода до успешной съемки. Они создали сайтик и писали довольно глупые вещи, но в антифа-стиле. С ними вступили в переписку, в ходе которой градус глупости с их стороны вырос еще больше.

Я думал, это не фашики, а менты с Петровки, и уговаривал всех не иметь с ними дело. Но четвертый фигурант видео решил, что это все-таки нормальные парни, которые пишут глупости по незнанию. Он один раз нас чуть не подставил. Тогда проходили нацязыческие музыкальные фестивали под названием «Колояр». После многих таких фестивалей мы кому-нибудь нахлобучивали. Организаторам стало ясно, что их посетителей обижают, и они решили защищаться.

На очередной фест (он проходил рядом с метро «Октябрьское поле») они договорились с местными ментами об усиленном патрулировании окрестностей. Мы же решили, что это «не по понятиям», и тоже сменили тактику. На фесте должна была играть группа «Темнозорь». Мы нашли замечательную цитату из ее текстов: «Но вижу я, придет тот час, когда кресты сгорят, когда в церквах своих попам пощады не видать, когда здесь снова запоют богам Руси хвалу, и плюнут в лживые глаза распятому жиду». Мы начали пиарить в интернете, что такая вот группа хочет выступать. Пиар вызвал резонанс, даже какие-то депутаты согласились делать запрос.

Оставалось только их обзвонить, но Шкобарь резонно заметил, что с этим пиаром мы подраться не сможем. Все согласились, депутатов не дергали. Помимо ментов, на концерт приехало человек 100 бонов из их ведущих бригад, желая нас найти. Но мы (собралось человек двадцать) всех обхитрили и привалили группу посетителей концерта, наша атака вызвала резонанс. Так вот, ни с кем не посоветовавшись, этот самый «четвертый персонаж видео» встречался с представителями якобы ОБ46 примерно за час до нашей мутки, и сказал им: «Вот мы сейчас прыгать будем, берите своих людей, приезжайте!» Но фашиковские разведчики струхнули, и не узнали место нашего сбора. Так что от ОБ46 боны получили гораздо меньше дивидендов, чем могли бы.

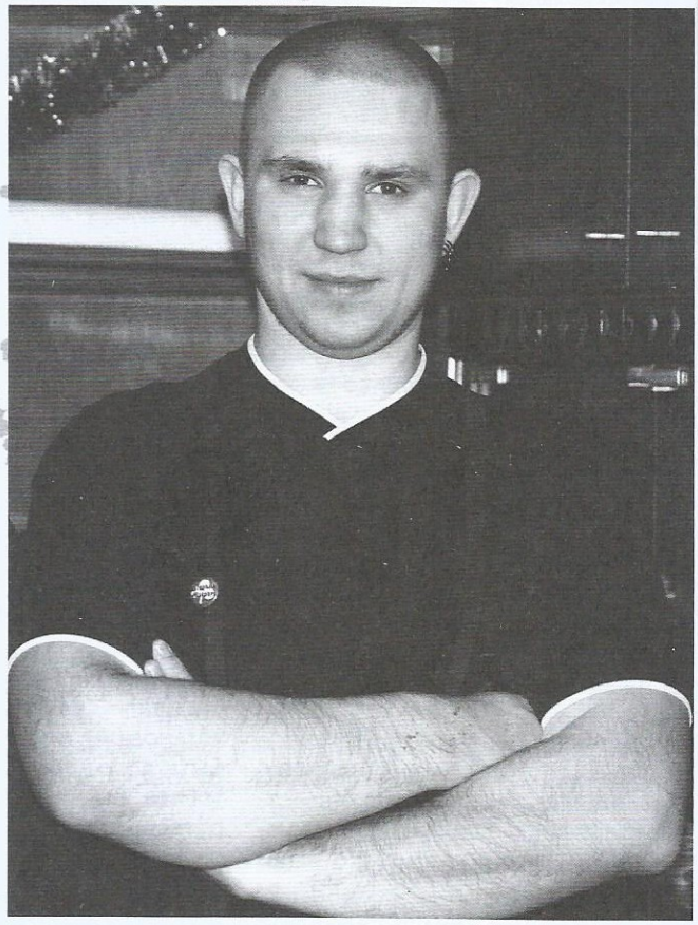
Мы организовывали концерты. Это сейчас, по сути, большинство рэп, панк, ска, хардкор и т.д. концертов более-менее антифашистские. Тогда же антифа-сцена была жесткой подпольной маргинальщиной. Концерты обычно организовывал DJ Сталинград. Снимались районные клубики, в которых в более кассовое время проходили быдло-дискачи. Аппарат ужасный, места сбора на концерт — шифрованные. Первый концерт такого рода был вообще выше всяких похвал. Выступали No Heads и Klowns. В маленькую репетиционную базу в центре Москвы набилось человек шестьдесят. Хозяин заведения прочухал тему, и начал бычить, что он крутой, у него здесь «Коррорзия металла» репетирует, а мы у него, не спросившись, концерт затеяли. DJ Сталинград не растерялся, подпряг какие-то свои контакты, и поехали мы на метро «Водный стадион», где через полтора часа сейшен продолжился на совковом аппарате в непонятном учреждении в зале для балета.

*****

Антифа появилась в России, в отличие от ряда западных стран, вокруг узкой темы самоорганизации нефоров против боновского беспредела на различных тусовках. В антифу было вложено изначально не так много сил, но расти в какой-то момент движ стал как снежный ком.

И в нашей тусе тоже в определенный момент появилось понимание, что наш человеческий ресурс — это уже не 20 щщей, а, по большому счету, под стольник. Надо было решать, как действовать в условиях роста. Я считал, что нужно разбиться на группы человек по 10-20, и как можно больше их профессионализировать, терроризировать бонов так, чтобы не мозолить глаза ментам. Шко, Федяй, Сталинград — наоборот, что круто устраивать большие резонансные драки. Появилась конфиклты, некоторая неприязнь к друг другу — первый раз я пожал руку Федяю, после перерыва в несколько лет, за полгода до того, как его зарезали.

Ваня сомневался, как действовать, но во многом склонялся к моему варианту. Но тут на него напали в подъезде — разбили голову битой, истыкали наточенной отверткой лицо и шею. Ваня оказался на больничном на пять месяцев! (Восстановление здоровья до боевых кондиций, конечно, заняло больше времени).



Возобладал шоу-вариант. Собирали от 30 до 110 человек (столько было, когда нападали на околоправый концерт в клубе «Точка»). С бутылками, арматурой, фаерами атаковали разные концерты и националистические мероприятия. Продолжалось это годика полтора, таких муток было десятка, наверное, тоже полтора. Они живо обсуждались в прессе и на форумах. Я был противником таких действий — слишком большой и неоправданный был риск, и поддерживал с их организаторами достаточно прохладные отношения.

Не хочу выносить говно за ворота, так что лишь скажу, что вокруг формации, мутившей эти действа, чем дальше, тем больше стало возникать много мало вменяемой ерунды. Начали появляться люди, желавшие валить бонов, но не вместе с «Основой». Да и вообще людей стало еще на порядок больше, уже не было никакой возможности их всех строить в один моб. А тут еще история с запросом депутата Алксниса и уголовным делом против некой «организованной группы, устраивающей массовые беспорядки». Это сильно ограничило деятельность «Основы», хотя я не до конца понимаю, почему тогда их не посадили. То ли менты поленились, то ли идейно было неудобно организовывать процесс над антифашистами в «стране, победившей фашизм», при том, что менты тогда еще придерживались телеги, что фашизма у нас нет, так, молодежь иногда хулиганит.

*****

Ваня выздоровел более-менее, и вокруг него образовалась группа. Позже то ли боны, то ли петровские опера назвали ее «Бандой Костолома». «Основа» восприняла инициативу отрицательно, первые полгода отношение с нами были достаточно прохладными. Мы могли собирать от 15 до 30 человек от 16 до 25 лет разной боевой кондиции. Периодически действовали вместе с другими группами. Был отряд скаутш — щупленьких девушек лет 16-19. Почти все они обзавелись парнями из среды тех, для кого они отслеживали перемещения врагов. Пара этих девочек, правда, нашла парней среди правых, и это был провал — естественно, их отписали, но знали они несколько больше, чем следовало бы.

Ваня организовывал спортивную подготовку. Сначала это была адская качалка на окраине Москвы. С ржавеньким железом, грушей, без душа. Она выглядела реально как спортзалы в фильмах «Ромпер Стомпер» и «Россия88». Потом качалка обломалась, какое-то время мы снимали уже более приличный зал, без железа, но с душем и матами, Ваня обучал там парней броскам из самбо. Еще мы ходили в лес, где били друг другу пачки в боксерских перчатках, называя действо «Бойцовским клубом», позже название сократилось до БК. «Бэка» — сейчас это уже почти самостоятельное слово в лингвистическом багаже российских антифа.

Было много драк. Мне больше

всего понравился эпизод, когда мы катались по метро вокруг очередного «Русского марша». В вагон заходит чудовищного вида группа молодых людей, по-идиотски увешанная имперской символикой. Особенно один выделялся — весь в черном, в черных гавнодавах, в черной маске и с имперским флагом на рукаве. Новые пассажиры огляделись, и один из них говорит: «А давайте устроим «белый вагон»! Вот тут и наши стоят!» Мы давимся от смеха. «А вдруг это антифа?» — предположил другой юный патриот. На этих словах двери закрылись. Далее имперцы летали из угла в угол вагона, мы, чуть не попав на ментов, отписались. Мне кажется, мы исполнили волю Провидения: если бы эти дураки в таком виде избили бы какого-нибудь «нерусского», их наверняка поймали бы, и прямо из метро повезли на Колыму. А так — сколько-то зубиков, столько-то сотрясов — зато на свободе!

*****

Постепенно шла эскалация насилия. Смерть Тимура Качаравы была политическим событием. Саши Рюхина — тоже. Да даже избиение фашистами арматурой возвращавшихся с концерта музыкантов в подмосковной электричке (басист группы «Шлюз» тогда попал в реанимацию) воспринималось как безумие и ужас. Но, на самом деле, ничего удивительного в этой эскалации нет. Почки и ребра ни у кого не казенные. Хотя бы нож в кармане — в принципе, какая-то гарантия их сохранности. А когда становится понятно, что у того, на кого хочешь нападать, в кармане нож, сам, наверное, тоже не нападешь без оружия.

Вот, например, отлавливали мы как-то фашиков рядом с мероприятием Национал-Социалистического Общества (его членов позже по судам затаскали по чудовищным делам с кучей трупов). Нас человек двадцать, дело в центре Москвы, идем, растянувшись по улице. Вижу двух крупных бончиков, они от меня в метрах пятнадцати, на них прыгают те наши, кто был ближе, один их заливает газом, второй стреляет в головы из пневматического пистолета. Тут крик: «У него нож!» Бросаюсь туда, у меня автоматически тоже в руке из кармана появился нож. Один бончик лежит, второй, даже залитый газом, шельма, быстро убегает, несмотря на то, что улица заставлена машинами. И убежал. Смотрим, двое наших порезаны. Пульки от пневматики залетели в открытую дверь банка, оттуда вылезла охрана в бронежилетах с автоматами. Охрана помогает раненным, а нам говорит нафиг валить до милиции. Мы валим, очень сильно окучив лежащего бона.

Эскалация насилия привела к тому, что много людей из антифы свалили. Мне кажется, потому, что они воспринимали это противостояние в субкультурных рамках, и мало кому, понятное дело, хочется серьезно рисковать жизнью ради приятной музычки. Я не то чтобы особо смелый человек, но для меня противостояние с фашизмом всегда было противостоянием с идеологией. Рассматривая «фа/антифа» не в субкультурном, а политическом ракурсе, морально можно быть лучше готовым к таким ситуациям.

Росло понимание, что тогдашний моб не готов к жесткачу. Приглашения приезжать на драки уходили полусотне человек. Както проходил сбор, в котором участвовало пятнадцать наиболее активных наших. Мы просматривали списки приглашаемых и поняли, что, блин, никто из присутствовавших не мог назвать человек пять записанных! И это при жесткой угрозе ментовских провокаций, фашистской разведки, опасности просто от непроверенных людей, может быть, болтунов...

Кроме того, среди наших и близких к нам скинов было много не просто любителей выпить, а выпить и не очень важно кому разбить рожу. Один раз такая тема кончилась стрелкой с гопниками из одного подмосковного городка. Я очень рад, что гопники дали заднюю и не приехали разбираться. Потому что полтинник наших парней с арматурой стоял в роще часа три. И если бы была драка, кого-нибудь могли и насмерть прибить. А все из-за по-пьяни сломанного носа...

*****

В свете всего этого наша формация была реорганизована. Как — прочтете, если доживу и разменяю пятый десяток. Гы-гы.

С Ваней я продолжал дружить, иметь разные дела. Последний раз живым я видел его на нашем турнире по рукопашному бою «Не сдавайся!». Потом созванивался несколько раз, хотел встретиться... Примерно тогда же, когда его застрелили... Я хотел поговорить с Ваней. С его запаленностью, с пониманием всеми, что он — персонаж ключевой... Я боялся, что первая же фигня какая-нибудь, менты обозлятся на что-нибудь, и первого, кого они решат посадить, будет Ваня. Шкобарю ранее год заключения высосали из пальца, а на Ване были некоторые свежие эпизоды... Я хотел объяснить это Ване, предложить вместе подумать, что делать с таким его имиджем. Но планы спутала боновская пуля в затылок.

Ваня был из тех людей, которых трамваи объезжают. Он был анархистом, захаживал на редколлегии «Автонома», что-то даже написал для журнала. Но на первом месте для него была война с бонами и продвижение RASH. Не скажу, что был ему самым лучшим другом, но он бывал на моих днях рождения, я — на его, раза два вместе праздновали Новый год... Мне кажется, последние годы его жизни, у него мало что другого было, кроме отдыха и сопротивления вместе с нами, его подельниками.

zJudez

МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

БЕРЛИН

21 ноября 2009 года в Берлине прошла многотысячная демонстрация памяти Сильвио Майера, убитого ровно 17 лет назад неонацистами при входе на станцию берлинского метро «Самаритерштрассе». Участники демонстрации вспоминали и других погибших антифашистов из разных стран мира: Чехии, Великобритании, России. Среди них был Иван Хуторской. Демонстранты несли его портреты и самодельные плакаты с именем «Ваня», написанным кириллицей и латиницей

СИМФЕРОПОЛЬ

22 ноября по улицам города прошло шествие в память об убитом нацистами Иване Хуторском. Антифашисты собрались в парке Тренева, где провели небольшой пикет, затем колонна прошла траурным шествием по центру города. По ходу движения людям на улицах раздавались листовки, рассказывающие о Ваниной жизни и борьбе. Шествие закончилось около Вечного огня минутой молчания и возложением цветов.

МАДРИД

19 декабря в Мадриде на площади Европы собрались около 50 антифашистов, чтобы почтить память Ивана Хуторского. Акция прошла у Монумента Интернациональным бригадам, поскольку их дело продолжает жить в различных частях мира. Минутой молчания антифашисты Мадрида почтили память павших от рук неофашистов. А затем исполнили песню испанских анархистов времен Гражданской войны (1936-1939 гг.) «На баррикады» и международный пролетарский гимн «Интернационал».

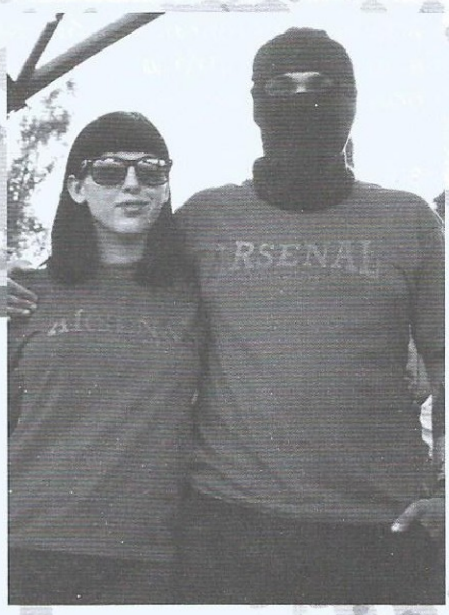
Фотографии 11 российских активистов, погибших от рук неофашистов за последние шесть лет, были размещены у подножия Монумента.

Акции памяти Ивана Хуторского и других антифашистов в ноябре-декабре 2009 года прошли также в Москве, Волгограде, Рязани (Россия), Минске (Беларусь), Ростоке (Германия), Киеве, Чернигове (Украина), Риме (Италия), Копенгагене (Дания), Будапеште (Венгрия), Хьюстоне (США) и Леоне (Испания).

Источник: antifa.ru

ВЫРУБИТЬ СВОЕГО, ЕЩЁ ОДНОГО И ЕЩЁ ДВОИХ

Как антифашисты оказались на трибунах украинской премьер-лиги



Рядом со мной сидят два фаната киевского ФК «Арсенала», которые поведают нам о своей любимой команде, о своем движе и мыслях насчет украинского «околофутбола».

- С чего для вас все началось?

Святослав: Для меня все началось в 2004 году. Я тогда уже гонял по всяким антифа-темам, и пришел на сектор, чтобы подтягивать людей, для того чтобы у них была практика. По началу все было вообще печально. Ярослав подошел через полгода. Я его практически тогда силком притащил. Сказал, что не хватает людей и предложил поучаствовать в ОФ-угаре.

- А сколько тогда было людей?

Святослав: 15 — это был потолок для нас. Когда дрался, то знал, что тебе надо вырубить своего, еще одного, еще двоих и тогда будет, возможно, победа. У нас был, например, махач 10 на 10. И я и еще один спортсмен вырубили половину вражеского состава. Вот такая была у нас боевая мощь. Наши тогда никто ничем не занимался, не тренировался. Ставили в забивон 14-летних. При этом с нами никто не церемонился, и вкатывали жестко.

- И как вы себя тогда позиционировали?

Святослав: Как хулиганы. До нас в «Арсенале» были только ультрас. За полгода до того, как я пришел, все стали себя позиционировать как хулиганы. Потому что ультрас все равно пиз*ят, решено было переквалифицироваться в хулсы, чтоб хоть было за что пизд*ть.

Святослав: В начале вообще все за свой счет делали. Когда нам начали давать автобусы на выезд, то мы вообще в шоке были. До этого ездили как могли. У нас были игры, когда футболистам даже автобуса не было.

Ярослав: Сейчас уже «модерн футбол» происходит. Конечно если бы кое-кто не купил «Арсенал», то мы бы ушли вникуда. А так зарабатывание денег, интриги. У нас до сих пор нет собственного стадиона. Но руководство сделало бы из него торговый центр, если бы он был у нас. С понтом: «А кто не хочет зарабатывать деньги?».

Святослав: Есть в Киеве хорошая команда «Динамо». Хорошо играют на уровне и кому тогда нужна еще одна хорошая команда, если уже одна есть? «Арсенал» конкурентоспособным «Динамо» не станет, потому что там намного серьезней капиталовложения и все-таки у нее есть история. А «Арсенал» появился из воздуха. Если бы не было таких раскладов с «Динамо», что за него болеет все бонье, то я бы пошел бы болеть за «Динамо». Изначально «Арсенал» для меня ничего не значил. Это сейчас я привык, что «Арсенал» — мой клуб. Но изначально выбор мой был связан именно с идеей. Я когда-то думал даже идти болеть за «Динамо» и там воротить какие-то дела, но на тот момент там очень высоко держали все правую руку. Сейчас, конечно, тоже, но тогда еще печальней было.

Ярослав: «Арсенал» был аполитичный клуб, и была очень удобная площадка для нас. Плацдарм, так сказать, для опыта уличного антифашизма. ОФ стал для нас тренировками, с его правилами спорта.

Святослав: Тренируешься, чтобы выиграть. Учишься работать в команде. Это дисциплинирует. И есть куда людей подтягивать.

Ярослав: Мы тогда пришли на сектор и сказали, что хотим гонять, но вот у нас такие взгляды и мы не собираемся их менять. Те, кто тогда стояли на секторе, были не против. Сами они просто интересовались футболом. Были бывшие кони, у которых не стало клуба. Кто-то просто не любил «Динамо».

- Ситуацию с переименованием «МТЗ-РИПО» знаете? Все эти мутки и шифры с голосованием в Интернете. Но в итоге администрация решила переименовать в «Партизан» из-за хотения владельца клуба. И никто не слушал 300 фанатов, просящих оставить название «МТЗ».

Святослав: Голосованием они ничего не решат. Надо действовать на нервы клубу. Например, не ходить на матчи. Но вот вроде они все-таки будут и дальше ходить. А сейчас клубами владеет тот, у кого есть деньги. Остальное — утопия.

Ярослав: Возможно, что и фанаты что-то будут решать. Но требуется большая активность их самих. Во многих европейских клубах фанаты могут вытащить директора клуба и угрожать ему в своих интересах и интересах клуба.

Святослав: У нас клубы не дорожат фанатами. Они могут играть и без них. У нас студентам платят деньги за посещение футбола. А руководство клуба не видит фанатов.

- Как выражается правость «Динамо» и ваш антифашизм?

Святослав: У них это явнее точно.

Ярослав: Сейчас все-таки меньше, чем в 2004. Тогда все было построено на правой теме. Если ты фанат, то ты должен быть правым. Тогда было так: 10 выездов и ты почетный правый.

Святослав: Я не за правые клубы и не за антифа клубы. Чтобы все были аполитичными. Изначально я хотел, чтобы «Арсенал» имел аполитичных фанатов. Чтобы все видели возможность быть аполитичным и не лезть никуда.

«Тренируешься, чтобы выиграть. Учишься работать в команде. Это дисциплинирует. И есть куда людей подтягивать»

Пока будут левые и правые клубы, будет конфронтация и это будет бесконечно. Если все будут аполитичны в ОФ, то хотя бы вернется фэйерплей, постепенно утрачиваемый. И будет это как спорт. На мой взгляд, хулиганы — самые серьезные бойцы полит. движений, если у них они исчезнут, то насилия станет меньше.

- По-моему, политика всегда будет присутствовать на секторах.

Святослав: Если это будет не модно, то отсеется большинство. Сейчас они правые, потому что это модно.

Ярослав: Или их друзья правые. Пришли они на сектор, а тут все «зиг хайль» кричат, значит, и мне надо так кричать.

Святослав: Плохо, что в топовых фирмах «Динамо» остались лидеры еще с тех времен. Ходят в футболках «Наци», «Гуд найт антифа скам». Я считаю, что они зациклились уже. Я у них слово «антифа» вижу чаще, чем у нас.

Ярослав: Правая тема перешла в борьбу с антифа. «Вайт пауер» кричат только по праздникам и под рюмку.

Святослав: Даже неправые парни ненавидят антифа, хотя они в глаза их не видели. Я с ними общался. Оказываются очень вменяемыми людьми. Рубятся по тем же темам. Типа капитализм — это плохо. Когда ты им говоришь, что вот у тебя друг «чурка», а ты их типа ненавидишь, он говорит, что этот хороший «чурка». Короче, каша в голове.

- Как выглядит антифашизм в «Арсенале»?

Ярослав: То, что мы не правые. Мы пришли для того, чтобы показать, что ОФ может быть не правым, а быть, например, аполитичным. Кстати раньше в Украине не было аполитичных фирм. Это сейчас они стали появляться. Я считаю, что наш вклад в общую аполитичность футбола есть. Сейчас люди, которые гоняют за «Арсенал», большая их часть является антифашистами и антирасистами. Хотя мы стараемся наши антифа-дела отделять от сектора. На секторе мы обычные фанаты.

Святослав: Мы никогда так ярко не заявляли свою позицию, но если на футболе шли провокации в нашу сторону. Например, кричали «Зиг Хайль!», то мы отвечали «Антифа!», «ZOG».

Ярослав: Кидали в них бутылки с мочой.

Святослав: Только в ответ. Нам афишировать это не надо было, тем более мы никогда и не позиционировали «Арсенал» как антифа-клуб. То, что они начали так называть «Худс», то это они сами, что-то там нашифровали.

- Кто такие «Худс»?

Ярослав: Это фирма «Арсенала».

- На забивонах были подставы из-за этого?

Святослав: В футболках «Blood & honour» нас накрывали, порезали спины и лица.

Ярослав: Самое большое выражение этого всего. Это когда на одном забивоне мы махались с одними, потом выскочили еще другие с ножами.

Святослав: Под конец драки выбежал свежий состав на говне и началось. Хотя выпалили они нас раньше, могли бы прыгнуть и до забивона. Но сделали так, что мы уже просто не могли драться нормально.

- Расскажите про ваш футбольные турнир, связанный с FARE.

Ярослав: Там участвовали фанаты «Арсенала», играли между собой в футбол. Но вообще само FARE нас не устраивает. Это организация от «модерн футбол». Такие организации навязывают свои правила и условия и в итоге на нас делают деньги. FARE лежит под теми футбольными структурами, которые делают бизнес. Эти штрафования и контроль влияет на всех, не только на расистов в футболе.

- Фан-периодика есть у вас?

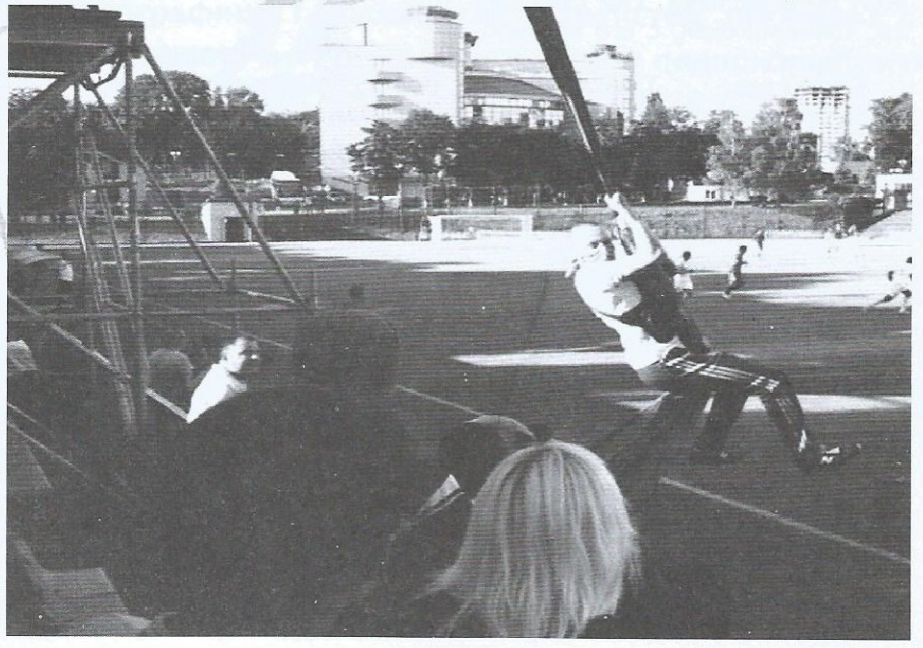
Ярослав: Есть официальный сайт «Арсенала». Есть несколько гостевых книг, в том числе и фирмы «Худс». Есть зин «Арсенал ультрас», зин «Офсайд», его три номера вышло. «Офсайд», кстати, первый ОФ-зин в Украине. Хохлы (фаны «Динамо») нагло врут, когда говорят, что их «Святослав» вышел раньше. Первый номер «Офсайда» вышел намного раньше. Уровень его, конечно, был местами графоманский такой, но зато оттуда люди узнали, что хардкор — это не группа «Слипкнот». Большая проблема в людях, которые готовы потратить время на поддержку этих изданий.

- Есть «хохлы», «жиды» «кроты». А вас как называют?

Ярослав: Каштанчики, арсы, но самое популярные это шафки. Есть версия, что слово «шафки» пошло больше от «Арсенала», чем от антифашистов.

- Как у вас общение с мусорами?

Святослав: Жести в сторону «Арсенала» от ментов не было еще. Драк на футболе с ними не было, так, оттянем кого-нибудь если начнут забирать. Вступать с ними в драку я считаю глупостью. Потому что они всегда выигрывают. Дашь ему в нос, получишь ду-



бинкой, еще и в КПЗ так насуют, что на футбол и не захочется.

Ярослав: Любая наша тактика по мусорам была проигрышной. Сначала давят на дирекцию клуба, если это не проходит, то уже давят нас «Беркутом».

Святослав: Бить морду мусорам без маски или на секторе это очень тупо. Еще журналисты понапишут того, что на срок тянет хороший. Еще суда не было, а статьи в газете с криминальными статьями уже есть. Как, например, в истории с выездом во Львов. Там журналисты по просьбе СБУ выставили нас пророссийскими боевиками и украинофобами, а в таком националистическом городе это для нас сказалось бы большими проблемами.

- Что со спортом у фанатов «Арсенала»?

Святослав: Я всегда всех заставлял тренироваться. Сам тренировал, заставлял ходить в секции. Спорт это зае*ись.

Ярослав: Только последний год для всех тренировки стали обязательными. Проходят зарницы, народ сам стал ходить в секции. Потому, что без подготовки в ОФ делать у нас нечего. Это очень сложно и больно. Наши противники тренируются, причем очень серьезно. Среди них есть чемпионы Европы. У нас правда тоже есть такие спортсмены, но их количество сравнительно меньше. Так что спорт имеет место быть у нас, как и культивирование в среде ЗОЖ и sXe.

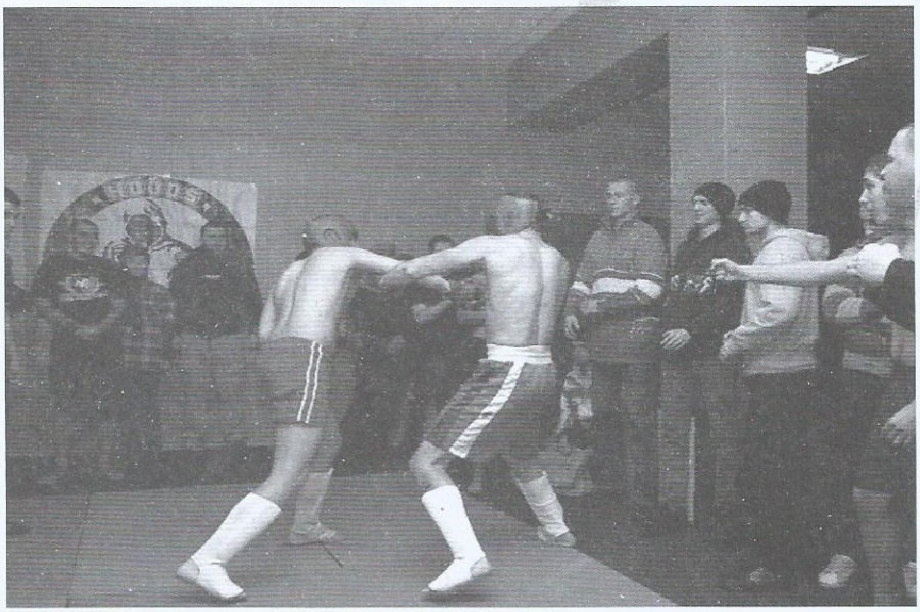
- Какие есть у вас друзья и враги?

Ярослав: Самые лучшие друзья это, конечно, фанаты МТЗ-РИПО. Эта дружба складывалась не один год. Ездим друг другу. Есть еще по Украине, но я не буду о них говорить. На первом месте из врагов это «Карпаты», потом «Оболонь», а на третьем – «Динамо».

- Что вы пожелаете своим товарищам по цеху?

Святослав и Ярослав: Больше думать головой. Тренироваться. Побед. Больше позитива. И не забывайте, о том, что не надо зазнаваться, каких вершин бы вы не достигли. Помогать своим и не забывать друзей.

Беседовал
Алексей Икрашиксов



ЧЁРНЫЙ

Сижу за решеткой в темнице сырой

99% обвинением строится на том, что вы сказали сами!

Что делать, если вас вдруг приняла милиция по административному делу (мелкое хулиганство, несанкционированный митинг/пикет ну или еще что-то)?

Когда вас будут просить рассказать, как все было, чтобы составить «объяснительную», сразу ссылайтесь на 51 статью Конституции РФ (вы имеете право не свидетельствовать против себя и своих родных). При этом важнее отказываться от показаний, когда составляют протокол, так как объяснительная не имеет юридического статуса. Вам могут начать угрожать 3,14здюлями или говорить, что на эту статью вы сейчас не имеете право ссылаться. Ни фига не верьте. Говорите: «51 статья Конституции РФ. Конституция — гарант закона!»

Если вас будут просить что-либо подписать, внимательно читайте что именно. Если вы не согласны с написанным — что-то недосказано, написана неправда и т.д., требуйте правильного протокола или объяснительной. Если следователь или кто-то там другой в отделении милиции отказывается переписывать, напишите свою версию или что все это не правда там, где идут линейки для вашей подписи. Обязательство о явке в суд можете подписать — если даже вы не явитесь, ничего страшного не произойдет. Лучше подписать эту хрень и больше никогда не приходить (через два месяца о вас забудут), чем сидеть в ментовке до вечера (или пока не надоедите мусорам).

Постоянно напоминайте ментам, что они имеют право держать вас не более трех часов после задержания или 48 часов (если статья, по которой вас задержали, предполагает административный арест или менты планируют возбуждать уголовное дело). Это их нервирует, и они выкинут вас быстрее. Если вас оставляют на ночь, то требуйте постельные принадлежности, одеяло и питание. Когда вам ответят, что «тут вам не гостиница», скажите, что это все положено по закону и вы будете на них жаловаться в прокуратуру. Никогда не оставляйте в качестве залога паспорт — менты не имеют право отделять вас от паспорта, а паспорт — от вас.

Иногда можно закосить под дурачка. То есть выдумать х**ню, которая вроде бы и правда, и поможет вам выйти побыстрее. Вот личные примеры и примеры моих знакомых.

Меня принимают у здания Госдумы вместе со знакомым. Нам предъявляют приковывание к дверям и блокирование ее работы. Мой друг болт клал на обвинение и говорит, что, мол, его приковали, а он сам не приковывался. Я же (по предварительному сговору с другом) рассказываю жалостливую историю, о том, как перед институтом я решил зайти пописать в «Макдональдс», и, проходя мимо Думы, увидел прикованного человека, которого снимали камеры. Я, конечно же, захотел засветиться перед камерами и поэтому подошел к нему. Тут меня забрали милиционеры, а я ничего не понял, так как думал, что снимают кино. В итоге мне поверили и отпустили, а другу дали 500 рублей штрафа.

Одного моего знакомого принимают на Пушкинской площади за «сидячее пикетирование» (проводился несанкционированный митинг, а когда менты начали всех винтить, активисты уселись на землю, сцепились и отказались уходить). По прибытию на «допрос», он заявил, что гулял на Пушкинской площади, спотыкнулся о молодого человека, упал, и тут его забрали менты. Отмазка прокатила.

Приняли людей, блокирующих администрацию президента. На «допросе» один из активистов сказал: «Гулял по лесу. Съел какие-то грибы. Потом вдруг оказался у администрации президента. Смотрю: люди прикованные стоят. Ну, я испугался и тоже приковался». Отмазка прокатила! В общем, если у вас есть фантазия, вы по любому

КРЕСТ

Как вести себя при административном задержании

вывернитесь! Главное, стройте из себя саму невинность.

Запомните, что обыскивать менты имеют право только в присутствии понятых и с составлением протокола изъятия. Не выворачивайте карманы, не открывайте сумки, требуйте этого от них немедленно и с большой вероятностью от вас просто отстанут. Все что они могут по закону — похлопать вас по бокам на тему наличия под одеждой бомбы, ножа или пистолета.

Что делать, если вас повезли на суд по административному делу. Когда приедете в суд, и судья скажет: «Ну, расскажите, как все произошло!», сразу начинайте отмазываться глупой историей. Мол, ничего не делал, забрали по ошибке. Придумайте что-нибудь сами. Ни в коем случае не признавайте себя виновным (если, конечно, у них нет неопровержимых доказательств). Говорите, что ничего не делали. Ссылайтесь на презумпцию невиновности. Говорите, что вас втянули, а виноваты «плохие люди», вам неизвестные. Говорите, что вы ранее не судимы, нигде не работаете и не учитесь (даже если это неправда) — так они не смогут послать вам бумагу по месту работы или учебы с требованием, чтобы вас уволили или отчислили.

Если вас запалят на вранье, говорите, что забыли, перепутали, не знали. Можете попросить суд перенести заседание на несколько дней, чтобы вы имели возможность найти адвоката и позвать в суд свидетелей. После этого судья, скорее всего, отпустит вас, до выяснения подробностей и всего такого. Вам дадут бумажку о том, чтобы вы явились в этот суд деньков через десять. Смело берите бумажку, расписывайтесь и можете сваливать и больше никогда не возвращаться. Судья или осудит

вас без вас, или отправит дело на доследование в милицию, где оно и погрязнет навсегда. При первом варианте где-нибудь дней через пятнадцать к вам придет бумажка с просьбой оплатить штраф от 500 до 1500 рублей. Если вы работаете, у вас вычтут эту сумму из зарплаты. Если не работаете, то можете забить на этот штраф. Через некоторое время он аннулируется.

Правда, если у вас «суточная статья» (например, хулиганство, неповиновение сотруднику милиции), то вас могут осудить сразу на сутки. От одних до пятнадцати. Приятного тут мало. Попробуйте сразу в суде написать кассационную жалобу на решение судьи (в ней надо указать, какие нарушения при расследовании и в суде были допущены) и подать ее в канцелярию. Суд по этой жалобе может состояться быстро и вы выйдете досрочно.

Для отбытия суток вас повезут в какую-нибудь грязную камеру, где будут хреново кормить. В этом случае ваши друзья будут пытаться вас выручить. Приносить вам еду, одежду и помогать чем смогут. Попросите их принести вам книжек, чтобы скоротать время. Есть вариант начать сухую голодовку. Не есть и не пить. Тогда через два-три дня вас отвезут в больницу, и ваш срок закончится сам собой. Но это для экстремалов или для людей, получивших десять-пятнадцать суток. Если меньше, лучше не стоит, все-таки не полезно для здоровья.

Если вас посадили на сутки не одного, и ваш напарник объявляет голодовку, поддержите его. Даже если ему сидеть пятнадцать, а вам всего три дня. Все проверено на собственном опыте. Все работает 100%, правда, иногда за это получаешь 3,14зды, но в этих случаях тебя оправдывают. Так как 99% обвинений строятся именно на том, что сказали вы сами! Если вы им ничего не скажете, они не смогут что-то на вас свалить.

Геннадий Антонов-Радонежский

НЕПОКОРНЫЙ!

К анархизму через пожизненное заключение

Джон Боуден отбывает срок в Великобритании за убийство, которое не имеет отношения к политике и которого он никогда не одобрял. Во время заключения он неоднократно участвовал в выступлениях против несправедливости тюремного режима, в том числе, вместе с анархистами — за что подвергался репрессиям: все его подельники уже давно на воле. Его адрес для переписки: John Bowden ц 6729 HM Prison Glenochil King OMuir Road TULLIBODY FK10 3AD Великобритания

Непокорный! Думаю, я тот, кого можно назвать американским термином «выращенный государством преступник»; фактически, всю свою жизнь я провел в различных тюрьмах. Ранний период моего взросления в основном был проведен в молодежных исправительных учреждениях, борсталах (карательно-исправительное учреждение для преступников в возрасте от 16 до 21 года — прим.), исправительных школах и других «детских» тюрьмах; большая часть моей взрослой жизни была проведена в тюрьмах с максимальной изоляцией заключенных. Последние 25 лет подряд я провел в заключении как приговоренный к пожизненному тюремному сроку, и я до сих пор здесь же. Возможно, это покажется удивительным, но, несмотря на жизнь, проведенную в плену у тоталитарных институтов, я остаюсь вне закона, а моя жизнь в тюрьме всегда характеризовалась бунтом, мятежом и безжалостным сопротивлением. Мой дух сопротивления никогда не был сломлен. Несмотря на то, что я никогда не знал свободы, я борюсь и добиваюсь ее, иногда под угрозой смерти, в тюрьме.

Мое раннее детство и несколько подростковых лет прошли в суровом округе для рабочего класса в Южном Лондоне, и с самого раннего возраста я был чрезвычайно опытен и независим. У меня было непродолжительное формальное обучение, хотя я обладаю большим естественным интеллектом и острым пытливым умом в сочетании с каким-то диким и безрассудным чувством приключений. Возможно, это было неизбежно, что я превратился в «преступного» мальчика, который вышел из-под контроля с настроением сорванца на улицах Печкэм и Бермондси. Я был криминализирован и попал в систему уголовного правосудия в 11 лет. До 15 лет меня постоянно брали под стражу, я втянулся в настоящую войну с полицией, они охотились и преследовали меня, когда я сбегал из детских домов и исправительных школ и скрывался в Южном Лондоне. Дом моих родителей регулярно обыскивали полицейские, и мой отец однажды был обвинен в укрывательстве преступника, когда меня нашли спящим на его диване. Мне было 13.

Мои ранние проступки были незначительны и пустяковы — воровство, кражи со взломом, кражи из магазинов и т.д.; несмотря на упорные побеги из государственных учреждений, полиция потратила несоразмерное количество сил, времени и жестокости в слежке за мной и возвращении меня в «законное содержание под стражей». Постепенно во мне росло глубокое и настойчивое опасение и ненависть к ним, со временем окончательно сформировалось чувство отвращения ко всей системе. В основном инстинктивным путем это политизировало меня. Жизнь людей, получивших детские травмы и доведенных до звероподобного состояния в государственных учреждениях, обычно разрушена, многие из них позже пополняют тюрьмы строгого режима за выпуск наружу своего гнева и боли на общество. Я один из них.

В ноябре 1980 года я и еще двое мужчин были арестованы за убийство человека, который выпивал в нашей компании в квартире в Южном Лондоне. Это было жестокое, почти необоснованное убийство, отражавшее степень моей жестокости после

долгих лет брутальной обработки в государственных учреждениях. Меня приговорили к пожизненному заключению с рекомендацией, чтобы я отбывал срок не менее 25 лет. В реальности, никто не думал, что я когда-либо выйду из тюрьмы, и, когда я вошел в тюремную систему, мне было абсолютно нечего терять и не было ради чего жить. Однако вскоре после моего заключения, я начал политизироваться. Это стало результатом безнадежности, жестокости и гнева, которые сопровождают мою жизнь до сих пор. Иронично, но тюрьма предоставила мне время и возможность к чтению, обучению и размышлению; дала возможность узнать общие интересы и человеческие качества моих товарищей по заточению. Я всегда в известной мере обладал классовым сознанием, всегда отождествлял себя с и чувствовал себя частью бедного низшего слоя общества. Я всегда чувствовал инстинктивную ненависть к богатым и властьимущим и верил в неуловимую идею классовой борьбы и революции. Когда я очутился в тюрьме на всю жизнь, у меня появилась возможность интеллектуального развития и роста, и, к удивлению, я обнаружил свободу в сердце и сознании, которой никогда не чувствовал ранее. В течение двух лет моего пожизненного заключения я превратился в идейного революционера, посвятившего себя борьбе с тюремной системой. Делая все возможное, я был бы способен на большее вне тюрьмы.

Первоначально моя борьба против тюремной системы была прямой и экстремальной. Это отражало личную веру в то, что я, скорее всего, подохну в тюрьме в любом случае, поэтому мне абсолютно нечего терять, когда я создаю ситуации, которые провоцируют систему к жестокому ответу. Я видел и испытывал на себе, как тюремная система терроризирует заключенных и старается их сломать. В ответ я решил также терроризировать систему и заниматься акциями, которые будут нервировать и дезорганизовывать работников, которые управляют тюремными репрессиями. В январе 1983 г. в тюрьме строгого режима Parkhurst я взял в заложники заместителя управляющего и продержал его в плену в его офисе почти 2 дня. Вооруженные полицейские осадили тюрьму, и мой доступ к телефону привел к большому

интересу и участию СМИ к тому, что там происходило. В конечном счете, мои требования, чтобы мой законный представитель и выбранные мной журналисты были допущены в тюрьму, чтобы услышать и записать мои жалобы против тюрьмы, были выполнены, и я отпустил заложника, не причинив ему вреда.

Я был обвинен в захвате заложника и получил еще 10 лет, затем меня «засыпала» тюремная солидарность на протяжении 4 лет. В течение этих 4 лет тюремная система предпринимала серьезные попытки уничтожить меня физически и психологически, поставить меня на самый край возможностей человеческой выносливости. Помимо того, что меня содержали практически в клинической изоляции в отвратительной строгой камере для наказаний, меня перемещали каждые 28 дней или около того между тюрьмами с тем, чтобы постоянно держать меня дезориентированным и неспособным к успокоению. Это было сделано для того, чтобы держать меня в постоянном стрессе и мучить психически. Я был также подвержен частым физическим нападениям и избиениям, меня пытались заставить чувствовать полный произвол охранников. Но они не смогли уничтожить меня, я стал гораздо сильнее и более стойким от того, чему они меня подвергали, и начал чувствовать себя солдатом на войне, проявляющим громадную выносливость и психологическую изобретательность. Чем сильнее они пытались деморализовать и удручить меня, тем сильнее становилось мое желание выжить и как-нибудь ответить им. Я также жадно читал все время в одиночестве и рос интеллектуально. Мои ум, тело и дух закалились в борьбе, и я удостоверился в своем желании бороться с системой.

Время от времени меня переводили в карцер, где я жил бок о бок с другими «непокорными» заключенными, людьми, которых, как и меня, постоянно удерживали в изоляции и регулярно перемещали по тюремной системе на «поезде-призраке». Я развил сильную тюремную солидарность и товарищеские отношения с этой относительно небольшой группой людей. Всякий раз, когда нас случайно помещали в одно место, мы неминуемо организовывались, чтобы изменить соотношение сил между нами и охранниками, пытающимися контролировать и подчинять нас. Протесты и бунты были общими и часто эффектными, и мы использовали все средства из наших чрезвычайно ограниченных возможностей (включая, время от времени, выделения нашего собственного организма) для борьбы и отплаты режиму, с помощью которого они хотели сделать нас никчемными. Время от времени мы достигали цели, и затем нас снова быстро распределяли по тюремной системе.

Если быть точным, мы воевали с системой, и тюремные администраторы постоянно пытались предотвратить наши действия и сделать так, чтобы мы не стали примером, массово «разлагающим» заключенных в тюрьме долгосрочного заключения.

Моя деятельность в течение этих лет сделала из меня эффективного организатора, и когда я, в конце концов, вернулся в общую тюремную жизнь, примерно в 1987 году, я намеревался изменить в более общем смысле соотношение власти между заключенными и системой. Я знал и понимал, что тюрьмам позволено функционировать с согласия и с помощью заключенных, что власть охранников по существу основана на признании и принятии заключенными, что сила властвует над ними. Я верил, что если заключенные все разом откажутся от этого признания и сотрудничества, то эти укрепленные отношения власти, которые поддерживают угнетение заключенных, будут сильно подорваны, ослаблены и, возможно, уничтожены. Главное — организовать заключенных.

В конце 1980-х и начале 1990-х годах я помогал организовывать и участвовал в бесчисленных забастовках, сидячих забастовках, массовых голодовках и других акциях, основанных на коллективной организации заключенных. Я также пытался учредить совет, представлявший бы большое количество узников. В тюрьме Лонг Лартин в 1980-х годах я организовал серию публичных дебатов и дискуссий о правах заключенных, некоторые из них были показаны по национальному телевидению. Все время моим стимулом было создать основанный на взаимном доверии коллектив заключенных и ослабить власть тюремной системы настолько, чтобы ее первичная цель — репрессии против заключенных — была поставлена под угрозу и подорвана.

Так как меня стали считать тюремным активистом и угрозой «хорошему поведению и дисциплине» учреждения, меня сделали мишенью и отделили от остальных, перемещая по системе. Иногда меня избивали охранники, которые бесились и расстраивались от моих способностей и желания организовать заключенных. Они думали, что, преподав мне физически болезненный урок о том, кто здесь главный, «вылечат» меня от моего неповиновения. Это только усилило мое презрение к ним и увеличило мое решение атаковать всю основу этой власти. Вначале, пытаясь организовать заключенных я связался с группами политической поддержки вне тюрьмы. Я регулярно писал статьи о тюремном сопротивлении для газет и постоянно пытался спровоцировать их поддержать и признать нашу борьбу как легитимную кампанию за права человека и как подлинную революционную линию фронта против государственных репрессий. Для меня весь смысл тюремной борьбы был политическим и революционным, и я почувствовал, что, как заключенные, мы разделяем общие интересы со всеми этими людьми и группами по миру, борющемуся за свободу и справедливость.

В 1992 году я осуществил в известной степени драматический побег из тюрьмы и продержался 2 года. Как и ожидалось, система яростно отреагировала на способ, которым я выбрался из тюрьмы почти без усилий. Управляющий тюрьмой Maidstone, из которой я ушел, позже в одной из газет отметил с горечью: «Боудену было позволено под охраной навестить родственника в качестве части процесса его реабилитации, и так он отблагодарил нас. Он, вероятно, думает, что победил систему, но он проведет остаток своей жизни, оглядываясь за свое плечо».

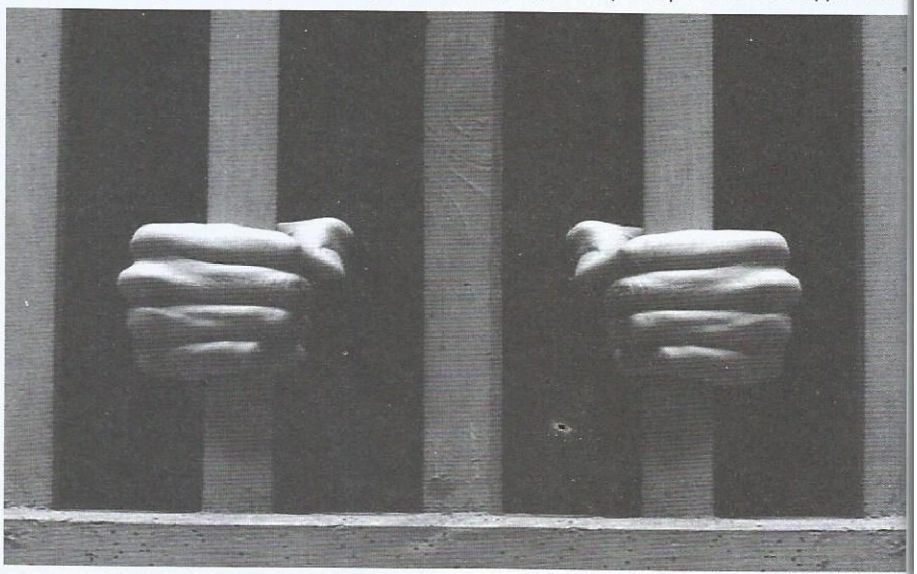
Газеты, которые сообщали о моем побеге, сомневались, что я долго продержусь в бегах, учитывая то, насколько я был лишен друзей и связей снаружи. На самом деле, долгие годы заточения обеспечили меня замечательным запасом выживания в затянувшемся периоде бегства. Вовсе не уничтожив, тюрьма серьезно укрепила меня; опыт экстремальной нужды и испытаний усилили и закалили характер и безмерно увеличили находчивость. У меня также были ценные контакты. Солидарность и взаимная поддержка, которую я развил в тюрьме, борясь и проводя кампанию за права заключенных, были переведены в чрезвычайно эффективную и верную сеть поддержки и помощи после того, как я убежал.

Мои первые месяцы свободы были как время второго рождения. Столь долгие годы я был погребен в бесцветный и бесплодный мир тюрьмы строгого режима, отрицающего человеческие переживания, кроме тех, что возникали в результате конфликтов и стычек с тюремными надзирателями, мои физические и духовные горизонты часто ограничивались размером одиночной камеры. Неожиданно я стал абсолютно свободен, жив и восприимчив к миру, наполнившемуся цветами, деятельностью, сенсациями и смыслом.

Чтобы выжить в бегах, каждый должен освоить партизанский менталитет, слитый и смешанный с социальными условиями, пока сохраняется глубокое и нерушимое чувство отличия и разобщенности, постоянной уязвимости и зависимости от поддержки и помощи других. 2 года я жил как преследуемый еврей в оккупированной нацистами Европе; как беглый раб в городе рабовладельца; как борец за спиной врага. Я жил с людьми и среди людей, но никогда не был по-настоящему в их мире, хотя совершенно необходимой составной частью моей неуловимости была помощь и содействие, которые оказали мне другие.

Повторный арест, когда это случилось, был сродни смерти. Снова я стал частной собственностью государства. И как будто в знак благодарности за мой несломленный дух и желание мстить, оно «переклассифицировало» меня в «особо склонного к побегу» и повторно захоронило на всю жизнь.

Я был посажен в Шотландии, где в тюрьме строгого режима города Перт провел 2 года. Не-



смотря на мои попытки избежать перевода в английскую тюремную систему, где, как я знал, возможность когда-либо быть освобожденным маловероятна, я был отмечен как «вожак» во время массовой забастовки в Перте в 1994 году. Меня перевели обратно в Англию и немедленно поместили в «поезд-призрак». В течение последующих 9 лет я постоянно сражался и боролся, чтобы вернуться в Шотландию и быть ближе к женщине, на которой я там женился вскоре после моей поимки. В конце концов, система уступила и, с некоторым нежеланием, меня перевели обратно в 2004 году.

Как и в любой борьбе, мое участие в отстаивании прав заключенных за последние 25 лет имело как взлеты, так и падения, моменты сладкой победы, когда солидарность и коллективная сила заключенных торжествовали, и моменты, когда система мгновенно приобретала абсолютный контроль, и чувство поражения съедало мою душу. Но я видел достаточно побед, иногда против непреодолимых обстоятельств, — это поддерживало меня в трудные времена, и моя абсолютная вера и убеждение в способности и коллективную силу заключенных основательно встряхнуть систему оставались непоколебимыми. Я не знаю, смогу ли указать на конкретные реформы, достигнутые в результате борьбы, в которой я участвовал, и многие победы, которые я видел, со временем были сданы. Я никогда не верил, что тюрьмы можно как-нибудь «совершенствовать» или сделать лучше. У меня никогда не было желания осуществить поверхностную реформу системы или незначительно облегчить нечеловеческие условия, в которых содержатся заключенные. Я верил в какое-то более радикальное и полное преобразование, во что-то, определенное не небольшими, несущественными изменениями, а значительными преобразованиями, вплоть до полного уничтожения тюрем. Все время моим желанием было сделать режим неуправляемым, помочь создать «кризис контроля», побуждать заключенных коллективно доверять друг дугу до той степени, когда фундаментальная цель тюрьмы будет серьезно подорвана. Это была революционная борьба, не измеряющаяся небольшими улучшениями тюремных условий, а бесконечный конфликт и конфронтация, война за контроль над тюрьмой.

В течение последних, скажем, 10 лет наблюдался значительный спад в борьбе заключенных, и система в той или иной степени установила полный контроль над ними. Начиная с восстания в тюрьме Стрэнжвэйс в 1990 году государство осуществляло долгосрочную стратегию по «отвоеванию тюремного режима», особенно в тюрьмах длительного заключения, где солидарность заключенных была существенна. Оно использовало множество тактик для достижения своей цели: изоляцию активистов в секторе строгого режима, разделение заключенных на более мелкие и легко управляемые группы; подкуп заключенных «лучшим режимом» в знак награды за конформистское поведение и создание «условного рефлекса» с помощью психологов и социальных работников. Не более чем за 10 лет система смогла изменить культуру в тюрьмах от сопротивления до податливости и согласия. Во многих отношениях то, что произошло в тюрьмах в последнее десятилетие, отражало то, что происходило в обществе в целом. Так же, как вне тюрьмы государство продолжало нападать и быстро выстроило полицейское государство под предлогом «войны с терроризмом», в тюрьмах государство вело войну против прав заключенных, особенно тех, которые пытались сопротивляться и давать отпор.

Восстановление сектора строгого режима тюремной системы в 1990-х годах, 20 лет спустя после общественного порицания и судебного процесса, заставивших закрыть известный сектор строгого режима тюрьмы Вэйкфилд, говорит о том, что тюремные активисты сейчас будут «обрабатываться», несмотря ни на какие их человеческие права. Слова министра внутренних дел Майкла Говарда в то время: «Тюремным нарушителям порядка будет показано, что оно того не стоит». Я сам побывал в секторе строгого режима и знаю, что борьба в нем — ежедневная война за выживание, где каждый выведен на грань существования. В секторе строгого режима Вудхилл в конце 1990-х заключенные содержались в пустых бетонных камерах и были лишены даже подобия человеческого общения. Они постоянно конфликтовали с охранниками и администрацией, которые безжалостно старались их сломать.

Физические избиения и зверское «лечение» стали банальностью и неотъемлемой частью того, что делалось там с заключенными в секторах строгого режима. К сожалению, системе позволили создать два уровня существования в пределах тюремной системы: один, касающийся заключенных, подчиняющихся требованиям администрации, и другой, касающихся «трудных» заключенных, которых сажают в истинный ад жестокости, изоляции и боли. Но борьба все еще возможна, и пока существует угнетение, также существует и сопротивление ему.

Единственно верная победоносная тактика, когда заключенные сопротивляются и дают отпор, — солидарность. Они вместе обладают потенциалом, способным искалечить тюрьмы и довести до остановки их деятельность как мест обесчеловечивания и боли. В течение многих лет я наблюдал потенциальную силу заключенных, когда они вставали и говорили: «Хватит!». Я видел охранников, исчезающих из виду и ищущих выход, когда большая группа рассерженных заключенных организовывалась и отказывалась расходиться, отступать. Но солидарность должна быть организована и скоординирована, если не хотите, чтобы она была уничтожена первым шуршанием отряда полиции или полной строгой изоляцией заключенных. Солидарность нужно строить, чтобы она была политически сознательна и оставалась непоколебимой даже перед лицом самых серьезных репрессий. Внешняя поддержка может быть решающей в данном контексте. Активисты, поддерживающие заключенных, должны установить контакт с теми, кто дает отпор и стремится обеспечить политическое признание, поддержку и влияние, и все время давать системе знать, что ее «лечение» непослушных заключенных замечено, и что вне тюрьмы существует активная солидарность.

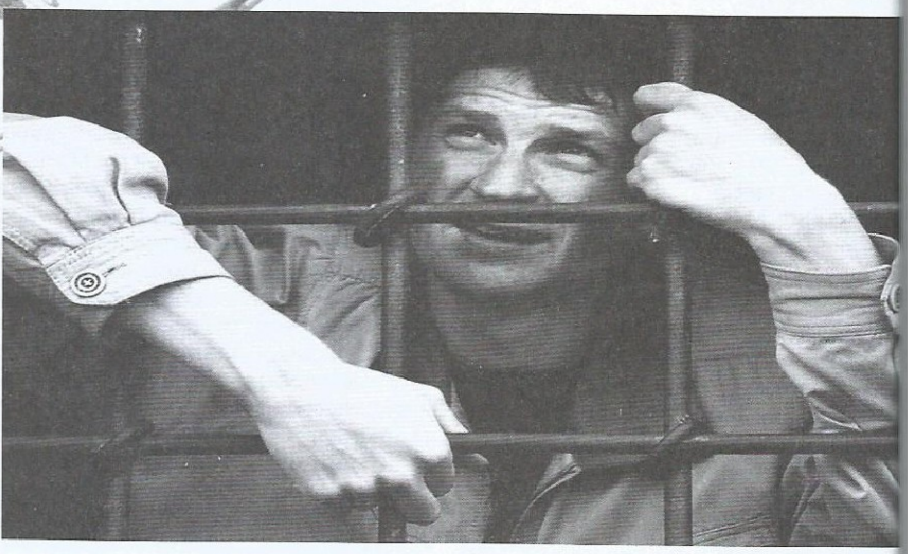
В течение 1970-х годов группа поддержки заключенных PROP (Preservation of the Rights Of Prisoners — Защита прав заключенных) успешно действовала в тюрьмах, была организована целая серия радикальных демонстраций, которые ввели в страх Божий тюремное начальство, сдвинули баланс власти в сторону осужденных, отбывающих долгосрочное тюремное заключение. В 1980-х и начале 1990-х Революционная коммунистическая группа установила контакт со многими сопротивляющимися заключенными. Она помогла политизировать их борьбу.

Она также смогла широко распространить свою газету «Уничтожай расизм! Уничтожай империализм!» в тюрьмах и включить в нее страницу «Ответный удар заключенных», которая пронесла слова борьбы по всей системе и помогла соединить деятельность активистов вокруг тюрем. Если есть стремление и энтузиазм, то солидарность и борьба могут существовать даже в самых трудных условиях. Я не раз был свидетелем этого.

Мне было 24 года, когда я попал в тюрьму на всю жизнь, сейчас мне 50. Несмотря на долгие ужасающие годы и десятилетия притеснений, борьбы и иногда ужасных страданий, тюрьма так и не сломала и так и не забрала у меня достоинство, честность и чувство самоуважения. Возможно, я оказался более выносливым, чем все мои друзья, которые умерли либо сошли с ума за эти годы, или, может быть, мне повезло, и я открыл для себя политическую составляющую, которая поддерживала и стимулировала даже в самых сложных моментах, когда я стоял на грани жизни и смерти. Я думаю, поиск обычной человечности в людях в тюрьме и в процессе, помогающем найти свою человечность, в итоге, был бездонным источником силы во мне. Знание того, что я являюсь частью общей праведной битвы, всегда давало мне дополнительные силы для продолжения борьбы. Репрессии не ослабили меня. Избиения, одиночная камера, чрезмерное использование силы и зверство не сломили мой дух и не заставили усомниться в своем мнении относительно возможности радикальных изменений. Фактически, чем жестче и брутальней они меня обрабатывали, тем сильнее я становился. Я могу это сказать словами из стихотворения Хо Ши Мина:

Без холода и запустения зимы,
Не было б тепла и пышности весны,
Трудности закалили меня
И превратили мой дух в сталь.

Как ни странно, если бы я не сопротивлялся в тюрьме и переносил наказания, я сомневаюсь, что я бы выжил. Если бы я приспособился и подчинился в напрасной надежде на то, что такое поведение «образцового заключенного» будет вознаграждено разумно ранним освобождением, я бы высох и умер как гордый человек и потерял бы сущность своей человечности. Подчиниться репрессиям



— значит умереть: умереть духовно, эмоционально, психически и во всех сферах, которые делают нас людьми. Я не отдал мою человечность им: мой дух был сформирован гордыми кельтскими родителями и питался жестокой борьбой за выживание с расизмом и нищетой в детстве (в те дни ирландцы в Южном Лондоне были основной жертвой эксплуатации и насилия) и до злоупотребления и зверства государственных учреждений. Борьба за чувство собственного достоинства и права в тюрьме усилила меня так, как ничто иное. Она укрепила и даже обогатила мой характер, я значительно изменился к лучшему как человек. Я предпочел бы умереть здесь с чувством собственного достоинства, самоуважения и нетронутой системой веры, чем прятаться от ее ломок и прогибаться под систему, боясь своей собственной тени и лишенный надежды. Ад замерзнет прежде, чем я отдам ту часть меня, которая имела храбрость и честность дать отпор и сопротивляться, даже когда сопротивление часто казалось бесполезным.

Джон Боуден

СПИСОК ЗАКЛЮЧЕННЫХ АНАРХИСТОВ В ГРЕЦИИ 2010 ГОДА

С началом экономического кризиса 2008 года Греция находится в постоянном состоянии кипения. Однодневные всеобщие забастовки сочетаются с более длительными забастовками отдельных отраслей, с захватами университетов и школ, с уличными драками с представителями правопорядка и с активизацией новых вооруженных формирований, которые взрывают учреждения власти, фашистских групп, враждебных СМИ. Идет постоянная поляризация общества — национальная экономика находится, фактически, в состоянии банкротства, и выплывает только с помощью кредитов от стран Евросоюза и МВФ. Всем очевидно, что возврата к прошлому уже нет. Поднимаются и крайние левые и анархисты, и крайние правые движения.

Греческая борьба воодушевляет, но оплачена она немалой ценой — все больше анархических товарищей находятся за решеткой. Естественно: лучшая солидарность — это всегда борьба в своем городе, но, тем не менее, открытки и письма тоже могут очень поддержать человека в тюремных условиях.

Нижеприведенный список не содержит лишь адреса Симоса Сейсидиса (Simos Seisidis), во время задержания 3 мая получившего серьезное ранение ноги, которую ему впоследствии ампутировали. В настоящий момент он находится в госпитале Евангелизмос под постоянным контролем Антитеррористской секции.

Konstantina Karakatsani
Kleisti Kentriki Filaki Ginaikon
Koridallos
T.K. 18110 Athens
Greece

Константина обвиняется в том, что она якобы состоит в вооруженной анархической организации «Заговор огненных ячеек». Она находилась в розыске с 25 сентября 2009. Была задержана 22 апреля 2010.

Panagiota Roupa
Kleisti Kentriki Filaki
Ginaikon

Koridallos
T.K. 18110 Athens
Greece

Пола была задержана 10 апреля 2010 вместе со своими пятью товарищами по обвинению в принадлежности к организации, занимающейся городской герильей, «Революционной борьбе». 29 апреля вместе с Мазиотисом и Гурнасом в открытом письме она действительно заявила о том, что является членом вышеупомянутой группы. 20 июля она родила ребенка.

Panagiotis Masouras
Eidiko Katastima Kratisis
Neon Avlona
T.K. 19011
Avlona, Attiki
Greece

Панагиотис был задержан 23 сентября 2009 по обвинению в принадлежности к организации «Заговор огненных ячеек».

Haris Hatzimihelakis
Dikastiki Filaki Koridallou
T.K. 18110 Athens
Greece

Харис был задержан 23 сентября 2009 по обвинению в принадлежности к организации «Заговор огненных ячеек».

Alfredo Bonanno
Dikastiki Filaki Koridallou
T.K. 18110 Athens
Greece

Альфредо был задержан 1 октября 2009 в Трикала вместе со своим товарищем Христосом Стратигополусом по обвинению в соучастии в ограблении банка.

Hristos Stratigopoulos
Dikastiki Filaki Koridallou
T.K. 18110 Athens
Greece

Задержан 1 октября 2009 вместе с Альфредо Бонанно. Он взял на себя всю ответственность за вооруженное ограбление банка в Трикала.

Giannis Dimitrakis
Filakes Domokou
T.K. 35010 Domokos
Fthiotida
Greece

Задержан 16 января 2006 после того, как был тяжело ранен полицией после ограбления банка в центре Афин. В то же время было выписано три ордера на арест его товарищей, которых обвиняли в соучастии. Двое из них, Мариос Сейсидис и Григорис Тсиронис находятся сейчас в бегах, тогда как Симос Сейсидис был задержан 3 мая 2010. В июне 2007 Гианис был приговорен к 35 годам и 6 месяцам лишения свободы.

Giorgos Voutsis-Vogiatsis
ASKA Filakes Kassavetias
T.K. 37100 Almiros
Magnisia
Greece

Гиоргос был задержан 3 октября 2007 после ограбления банка в районе Гизи Афин. В апреле 2009 его приговорили к 8 годам тюрьмы.

Ilias Nikolau
Dikastiki Filaki
Thessalonikis
T.K. 54012 Thessaloniki
Greece

Илиас был задержан 13 января 2009. и обвинен в закладывании бомбы в полицейском участке района Эвозмос (Тессалоники). 4 декабря 2009 его приговорили к 7,5 годам лишения свободы.

Polikarpos Georgiadis
Kleisti Filaki Kerkiras
T.K. 49100 Kerkira
Greece

Evaggelos Hrisohoidis
Filakes Domokou
T.K. 35010 Domokos
Fthiotida
Greece

Поликарпос был задержан в конце августа 2008 в Тессалониках по обвинению в похищении крупного предпринимателя Милонаса. В феврале 2010 его с Евангелисом Хрисохойдисом приговорили к 22 годам и 3 месяцам тюрьмы. Недавно его перевели в тюрьму Керкира, которая считается худшей из всех греческих «исправительных» учреждений.

Vaggelis Stathopoulos
Kleisti Filaki Trikalon
T.K. 42100 Trikala
Greece

Вангелис был задержан 10 апреля 2010 по обвинению в принадлежности к организации «Революционная борьба». Он все отрицает.

Kostas Gournas
Kleisti Filaki Trikalon
T.K. 42100 Trikala
Greece

Костас был задержан 10 апреля 2010 по обвинению в принадлежности к организации, занимающейся городской герильей, «Революционная борьба». 29 апреля вместе с Мазиотисом и Рупой в открытом письме он заявил, что является членом группы.

Hristoforos Kortesis
Dikastiki Filaki Korinthou
T.K. 20100 Korinthos
Greece

Христоса задержали 10 апреля 2010 по обвинению в принадлежности к организации, занимающейся городской герильей, «Революционная борьба». Он отрицает обвинение.

Nikos Maziotis
Dikastiki Filaki Koridallou
T.K. 18110 Athens
Greece

Никос был задержан 10 апреля 2010 года по обвинению в принадлежности к организации, занимающейся городской герильей, «Революционная борьба». 29 апреля вместе с Костасом и Рупой в открытом письме он заявил, что является членом группы.

Vaggelis Pallis
Kleisti Filaki Trikalon
T.K. 42100 Trikala
Greece

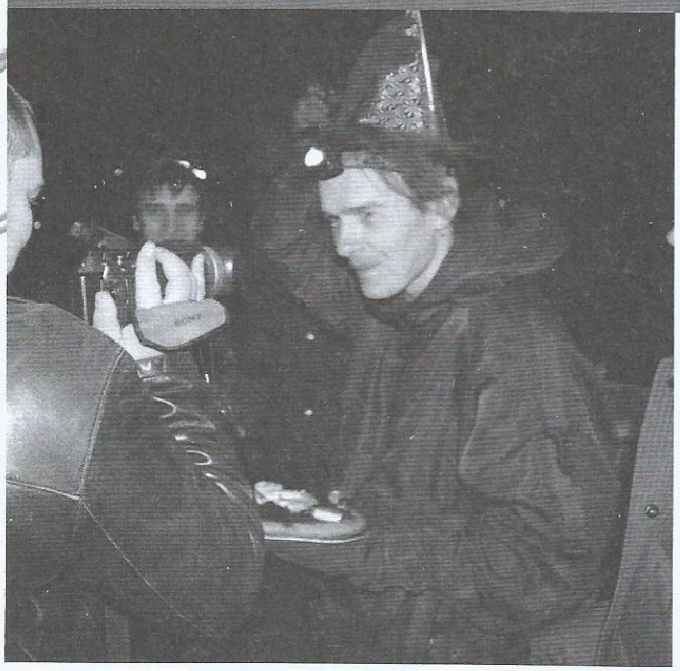
Ваггелис — это «обычный» заключенный, который политизировался, будучи в застенках. На протяжении нескольких лет он участвует в борьбе заключенных, его письма и тексты регулярно печатаются в анархо-изданиях.

Aris Seirinidis
Dikastiki Filaki Koridallou
T.K. 18110 Athens
Greece

Арис был задержан 3 мая 2010 в один день с Симосом Сейсидисом. В начале его обвинили в незаконном ношении оружия (у него с собой был пистолет) и оказании сопротивления представителю власти. В тот же день СМИ и полиция развернули кампанию по дезинформации, говоря о том, что Арис и Симос якобы совершили вооруженное нападение с жертвами в большом супермаркете «Практикер». На следующий день власти отказались от данной версии, и 7 мая принимается решение об освобождении Ариса под залог. Но все не кончилось так просто. Полицейские снова выписывают ордер на его арест по обвинению в нападении на полицейского годом ранее.

УГОЛОВКА ЗА ТОРТ

Давление на анархистов в Тюмени



В Тюмени продолжаются странные игры местного центра по противодействию экстремизму с местными же анархистами, в том числе АДшниками. В апреле они снова оказывали знаки внимания Андрею Кутузову (он же «Кендер»). Знаки внимания заключались в утреннем обыске, закидывании на 48 часов в изолятор и в уголовном деле по статье «экстремизм».

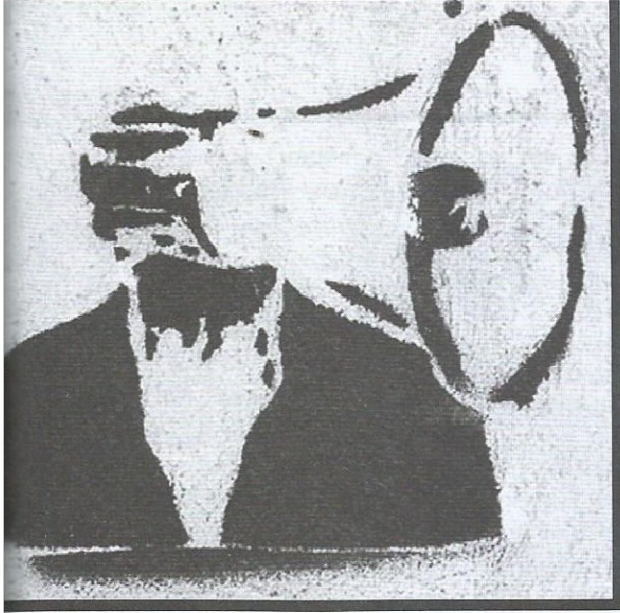
В прошлом, 2009 году на троих тюменских анархистов (включая Кендера) все тот же центр «Э» уже пытался повесить обвинение в вандализме — разрисовывании тюменских военкоматов антивоенными лозунгами. Причем разрисовали чуть ли не все военкоматы сразу, не иначе как используя телепортацию. Это дело развалилось еще летом 2009, потому что доблестные оперативники и следователи никак не могли набрать доказательств. Зато работники центра «Э» ухитрились «при проведении следственных мероприятий» избить свидетеля, поэтому накликали возбуждение уголовного дела уже против себя самих. Оно, правда, тоже ничем, естественно, не закончилось — разве система выдаст свох винтиков?

Итак, дело о вандализме развалилось, а осенью 2009-го его фигуранты и другие анархисты и активисты Тюмени провели большой митинг с музыкой и перформансами за расформирование центров «Э». Это как раз было время общероссийской кампании по этому поводу под названием «extremizma.net». Поскольку митинг проходил аккурат в день рожденья «антиэкстремистских» центров, то либертарии приготовили «э»шникам подарок: вполне съедобный торт, на котором вполне художественно были выложены вполне съедобные «отрубленные пальцы» из теста. Это должно было символизировать неземную доброту работников центров по противодействию экстремизму. Кендер попытался подарить торт хоть кому-нибудь в погонах, да все отказывались. Ну отказываются, и ладно — навязывать не стали. Но оказалось, что «э»шники — существа злопамятные. Они поняли, что самостоятельно у них что-то никак с анархистами не получается, и призвали на помощь темные силы в лице ФСБ. Так что 14 апреля 2010 года (через полгода после митинга!) к Кендеру с обыском пришла «интернациональная бригада», где были и ФСБшники и старые знакомые опера из «Э». При обыске быстренько «нашли» некую листовку, отвезли Кендера в ФСБ, там предъявили двум «свидетелям», и те внезапно вспомнили, что вот ровно же полгода назад человек, похожий на Кендера до степени смешения давал им на митинге вот ровно эту листовку! Чудеса, да и только. А в листовке-то прямо сплошной экстремизм: и призывы ставить ментов к стенке, и окна бить в центре «Э». Так что Кендер оказался подозреваемым по статье 280 УК РФ — «Изготовление и распространение экстремистских материалов».

Вся соль в том, что такой листовки на митинге и не было. Почему-то не помнит ее ни один из участников и организаторов, а помнят только «свидетели» следствия. А еще большая соль в том, что листовка эта составлена из реальных текстов про центр «Э», но вот как раз там, где ее составители писали отсебятину, они тут же выбивались из стиля и начинали делать орфографические ошибки. А это, говоря мягко, не очень характерно для Кендера, который университетский преподаватель и кандидат филологических наук. Так что анонимные авторы листовки, конечно, подгадили себе по полной. Что за система: даже провокацию толком соорудить не могут, а еще с инакомыслием лезут бороться!

Но следствие, однако, до сих пор идет: у Кендера изъяли компьютер, и чем оно закончится, пока неизвестно. Следите за новостями.

Streetrio



МЕГАФОН

ВЕРНЕМ СЕБЕ НОЧЬ

ГОСУДАРСТВО ХОЧЕТ ВСЕ КОНТРОЛИРОВАТЬ И ОТ ЗАКАТА ДО РАССВЕТА

Видели ночь, гуляли всю ночь
до утра...
Виктор Цой

Одно из самых коварных преступлений капитализма — то, что он отнял у нас ночь. Ночь, прекрасная в созерцании звездного неба, страшащая своей мистической темнотой, ликующая в празднике вечной юности, больше не принадлежит людям. Капитализм превратил ночь только во время сна, восстановления сил после изнурительного рабочего дня и во имя следующего изнурительного рабочего дня. Максимум, что еще позволительно ночи — быть временем любви. Но отягощенные ежедневным восьмичасовым (в лучшем случае) трудом люди уже малоспособны отдавать Амуру всю ночь — так, часок перед тем, как отвернуться к стеночке и забыться. И ночь фактически вычеркивается из жизни — эти восемь-десять часов каждые сутки, целая треть отведенного человеку времени.

Кто из мракобесов-пуритан пришел к этому профанскому выводу, что ночью люди обязаны спать? Кто из служащих верой и правдой дисциплине и капиталу технократов — ученых попытался дать этому выводу псевдонаучное обоснование?

На заре человеческой истории ночь и день были равноправны. Скорее, даже ночь была живее и, уж точно, веселее, чем день. Не знавшие всех прелестей восьмичасового рабочего дня и шестидневной рабочей недели, «несчастные дикари» не спешили поскорее закрыть глаза, ожидая звонка будильника как дня Страшного суда. Спать они могли и днем, а ночь — на то она и ночь, чтобы охотиться, любить, танцевать и петь песни. К счастью, есть еще на Земле некоторые захолустные уголки, где «прозябающие в нищете» и «лишенные счастья производительного труда» «отсталые народы» до сих пор по ночам зажигают костры и лихо отплясывают вокруг них под барабанные ритмы. А затем, устав от танцев, садятся в круг и слушают легенды и предания из уст самых старых соплеменников.

Временем обязательного сна ночь стала только в капиталистическом обществе. Когда жизнь каждого человека оказалась строго нормированной на часы и даже минуты — во столько-то подъем, во столько-то — начало рабочего дня, во столько-то — его окончание, а с определенного часа будь добр спать или делать вид, что спишь, и не дай бог тебе праздно шататься по улице или вести себя чересчур шумно. Постепенно люди привыкли, у них даже выработались пресловутые «естественные часы», по которым в десять вечера глаза сами собой начинают слипаться. Где-то в первобытном прошлом остались бесстрашные охотничьи вылазки в ночь на дикого зверя, яркие ночные празднества с дикими плясками, долгие посиделки вокруг костра, когда молодежь завороженно внимала рассказам мудрых стариков...

Ночь превратилась в сон. Не потому, что человек — якобы «не ночное животное» и «должен ночью спать». А потому, что у человека ее отнял капитализм. Превратил грохот там-тамов и веселые песни в занудный обывательский храп, оставив платочек для вытирания слез в виде эротических сновидений. Там, где капиталистические отношения укоренились относительно недавно и люди еще помнят свободное прошлое, этот процесс виден во всей своей первозданной отвратительной сущности.

В деревнях нанди и кипсигис[1],

---

*1 **Нанди и кипсигис*** — нилотские племена, проживающие на западе Кении и более других нилотских племен затронутые капиталистическими отношениями. Составляют значительную часть сельскохозяйственных рабочих чайных плантаций Элдорета и зерновых ферм Керичо.

превращенных вторгнувшимся в традиционное африканское общество капитализмом из свободолюбивых «дикарей» в «социализировавшихся» поденщиков чайных плантаций и зерновых ферм, больше не слышится по вечерам барабанная дробь, не устраиваются пышные празднества с ритуальными танцами у костра.

«Мы слишком уставали днем на фермах белых и слишком часто были голодны по вечерам, чтобы танцевать ночью», — отвечают они путешественникам и в их ответах слышится не радость приобщения к «индустриальной цивилизации», а грусть по канувшей в Лету свободе[1].

Но неужели современный человек не может жить ночью? — Спросите вы. А как же знаменитая «ночная жизнь мегаполисов»? Но дело ведь в том, что вкусить радость ночи, пожить «ночной жизнью» может далеко не каждый. В обществе потребления ночь сделалась точно таким же товаром, как и все остальное. Этот товар можно выгодно продать тем, у кого есть деньги. Для них — ночные клубы, интернет-кафе, дискотеки, закрывающиеся далеко за полночь бары и рестораны. Для подавляющего же большинства убивающих себя работой ночь — единственное законодательно разрешенное время отдыха. Разве что в самом конце рабочей недели, когда следующий день заявлен как выходной, армии простолюдинов разрешается купить себе кусочек ночи, но они предпочитают в редкий выходной выспаться. Вот и получается, что легитимный статус имеют только праздничные ночи — с 31 декабря на 1 января, Пасха, ну еще несколько ночей за весь год и все.

Повседневно же пользоваться ночью могут, по негласному установлению общественной морали, либо очень богатые, либо очень «безнравственные» люди. В капиталистическом обществе ночь отдали на откуп ворам и проституткам, несчастным бездомным нищим и полицейским патрулям. Кстати, о последних. Ночью они куда подозрительнее относятся ко всем людям, встречающимся им на пути и даже если в городе нет комендантского часа, норовят лишний раз остановить и проверить документы, не преминув утомить расспросами: «А что вы здесь делаете в такое время суток? А почему вы не спите дома?»

Но и дома ночь остается только на чуточку более разрешенной. Попробуйте не спать по ночам и держать свет включенным — ваше светящееся в тотальной темноте окно немедленно привлечет внимание «бдительных соседей» и последует донос участковому. Ведь если вы не спите по ночам, значит, делаете что-то тайное и запрещенное — может, фальшивые деньги печатаете или детей малолетних трахаете, а может (что еще хуже) у вас там экстремистская организация?

Но, если основная масса трудяг лишает себя ночи во имя сна якобы добровольно (а на самом деле из-за существования изматывающей работы, лишающей человека сил и превращающей его в безжизненное тело, способное разве что доползти до кровати и плюхнуться на нее, проспав до утра), то для самых забитых и несвободных категорий эксплуататорского общества, населяющих разнообразные дисциплинарные институты, на ночь наложен строжайший запрет. Эти категории — заключенные, солдаты, пациенты разных лечебных учреждений и воспитанники интернатов — вообще не имеют права не спать ночью. Для них существует не только время подъема, как у рабочих, но и время отхода ко сну — отбой. Табу на ночь существует и для несовершеннолетней молодежи, также практически лишенной прав и свобод в «демократиях» капитализма.

В отличие от традиционных обществ, где именно молодежь в силу возраста играла главную роль в ночных бдениях, поставляя танцоров и слушателей стариковских рассказов, современность запрещает ночь для детей и подростков. Запрещает как неформально — устами попов-мракобесов, соседских бабуль-стукачек и прочих унтеров пришибеевых, так и вполне официально — буквой закона.

Во многих странах несовершеннолетних, попавшихся на глаза полиции после одиннадцати (или даже десяти) часов вечера ждут репрессии. Парня или девушку штрафуют, сообщают в школу и ставят на учет в инспекции по делам несовершеннолетних всего лишь за то, что они показались на улице позже установленного законом времени. Есть ли в этом смысл? Вряд ли геронтократы постиндустриального общества, устанавливая границы дозволенного «дня» и недозволенной «ночи», думают о здоровье и безопасности «неразумных отроков». Если бы спать по ночам было бы естественно и жизненно необходимо, не потребовалось бы заставлять спать, загонять с улиц в дома и отправлять в постель под сладкие колыбельные песенки.

Нет, дело тут не в заботе о детях, а в заботе о том, как воспитать в этих детях дух покорности, вбить им в головы привычку к пресловутому распорядку дня и подготовить очередную смену рабов для фабрик, казарм и офисов. Что же касается старших возрастных групп — шестнадцати-восемнадцатилетней молодежи, то ее просто боятся. Боятся, как одну из угнетенных групп общества, а поэтому лишают прав и свобод, объявляя, что они еще «неразумные дети».

Но сама молодежь совсем не спешит отправляться домой под убаюкивающее хрюканье «Спокойной ночи, малыши». Она предпочитает ночь. Предпочитает ее мистическое обаяние. Предпочитает луну электрической лампочке и собирается на окутанных мглой ночных улицах, в парках и во дворах вопреки родителям, учителям и ментам. Ночью рисуют граффити и занимаются любовью в безлюдных скверах. Ночью портят рекламные щиты корпораций и швыряют булыжники в витрины супермаркетов. Ночью горят роскошные иномарки и бунтуют люмпен-пролетарские пригороды мегаполисов. «Темнота — друг молодежи!» — гласит известная поговорка. Так давайте выйдем в темноту и вернем себе ночь!

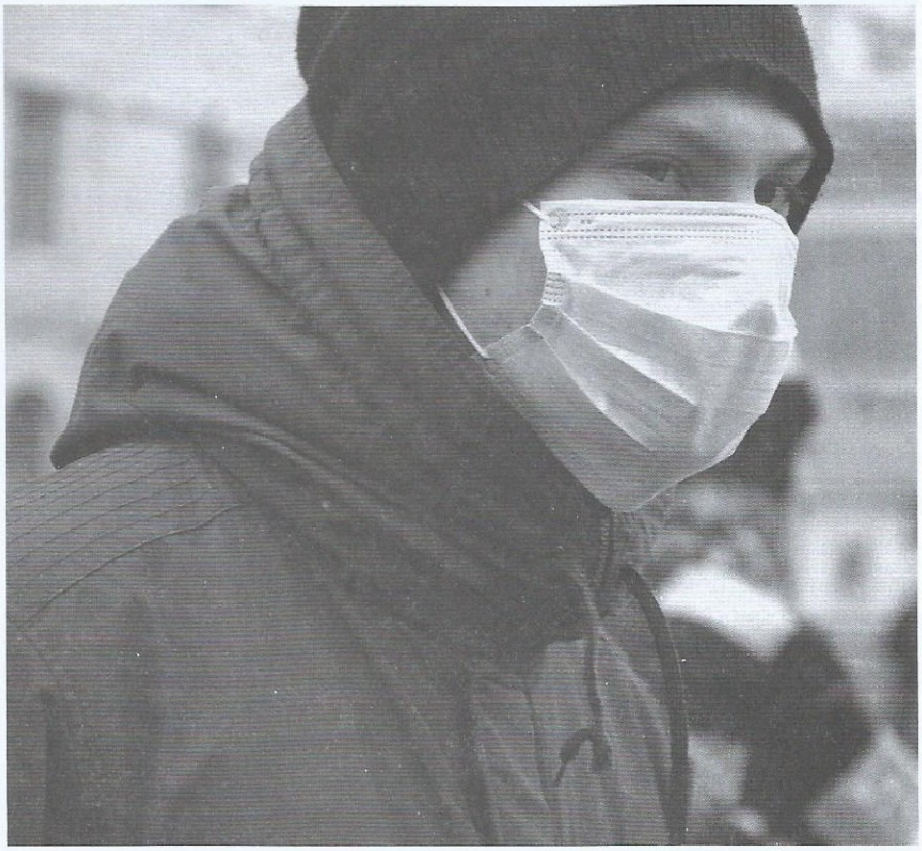
И.П.

---

1 См. Кулик С.Ф. Черный феникс. Африканские сафари. М., 1988. Стр.143.

БЕЗ КОНСЕНСУСА

Прямое действие – это не прямая демократия



Время от времени, после совершения прямых действий возникают претензии в духе: «Мол, почему их с нами не согласовали?» Но, на самом деле, просто характер прямого действия таков, что его не всегда можно согласовать со всеми. Во-первых, чем меньше людей знают непосредственно его организаторов, тем меньше шансов, что организаторов поймают. Во-вторых, часто сама возможность действия возникает внезапно, и реагировать надо моментально. Это особенно типично для массовых протестов и забастовок – часто согласование в разумных временных пределах вообще невозможно, и если можно собирать общее собрание, до его конца ярость и жажда решительных действий часто уже стихают.

То есть, надо понимать, что для анархистов есть и другой метод решения, кроме прямой демократии – метод прямого действия. Конечно, часто нет никакого конфликта между ними, но порой он возникает. И, естественно, прямое действие – метод не только анархистов. Фашисты часто тоже действуют путем прямого действия. По большому счету, в ходе истории все возможные политические течения так или иначе использовали путь прямого действия, но у немногих оно стало неотделимой частью теории.

Мы должны рассчитывать на то, что наши люди могут самостоятельно, или в узкой «аффинити-группе» принимать тактические решения, которые не требуют общего согласования. Конечно, к сожалению, практика показывает, что в нашей среде тоже есть неадекватные люди. Но с этим можно бороться только постепенно и в зависимости от случая, каждый должен пытаться пресекать идиотизм, когда наблюдает его.

Очень полезно тут поучиться у греческих анархистов. У них в движении, конечно, много совершенно идиотских аспектов, но есть и полезные. И там движение очень сильно настроено против демократии (не только индивидуалисты), благодаря тому, что государство постоянно выдвигает лживые патриотические телеги о том, что «у нас была первая демократия». Там никто не воспринимает аргумента, что «анархизм – это радикальная демократия». Им никогда не приходит в голову, что действия должны быть согласованы со всеми.

В странах, где у движения накопился определенный опыт, собрания редко длятся больше часа, вне зависимости от количества участников. Просто все сообщают, что хотят делать, иногда возникает консенсус, но к нему не стремятся – если мнения не сходятся, то все действуют по-своему.

Конечно, тут есть и минусы, например, я отрицательно отношусь распространенной в Европе практике черного блока «использовать человеческие щиты». Например, на Соцфоруме в Афинах черный блок в ходе демонстрации напал на ментов, и потом спрятался в массовку демонстрации, и в итоге газа глотали совершенно другие люди. Не думаю, что следует импортировать эту практику в России – на мой взгляд, за свои акции надо отвечать самому.

Вопрос о демократии, это как раз один из немногих пунктов, по которым я согласен с так называемыми «ультралевыми», то есть современными наследниками левокоммунистического марксизма.

Ниже – цитаты из «Заката и возрождения коммунистического движения» Жиля Дове, который очень четко обосновывает их позицию по данному вопросу.

«Взять, к примеру, забастовку машинистов со станции Северный Париж 1986 года. Собрание просто проголосовало против блокирования рельс. Но когда бастующие увидели, как со станции идет первый поезд, который вели менеджеры среднего звена под защитой полиции, они все ринулись на рельсы, отменив спонтанным действием часы демократического голосования».

«Коммунизм, конечно, является движением огромного большинства, способного взять свои действия в свои руки. В этом смысле коммунизм «демократичен», но он не поддерживает демократию как принцип. Политики, боссы и бюрократы получают преимущество либо от меньшинства, либо от большинства, в зависимости от того, что их больше устраивает: так же поступает и пролетариат. Боевая активность рабочих часто исходит от горстки людей. Коммунизм не является властью ни большинства, ни меньшинства. Для того, чтобы дискутировать и/или начинать действовать, людям, понятное дело, надо где-то собираться и такое место встречи называется советом, комитетом, ассамблеей и т. д. Тем не менее, оно становится учреждением, как только момент и механизм принятия решений начинают преобладать над действиями. В этом разделении заключается сущность парламентаризма».

«Да, люди должны решать сами за себя. Но любое решение, революционное или нет, зависит от того, что случилось до этого и от того, что продолжает происходить вне структуры по принятию решений. Любой организатор собрания составляет повестку дня; любой, кто задает вопрос, определяет ответ; любой, кто затевает голосование, несет с собой решение. Революция не устанавливает другую форму организации, а находит решения, отличные от логики капитала и реформизма. Демократия и диктатура, понимаемые как принципы, одинаково неправы: они выделяют особый и явно привилегированный момент...» (Комментарий 1997 г., Ж.Д.).

Это все не отрицает необходимости проведения общих, демократических массовых собраний во времени борьбы и прочих методов прямой демократии. Полная непротиворечивость может существовать только в мире математике (и даже там, как правило, многое недоказуемо), а в обществе необходимо признавать несколько принципов, которые порой могут друг друга противоречить. И только по ситуации можно определить, какой принцип должен быть первичным — прямая демократия или прямое действие.

На мой взгляд, на массовых несанкционированных анархических акциях следует поступать по принципу «каждый действует, как считает нужным». Мы к этому уже готовы, в отличие от ситуации 10 лет назад во времена дела НРА, теперь уже не так просто будет найти, кто именно что делал, поскольку движение стало в несколько раз больше. Это, конечно, означает, что, например, не должно быть никакого одного человека, который с собственного телефона звонит журналистам, и что у всех должен быть соответствующий дресс-код. Но все это можно будет организовать. Если мнения будут очень сильно расходиться, то тогда каждая группа пусть сама себе готовит акцию, и уже в ходе анонса заявляет, какой у нее характер (например, «без масок» или «исключительно мирное гражданское неповиновение»), и тогда все уже сами для себя решают, хотят участвовать или нет.

Александр Карлонов

ЗЕМСНАРЯД

Ненависть к «людям», губящим красивейшие места Великой Реки в угоду своим корыстным интересам, пришла давно. С конца 1990-х, когда я ловил щуку на днепровских заливах под Киевом, я видел, как целые поля камыша, тростника и осоки, дикие и живописные острова превращались в мертвые пустоши. На них потом строили дома разные персоны, толкущиеся у державного корыта. Песок со дна достается и выбрасывается на берег агрегатом на понтонах, от которого идут трубы. Агрегат называется земснаряд. Они бывают разные по размеру — как с катер, так и с небольшой теплоход.

Для справки: с конца 1990-х было намыто под Киевом (от Жукова острова почти до города Украинка) около 30 км!!! Были там нерестилища рыб, гнездовья многих видов птиц (редких, в том числе), уникальные по своей красоте места, находящиеся недалеко совсем от города. Теперь там (не везде, конечно) пустыня и тысячи особняков (некоторые размером со школу) разных ублюдков.

Ближе к делу. В конце мая 2009 года человека, который пригласил журналистов к земснаряду, рассказал о проблеме, писал письма во всевозможные инстанции, убили. Ему было 59 лет, фамилия — Гончаров. Это было уже слишком. После этого мы ездили, ходили и нашли работающий земснаряд (как я совсем недавно увидел, сравнив фотографии, это был тот же земснаряд, из-за которого убили человека; эти жлобы даже не парились — они просто перегнали его на несколько километров ниже по течению и продолжили творить свое скотское дело). Мы встретились и решили захватить земснаряд.

Акцию было решено приурочить к девяти дням по Гончарову. Едем к месту, высаживаемся. Одеваем маски, достаем камеры и вперед! На берегу как ни в чем не бывало работает техника, грузят и увозят песок (на продажу — для бетонного завода или так продавать). Проходим где-то 300 метров по трубам к земснаряду на днепровском заливе, заходим на него, объявляем двум рабочим о захвате. Те, закрыв там все и поговорив с нами, уезжают на лодке к берегу. Так, земснаряд наш!

Пьем чай, звоним еще журналистам, сочувствующим, дабы информация распространялась проактивней. Расписываем земснаряд из баллонов: «Свободу Днепру», «Гончаров R.I.P.» и т.д. Вывешиваем баннер «Не простим убийство Гончарова», сделанный тутже. Приезжают на лодке журналисты, даем интервью, освещаем проблему, рассказываем о ситуации в целом. Катер, пришвартованный к земснаряду, завести не удалось, поэтому отвязываем его и отдаем во власть днепровских волн...

Небольшой инцидент на берегу — расхамился какой-то жлоб (типа хозяин земснаряда - какая-то шестерка средней руки) - пытался забрать ноутбук у Ильи... На сей раз по трубам мы пробегаем очень быстро. Жлоб утихомирился мгновенно, потом, когда мы ушли на земснаряд, приехал «беркут» и забрал людей с берега в милицию. Потешно было наблюдать, как на берегу взволнованно толклись по колено в песке какие-то холуи в деловых костюмах и общались со своими хозяевами по мобилкам — конечно, грустно было видеть этим убогим, как «золотой» песок перестал обогащать их корытце...

Проходят часы — погода прекрасная, ветренный теплый день, вокруг — красота дикой природы. Июнь - рыба отнерестилась, у птиц — сезон гнездовья, что их ждет, какое будущее? Мысли по этому поводу печальны, но... Есть надежда, что мы сможем обеспечить надежду на будущее для нас и для природы, но предстоит целая война — война мысли (а также борьба на всех фронтах всеми средствами) против тех, для кого природа (и все остальное) — только товар...

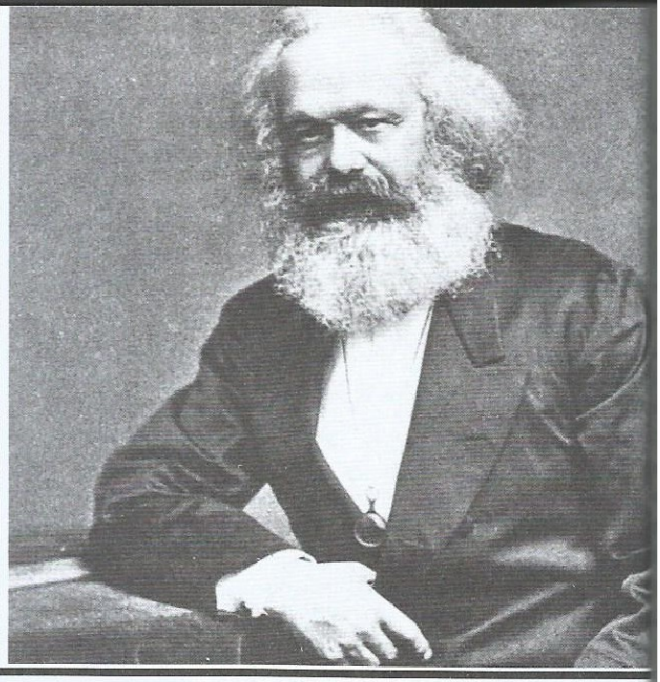
Ну что ж, пора и честь знать. Садимся в лодку и уезжаем по очереди группами — мы и ребята из громады рыболовов, которых мы пригласили на земснаряд. Перед отплытием немного развлеклись с помощью молотка и фомки в моторном отсеке, предали Днепру много разных запчастей, выпили на дорожку пива и все - домой!!!

PS Земснаряд убрали оттуда на следующий день (или через день — не помню точно). Гончаров и многие-многие другие — спите спокойно, ваше дело идет, борьба ширится и привлекает все новых и новых людей! Потом была акция по захвату земснаряда на 40 дней по Гончарову; там результат достигнут не был — слишком уж «законным» оказался земснаряд, да и побольше он значительно (и прибыли больше на несколько порядков приносит) и принадлежит заводу им.Ковальской. Ну ничего, две акции одинаковые по характеру, редко бывают удачными, поэтому будем делать новые и новые акции по этой и другим темам.

Делайте сами, делайте с нами, делайте лучше нас! Слава вольным людям и природе! Борьба продолжается!

Е.Мрачный

ТЕОРИЯ



ИДЕОЛОГИЯ ВИКТИМИЗАЦИИ

ПОЧЕМУ НЕ ВСЕ МУЖЧИНЫ ЯВЛЯЮТСЯ НАСИЛЬНИКАМИ

В Новом Орлеане, неподалеку от Французского Квартала, на одном из заборов есть граффити, сделанное через трафарет. Оно гласит: «Мужчины — насильники». Я проходил мимо этого забора почти ежедневно. Увидев это граффити впервые, я жутко взбесился. Ведь неизвестный граффитчик наверняка определил бы меня как «мужчину», однако мне никогда и в голову не приходило никого насиловать. То же самое могу сказать и про каждого из моих друзей, наделенных половым членом. Однако, поскольку я сталкивался с этой увековеченной в краске догмой ежедневно, причины моего гнева изменились. Я понял, что это безапелляционное высказывание — лишь малая часть длинного списка, лежащего в основе феминистской версии идеологии виктимизации — идеологии, возбуждающей страх, индивидуальную слабость (и как следствие — зависимость от групп поддержки, основанных по идеологическому принципу) и слепоту по отношению к любым проявлениям реальности и опыту, не совпадающим с интерпретацией себя в качестве жертвы.

Я не отрицаю, что за идеологией виктимизации стоит определенная социальная реальность. Ни одна идеология не смогла бы существовать, не имей она хоть какого-нибудь базиса в реальности. Как сказал Боб Блэк, «все мы — взрослые дети своих родителей». На протяжении всей жизни мы живем в обществе, основанном на репрессиях и эксплуатации наших желаний, страстей и индивидуальности, однако совершенно абсурдно (заранее) принимать поражение, определяя себя в терминах виктимизации.

Выступая в качестве средств контроля за обществом, социальные институции усиливают чувство виктимизации в каждом из нас, фокусируя его в направлениях, укрепляющих зависимость от социальных институций. СМИ засыпают нас историями о преступлениях, коррупции в политических и бизнес-кругах, борьбе полов, рас, голоде и войнах. И хотя зачастую эти истории имеют отношение к реальности, нам они преподносятся именно для того, чтобы усилить страх. Однако, многие из нас ставят под сомнение правдивость медиа..., позволяя запудривать себе мозги с помощью различных «радикальных» идеологий, каждая из которых содержит определенное зерно истины, но остается совершенно слепа к любому явлению, не укладывающемуся в ее рамки.

Все подобные идеологии усиливают идеологию виктимизации, препятствуя рассмотрению общества в его целостности и камуфлируя свою роль в воспроизводстве этого общества. И СМИ, и все версии идеологического радикализма укрепляют идею о том что мы являемся жертвами «внеш него», Другого, а существующи социальные структуры — семья полиция, закон, группы поддерж ки, «радикальные» организации т.д. — то есть, то, что увеличива ет ощущение зависимости, служа лишь для нашей защиты. Если бы общество не произвело эти меха низмы — включая формы ложной идеологической, неполной оппо зиции — для защиты самого себя мы могли бы легко рассмотрет его как целое и распознать его зависимость от нашего участия воспроизводстве общественны структур. Затем, пользуясь всяко возможностью, мы могли бы от бросить наши роли зависимых, жертв общества. Однако, эмоции позиции и способы мышления, на вязываемые идеологией виктими зации, делают такое обращение перспективы весьма проблематич ным.

Принимая идеологию виктими зации в любой форме, мы выби раем жизнь в страхе. Граффити «Мужчины — насильники» было сделано, скорее всего, феминист кой, женщиной, надеявшейся та ким образом бросить вызов патри архальному угнетению. Но на деле подобные заявления лишь сгуща ют уже существующую атмосферу страха. Вместо того, чтобы все лить в своих адресатов ощущение индивидуальной силы, они укре

пляют идею о том, что женщины по природе своей предрасположены к тому, чтобы «быть жертвой». И те из них, кому доводится прочитать это граффити, даже если они не принимают стоящую за ним догму, наверное, чувствуют себя на улице менее уверенно. В разных формах идеология виктимизации, пронизывающая феминистский дискурс, может быть также обнаружена в движении за права геев, национально-освободительном движении, движении против расовой дискриминации, рабочем движении...

Черт возьми, да практически в любом движении, ориентированном на «радикальную идеологию»! Страх перед реальной, непосредственной и легко определимой угрозой, направленной на индивида, может мотивировать его к действиям по нейтрализации этой грозы. Однако, страх, порожденный идеологией виктимизации, — это страх перед силами чересчур масштабными и — одновременно — слишком абстрактными, чтобы противостоять им на индивидуальном уровне. В итоге все это приводит к распространению атмосферы страха, недоверия и паранойи, сквозь призму которых сеть социального контроля выглядит уже даже не просто необходимостью, а благом.

Именно в этой атмосфере страха, кажущейся непреодолимой, коренится овладевающее индивидами чувство страха и неизбежного обращения в жертву. Хотя различные идеологические «поборники свобод» зачастую и в самом деле бывают настроены весьма воинственно, лишь в редких случаях их гнев представляет собой угрозу существующему порядку. Вместо этого они предпочитают «требовать» (читай: «воинственно просить») от тех, кого определяют как своих угнетателей, даровать им «освобождение». Пример этому — ситуация, сложившаяся на анархистской встрече в Сан-Франциско (1989), проходившей под общим лозунгом «Долой границы!». На основной части семинаров, которые мне довелось посетить, мужчины говорили больше, чем женщины. Однако, никто не мешал им высказываться. Также я не заметил каких-либо проявлений неуважения по отношению к женщинам, которые все же озвучивали свою позицию. Тем не менее, на заднем дворе здания, в котором проводилась встреча, — там, где был установлен общедоступный микрофон, — прозвучалатаки речь, в которой заявлялось, что «мужчины» доминировали в дискуссиях и препятствовали высказыванию «женщинами» своего мнения.

Оратор потребовала от мужчин подтвердить, что женщинам было предоставлено достаточно возможностей для высказываний. Иными словами, обеспечить «права» угнетенных — позиция, которая косвенно принимает роль мужчины как угнетателя, а женщины — как жертвы. Конечно, были семинары, на которых кто-то доминировал в обсуждениях, однако, человек, опирающийся на силу своей индивидуальности, в подобной ситуации примет противостояние, как есть, и будет воспринимать своих оппонентов в первую очередь как отдельных личностей. Потребность помещать подобные ситуации в идеологический контекст, воспринимать личностей, в нее вовлеченных, как социальные роли, а прямой непосредственный опыт оборачивать в абстрактные категории — все это признаки позиции слабого, позиции жертвы.

Итогом такого выбора бывает абсурдная ситуация, в которой жертва просит своего угнетателя даровать ей свободу, гарантируя тем самым, что свобода для нее состоит лишь в том, чтобы быть жертвой. Как и все идеологии, различные идеологии виктимизации — это формы ложного сознания. Все движения за частичное освобождение — феминизм, движения за права геев, движения против расовой дискриминации, рабочие движения и так далее — определяют индивидов через их социальные роли. Как следствие, они не содержат в себе функции, которые социальные роли, наоборот, разрушают и позволяют строить опыт на основе наших собственных страстей и желаний; в действительности указанные движения работают даже против них

Однако, самой сутью социальных ролей в рамках «освободительных» идеологий является готовность быть жертвой. Поток стенаний о претерпеваемых страданиях не должен прерваться ни на минуту, дабы гарантировать, что жертвы никогда не забудут о своем статусе. «Радикальные» освободительные движения способствуют лишь увековечиванию атмосферы страха, в которой индивиды продолжают ощущать свою слабость, а свою силу — как лежащую сугубо в пределах их социальных ролей, в действительности являющихся источником их виктимизации. Таким образом, эти движения и идеологии действуют в одном направлении — предотвращения возможности крупного мятежа против всякой власти и любых социальных ролей.

Настоящий мятеж никогда не будет безопасным. Те, кто предпочитает определять себя через свою роль жертвы, никогда не рискнут присоединиться к всеобщему бунту, ведь он будет угрожать безопасности их роли. Однако, как сказал Ницше: «Жизнь, полная опасностей, — вот секрет величайшего плодородия духа и наслаждения существованием!» Сознательное неприятие идеологии виктимизации, отказ жить в страхе и слабости, признание силы наших страстей и желаний, признание нас самих в качестве индивидов, значащих много больше, чем любые социальные роли, а потому — способных прожить без них — только таким может быть базис всеобщего восстания

Такое восстание, конечно, частично подпитывается и гневом, но не тем резким, скрипучим гневом жертвы, оттененным обидой и разочарованием, в котором находят мотивацию феминистки, сторонники движений за равные права, за права геев и прочие, «требуя» власти предоставить им «права». Скорее, речь должна идти о гневе наших желаний, сбросивших цепи, о полноценном и открытом возвращении того, что прежде было вытеснено. Но в первую очередь основами всеобщего восстания будут дух свободной игры, радость приключений и желание исследовать каждую возможность насыщенной жизни, в которой общество пытается нам отказать. Для всех нас, стремящихся жить полной и свободной жизнью, остается в прошлом время, когда мы могли жить, подобно пугливым мышам в стене. Любая форма идеологии виктимизации делает из нас пугливых мышей. Вместо этого, давайте будем сумасшедшими смеющимися монстрами, радостно разрушающими стены общества и создающими для себя жизни, полные изумления и восторга.

Ферал Фавн

ЕШЬ ЭКОНОМИКУ

Либертарные проблемы веганства

Большинству обсуждений веганства, которым я был свидетелем в хардкор-тусе, не хватало экономического контекста. Обычно к вопросу угнетения животных подходят только с позиций сострадания и осуждения. Творчество групп вроде Earth Crisis подводит нас к выводу, что животных эксплуатируют и уничтожают просто потому, что мы относимся к ним как к низшим существам, что мы готовы их унижать ради удовлетворения собственной жадности. Я подозреваю, что суть проблемы несколько глубже, чем просто людские жестокость и жадность.

При капитализме страдают не только животные — эксплуатируется все и вся, начиная с фермерских хозяйств и лесов и заканчивая фермерами и продавцами в продуктовых магазинах. Угнетение животных лишь чуть более очевидно для человека, потому что при этом происходит убийство живого организма. Но наше общество поработило и изменило не только животных, его пагубное влияние распространяется и на нас с вами тоже. Без понимания того, как и почему наша социо-экономическая система заставляет нас искать способы доминирования и эксплуатации всего, что нас окружает, мы не сможем существенно изменить то, как относятся к животным.

Капитализм заставляет нас оценивать окружающую среду да и всех вокруг в соответствии с рыночной стоимостью. Капиталистическая система ценностей поощряет каждого задаваться вопросом, насколько ценными экономическими ресурсами в конкурентной борьбе могут быть окружающие люди и животные. Все становится приемлемым объектом эксплуатации, ведь, если вы не эксплуатируете что-то в гонке за преимуществами в условиях «оборота товаров и услуг» «свободного рынка», кто-то другой сделает это за вас. Очень может быть, что сделает это с вами. Люди, осознавшие эту истину, не боятся использовать в своих целях людей или животных, привыкли относиться к ним, как к объектам. Они верят, что единственная альтернатива — это что к ним самим будут относиться, как к объектам, что их самих примутся эксплуатировать. Именно эта капиталистическая логика разделяет нас и настраивает друг против друга, ускоряя при этом уничтожение Природы.

Когда я иду вдоль прилавков в супермаркете, окидывая взглядом все те продукты, что мне предлагается купить, я, быть может, могу определить, какие из них были произведены в результате эксплуатации животных, но я не могу сказать, какие из них — и есть ли такие — произведены без какой-либо эксплуатации вообще. Это один из самых главных недостатков современной экономики массового производства / распределения / потребления: к тому моменту, когда продукт оказывается на прилавке, практически невозможно понять, кто его произвел, как, из чего, где.

Туалетная бумага, баночки бо бов, кроссовки расположились н полках друг подле друга, как есл бы взялись из ниоткуда. Очен сложно отследить какую-либ реальную, существенную инфор мацию о каком-либо из товаро Но есть определенные вещи, ко торые мне известны, пусть я н могу подробно изучить прошло каждой пачки заварной лапши: этой стране есть рабочие-мигран ты, им недоплачивают и содержа в нечеловеческих условиях, ест корпорации (подобно Pepsi Co. которые поддерживают тоталитар ные правительства, беспощадн уничтожающие людей, есть произ водители обуви (такие как Nike недоплачивающие и эксплуатиру ющие труд иностранных рабочих есть компании (такие как Shell чья политика приводит к непопра вимому урону для окружающе среды.

Так что мысль, будто бы, убе дившись, что в составе товара не животных продуктов, можно быт

уверенным в том, что ваши денежки не пойдут на финансирование чего-то бесчеловечного и деструктивного, для меня абсурдна. Существуют тысячи других видов угнетения, не менее отвратительных, нежели угнетение животных. Все они смазывают шестеренки нашей экономики. Нет причин уделять им меньше внимания, нежели угнетению животных.

Мне кажется, долгосрочным решением этой проблемы должно быть не просто приобретение веганской еды и animal-friendly продуктов. Если мы хотим изменить условия, которые уже привели к широкомасштабному уничтожению и эксплуатации окружающего нас мира, нам следует работать в направлении полного обрушения экономики — следует полностью вырваться из зловещего капиталистического цикла. Единственный способ бороться с капитализмом — подрывать его устои: будто бы счастье заключается в том, чтобы обладать предметами («кто умрет с наибольшим количеством игрушек, тот и выиграл»); что нет действенного способа сотрудничать друг с другом, вместо того, чтобы конкурировать; что любая другая экономическая система подразумевает определенную форму рабства (как бывший СССР).

Если эти предположения неверны, а такое нетрудно предположить, значит должен быть способ создать иную форму экономики, другой мир. Если люди начнут мыслить счастье как свободу делать что-то, а не обладать чем-то, если решат, что быть щедрым приятнее, чем быть эгоистом, если они смогут представить, что возможно создать общество, где мы работаем вместе для общего блага, а не сражаемся друг с другом и Природой (в чем уверяет нас реклама), тогда капитализму наступит конец.

Между тем, вместо веганства я выбираю фриганство. Я знаю, что, покуда я остаюсь активным участником мейнстримовой экономики, независимо от того, веганские или невеганские продукты я покупаю, я поддерживаю капиталистические корпорации. Поэтому вместо того, чтобы покупать animal-friendly продукты, я покупаю как можно меньше продуктов. Об этом уже много писалось и говорилось в движе: при разумных денежных тратах, творческом подходе к «городской охоте и собирательству», проектах вроде «Еды вместо бомб» вполне можно жить, не внося денег или труда в мейнстримовую экономику больше, чем минимально необходимо.

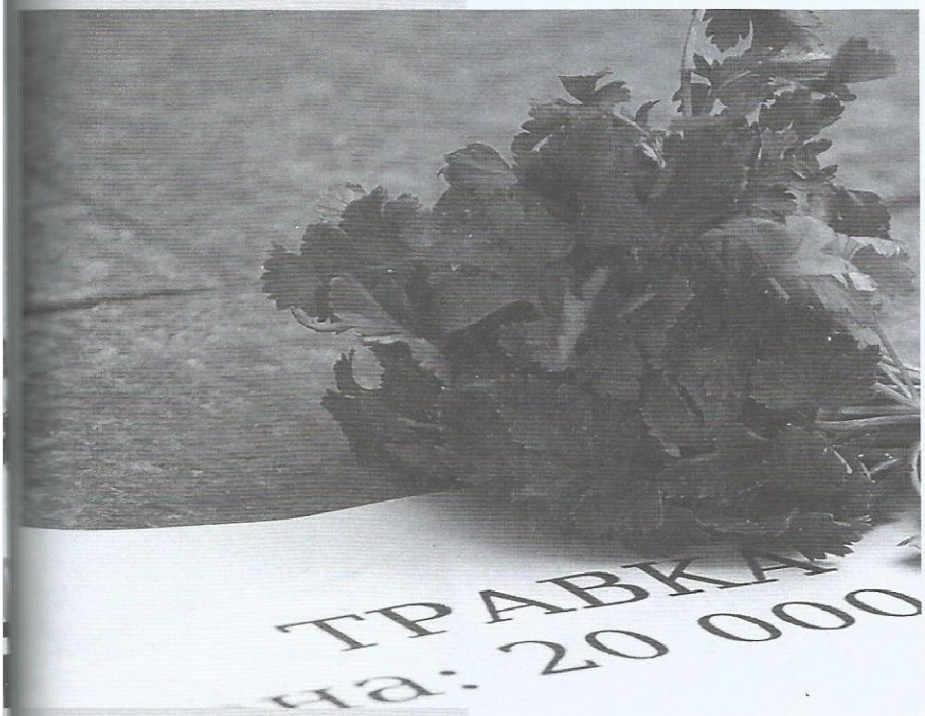
Все, что я могу достать забесплатно за счет эксплуатирующей угнетающей капиталистической системы — удар по этой системе. А вот покупка веганской еды в Taco Bell (владеет которой Pepsi Co) — еще одно вложение денег в угнетающую живых существ корпорацию. Я живу за счет ресурсов, которые могу забрать или украсть у нашего общества, стараясь избегать товаров с содержанием животных продуктов, если это возможно. Но прежде всего я стараюсь не дать им воспользоваться своими деньгами или трудом.

Готовность выступать потребителем и вкачивать деньги в мейнстримовую экономику, несущую прямую ответственность за угнетение животных и людей, за уничтожение Природы, не слишком соотносится с заявленной целью большинства людей, соблюдающих веганскую диету (целью обычно является прекращение эксплуатации животных). Поэтому я нахожу смешным, что столь много музыкальных групп и коллективов, состоящих из веган-активистов (Earth Crisis), с такой готовностью продвигают отношение, больше присущее миру мод, продавая такое огромное количество товаров. Говоря исключительно о человеческой жестокости вместо критики потребительства в общем, подобные люди игнорируют истинные причины угнетения животных.

В веганстве есть много чудесного. Прежде всего, если вы не можете смириться с тем, чтобы поглощать что-либо, полученное из трупа другого живого существа, веганство — способ этого избежать (только учтите, что это ни в коем случае не сделает вас «чистыми от греха эксплуатации животных», что бы не утверждали всякие идиоты от хардкор-сцены). У веганов появляется несколько иное отношение к потребляемой пище: приходится задумываться над тем, как она получена, что в ней содержится, вместо того, чтобы просто открыть рот и проглотить. Есть шанс улучшить свои кулинарные навыки!

Наконец, окружающим вас людям будет над чем подумать. Когда кто-то не ест, пока не будет знать, что он ест, люди вокруг тоже начинают задумываться об этой еде, о том, как и из чего она приготовлена. В этом аспекте веганство делает больше для изменения реалий нашего мира, чем сколь угодно пространные политические воззвания: культура веганства каждый день ставит перед нами важные вопросы и заставляет людей думать о вещах, о которых они в иных условиях вряд ли бы задумались.

Агент CrimethInc



РАЗГУЛ АНАРХИИ И КОММУНИЗМА

ИЛИ ПЕСТРОТА, ВЕСЕЛЬЕ И ЭНТУЗИАЗМ

В Москве прошел масштабный анархистский теоретический форум

6-8 марта 2010 года в Москве, в Сахаровском центре прошел Форум «Либертарный коммунизм 2010». Подобного размаха анархический форум состоялся во второй раз в истории новейшего СНГ-шного анархизма (в первый раз — летом 2006 года). В Форуме участвовали 230 человек, работали 29 секций. (Иногда цифры красноречивее слов). Приехали наши товарищи из многих городов России, Украины, Беларуси. Питер, Минск, Запорожье, Киев, Донецк, Тюмень, Пермь, Казань, Чебоксары, Липецк, Нижний Новгород и другие города были представлены как отдельными уастниками(цами), так и довольно многочисленными группами анархистов(ок). Широко распространялись анархическая литература, символика, значки, аудио- и видеоматериалы. Форум стал триумфом самоорганизации и... самоокупаемости. Хотя в Москву съехались приверженцы коммунистических (нетоварных, неденежных) отношений, однако, увы, живем-то мы еще в проклятом буржуазном обществе, и потому участники сдавали небольшие оргвзносы (на питание, печатные материалы, оплату помещения и возмещение средств на проезд наиболее нуждающимся). Когда в конце Форума был подведен баланс, ко всеобщему изумлению оказалось, что даже какие-то средства еще остались!

Мои (и не только мои) главные впечатления от Форума: пестрота, атмосфера «цыганского табора», веселая толчея, обилие самых разных лиц (и юных, и пожилых, и участвующих в движении 20 лет, и вчера услышавших об анархизме, и контркультурных панков, и почтенных вузовских преподавателей), всеобщая доброжелательность и непосредственность, ощущение творческого хаоса (порождающего порой анархический порядок), огромные возможности для знакомств, общения, обмена мнениями, мыслями и чувствами. Анархизм силен (и, одновременно, слаб) отсутствием монолитности и единомыслия, живым и динамичным многообразием форм, идей, лиц, тактик. Мне кажется, что теоретический и интеллектуальный уровень обсуждений часто был весьма невысок из-за неподготовленности, сумбурности многих докладчиков, монологичности или, напротив, срыва дискуссий на частности и личности. Но эмоциональные ощущения («как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», «как нас много», «движение растет, взрослеет, развивается, несмотря на все расколы, дрязги и репрессии») — были приподнятыми и экстатическими. Увидеть столько замечательных и неординарных личностей, прославленных активистов, единомышленников (кого-то знаешь близко много лет, о ком-то лишь слышал, а кого-то впервые увидел) — этого не заменит никакой Интернет!

На Форуме — по обсуждаемым темам и представленным позициям — воистину «расцветали сто цветов». Оппортунисты спорили с радикалами, анархо-примитивисты отвечали на неудобные вопросы скептиков (признавая, что для торжества примитивизма человечество должно сократиться до 50 миллионов человек), «пуритане» от веганства сталкивались с полуподпольными мясоедами, антифашисты — сторонники прямого действия — дискутировали с антифашистами — сторонниками легальных форм борьбы, апелляций к власти и приверженцами широких коалиций. Мне кажется, независимо от теоретического уровня и практических результатов, Форум прежде всего стал мощным противоядием от одной из главных опасностей, стоящих перед анархическим движением: разобщенности, изоляции, невежественной самодостаточности. Люди раскололоты и изолированы: по своим городам и местечкам (где их, может быть, два-три активиста на город, и руки опускаются, и приходится идти к каким-нибудь троцкистам или либералам), по своим организациям и «сектам» (часто воспринимающим других анархистов, как «неправильных» или «враждебных и отсталых»), по своим занятиям (одни — только «антифашисты», другие — «профессиональные вегетарианцы», третьи — исключительно «феминисты» или студенческие и рабочие активисты или

контркультурщики; причем «теоретики» далеки от практической жизни, а «практики»-активисты не желают задумываться о теории). То, что вместе собрались и поговорили о широком круге вопросов люди из разных городов и весей, из разных субкультур и социальных групп, из разных сегментов движения, приверженцы различных тактик (впервые задумавшиеся о какой-то стратегии), члены разных организаций и — посмотрели друг на друга на общих собраниях и в кулуарных междусобойчиках (осознав и свое единство, и свое многообразие, услышав вживую аргументы и соображения оппонентов и соратников в ходе совместных эмоционально-мозговых штурмов) — это очень важно не столько в теоретическом, сколько в психологическом, духовном и прагматическом отношении.

Прозвучали лекции о современном экономическом кризисе и перспективах капитализма, о тактиках уличной борьбы с милицией на массовых акциях, об анархизме как личном мировоззрении и социальной теории, о мотивации участников социальных движений, о производстве смыслов и базовых ценностях анархизма. Прошли бурные дискуссии об антифашизме и об участии анархистов в студенческом движении (товарищи из леворадикального украинского студенческого профсоюза «Прямая дия» рассказали о своем опыте - к зависти российских анархистов), об организации анархического движения в небольших городах, о вегетарианстве и о репрезентации анархистов в публичном пространстве, об антиглобализме и перспективах либертарной семьи, об антирепрессивных правозащитных кампаниях анархистов последних лет. Мне особенно понравилась лекция о «секьюризации» в различных странах, то есть о государственном тиражировании образов «террористов» и о стратегии повсеместного «закручивания гаек» и подавлении свободы под предлогом обеспечения безопасности. Эта лекция была философски глубокой, продуманной, глобальной и насыщенной конкретными примерами.

Хотя значительную часть организационных усилий (охрана, питание, размещение гостей, ведение секций) вытянули на себе участники Автономного Действия, но мероприятие, разумеется, не было и не могло быть узко «партийным»: в Форуме активно участвовали члены МПСТ; существовало обширное «гетто» анархо-примитивистов (с лекциями и семинарами); выступали «Хранители Радуги» и представители украинской организации РКАС из Киева и Донбасса; питание обеспечивали группы «Еды вместо бомб»... Почти все анархические организации СНГ (кроме, может быть, КРАС, почему-то игнорировавшей Форум) внесли свой вклад. В этом смысле Форум стал торжеством межанархической кооперации и живым воплощением солидарности — поверх всех разногласий, амбиций и склок. Хотя каких-то выдающихся прорывов в теоретическом осмыслении окружающего мира не произошло, Форум стал прекрасной и незаменимой площадкой для общения, завязывания связей, обретения анархическим движением большей самоидентичности. Такие «субстанции» как радость, дружба, веселье, надежда, энтузиазм — трудно измерить, взвесить и посчитать, но именно о них хочется говорить, осмысливая этот Форум.

Сборник тезисов многих выступлений распространялся на Форуме; большинство докладов будут доступны в электронном виде, а некоторые из них мы публикуем в этом номере «Автонома». Уверен, воодушевляющий опыт Форума «Либертарный коммунизм 2010» будет полезен, и подобные встречи произойдут еще не раз!

Петр Рябов

КОНЕЦ И ИТОГИ АНТИГЛОБАЛИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Требования международных протестов нового десятилетия будут совсем другими

Для антиавторитариев начало XXI века, и, во многом, первое его десятилетие в целом, прошло на фоне «антиглобалистского движения». Его опыт нельзя игнорировать.

Но сначала все-таки следует разобраться с терминологией. Предшественник термина «глобализм», «мондиализм» появился во Франции на рубеже 1990-х годов, во времена подъема «Национального фронта» Жан-Мари Ле Пэна. Это была первая успешная право-популистская партия нового образца, платформа которой, по сути, была сформулирована почти исключительно против мигрантов. Ле Пэн испугал народ потерей «французской идентичности». То есть, термин «мондиализм» имеет «правое» происхождение. Однако в середине-конце 1990-х он стал все больше появляться в «левом» контексте. Почему?

Конечно, следовало бы в начале вообще порассуждать о том, что такое «левые» вообще — но это более широкий вопрос, и в рамках данной статьи следует только констатировать, что термин «левые» может означать и социал-демократов, и левых либералов, и сталинистов. Реальность такова, что пока «левизна» во всех ее проявлениях гораздо больше определяет повестку дня в политике всех стран, чем антиавторитаризм.

Касательно ответа на вопрос. Во-первых, в «левом движении» почти везде доминируют националисты. Несмотря на то, что итоговые успехи проекта антиколониального «национального освобождения» сейчас в большинстве стран мира под сомнением, большинство «левого движения» до сих пор не дало этой теме должного анализа.

Во-вторых, «глобализация капитала» действительно повергла многих людей в бедность — иностранные инвестиционные проекты нарушили возможность держаться традиционного образа жизни. Например, транснациональные корпорации построили гидроэлектростанции и вырубили леса, крестьяне попали в зависимость от гибридных семян, и, таким образом, их лишили возможности самостоятельно контролировать сельское хозяйство.

Первая координационная сеть «антиглобалистского движения», «Peoples' Global Action Against 'Free Trade" and the WTO» («Глобальное действие людей против «свободной торговли» и ВТО») была союзом небольших западных активистских организаций и таких многомиллионных крестьянских движений развивающихся стран, как бразильский MST и индийский KRRS. Но скоро «старые левые» партийные организации, которые организовывали «мировые социальные форумы» с большим финансированием, стали давить на PGA, и после 2001 года организация, заслугой которой во многом была мобилизация в Сиэтле в 1999 году, которая ознаменовала прорыв «антиглобализма» в сознании масс, перестала играть какую-либо роль в «антиглобалистском» движении вообще.

«АНТИГЛОБАЛИЗМ» ИЛИ «АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМ»?

И теперь следует разъяснить, почему я придерживаюсь именно термина «антиглобализм», несмотря на его происхождение, с одной стороны, из правых кругов, и, с другой стороны, из СМИ. На самом деле более политкорректный с точки зрения интернационалиста термин «альтерглобализм» — не меньшая манипуляция, чем первый. Появился он гораздо позднее, чем «глобализация», в попытках дистанцировать смысл протестов от примитивного протекционизма или антииммигрантских настроений, которые одновременно, но, как правило, независимо, распространялись в западных странах. Но факт, что из 60 тысяч участников протестов в Сиэтле, 50 тысяч были умеренными профсоюзниками, которые ничего не требовали, кроме недопущения Китая в ВТО.

Также, несмотря на то, что верхушка KRRS исторически вышла из социалистических тенденций Индии, рядовым крестьянам по большому счету было все равно: «анти-» это, или «альтер-», лишь бы Monsanto им жить не мешала. И, несмотря на то, что PGA постепенно сократил свое название до трех слов, первоначально оно запросто заявляло о себе, как о сети «противников свободы торговли», и не особенно пыталось отмазаться от ярлыка «протекционистов». Заботы о «анти-» или «альтер-» — во многом только заботы интеллектуалов следующего после возникновения движения десятиле-

тия. А сейчас, когда никто уже не сомневается что времена «антиглобализма» прошли, можно уже честно назвать движение так, как его в самом начале назвали скандальные журналисты, чтобы реально дать оценку его сущности, а точнее, полному ее отсутствию.

Я не против попытки определять разношерстное движение в его собственных терминах ради выгоды более толковых его составляющих. Общественная борьба — эта всегда борьба между определениями. Понятное дело, что в Сиэтле в 1999-м никаких общих требований у реформистских профсоюзов и анархистов не было и быть не могло, они просто оказались в одном городе, поскольку враг у них был общим. Называть такой сбор каким-то движением можно только с большой натяжкой, но, естественно, журналистам крупных СМИ такая акробатика нередко удастся. И когда выдумали движение, уже начинается борьба за то, у кого есть власть определить требования движения.

СЕМЬ НЯНЕК У «АНТИГЛОБАЛИСТСКОГО» ДИТЯТИ

И не удивительно, что тут у анархистов вышло не очень. В сражении за звание «главного теоретика антиглобализма» побеждают консерватор Кортен, левая либералка с невнятной позицией Наоми Кляйн, жесткий ленинист Славомир Жижек и старый интриган и автономный ленинист Тони Негри, который появился в каноне модных левых интеллектуалов уже лет 30 назад. В этой элитной тусовке анархистом является, пожалуй, только Ноам Чомский, и он модный только потому, что много критикует, но почти ничего никогда не говорит об альтернативах. Правда, сразу после Сиэтла по телику часто показывали также Джона Зерзана, как самого чокнутого фрика, которого можно найти в тусовке. Не спорю, что есть у Зерзана и интересные идеи, но почему-то призыв отказаться от речи не получил широкой поддержки даже среди анархистов.

Во времена постмодернизма прямолинейность и понятность позиции славу не сделают. Но основная причина победы «старых левых» над анархистами, конечно, в огромной инфраструктуре в виде политических партий, которая позволила организовать «социальные форумы» на уровне, и в том, что само понятие «антиглобализм» просто не особо вяжется с анархизмом. Несмотря на массовую поддержку таких крестьянских движений, как сапатисты, MST и KRRS в развивающихся странах, эти «массовые антиглобалисты» совершенно не были в состоянии решать проблемы городского пролетариата глобального Юга (исключение — лишь борьба против приватизации воды в некоторых странах, в том числе, в Боливии). Ну и на Западе, за исключением союза почтальонов Канады и движения Маори в Новой Зеландии, подключены были в основном только представители субкультур, в том числе, субкультур активистов.

Тони Негри пытался дать движению более интернационалистскую окраску, и в своей знаменитой книге «Империя» он определил несколько главных требований движения, которое он назвал «множеством» — право на свободное передвижение, на «глобальное гражданство», на «гражданскую зарплату» и «захват коммуникации». В чем-то Негри даже перевернул риторику наоборот — риторика у него уже заведомо «глобальная», ни о каком сохранении «национальной самобытности» старый ленинист не вспоминает, но, тем не менее, для многих именно Негри является главным интеллектуалом современных «левых».

Все эти темы имели какое-то продолжение. Первые две касаются в первую очередь мигрантов, но, несмотря на крупную демонстрацию мигрантов в Генуе 2001-го года, их борьба часто шла отдельно от всего остального, как во время бунта во французских пригородах, и не формулировала рациональных, реформистских требований, так милых сердцу Негри. Как ни странно, во многих странах Европы церковь оказала мигрантам гораздо больше конкретной помощи, чем «левые» или анархисты. Требования о «Гражданской зарплате» поднялись на волне движения Euromayday, но по понятным причинам подключались только самые благополучные страны Евросоюза, и даже там даже существующие пособия постоянно уменьшаются в плане покупательной способности, то есть об увеличении расходов на системы социального обеспечения пока, скорее всего, речь идти не может.

В плане «захвата коммуникации» на переднем плане оказалась борьба против авторского права — тема против патентов на жизнь была ключевой уже в движении 90-х, но на Западе она на самом деле поднялась уже только ближе к концу первого десятилетия XXI века, и будет еще актуальной. Однако на Западе внезапно на переднем плане борьбы оказалась «Партия пиратов», которая ради оппортунистических целей дистанцировалась от всех остальных движений, и на самом деле привлекла в первую очередь совершенно других людей, чем остальные активистские субкультуры. Но по большому счету программа Негри не получила никаких последователей вне Западной Европы, и он перед собою даже не ставил такой цели — ведь, согласно его доктрине, локомотивом прогресса всегда являются только самые развитые страны.

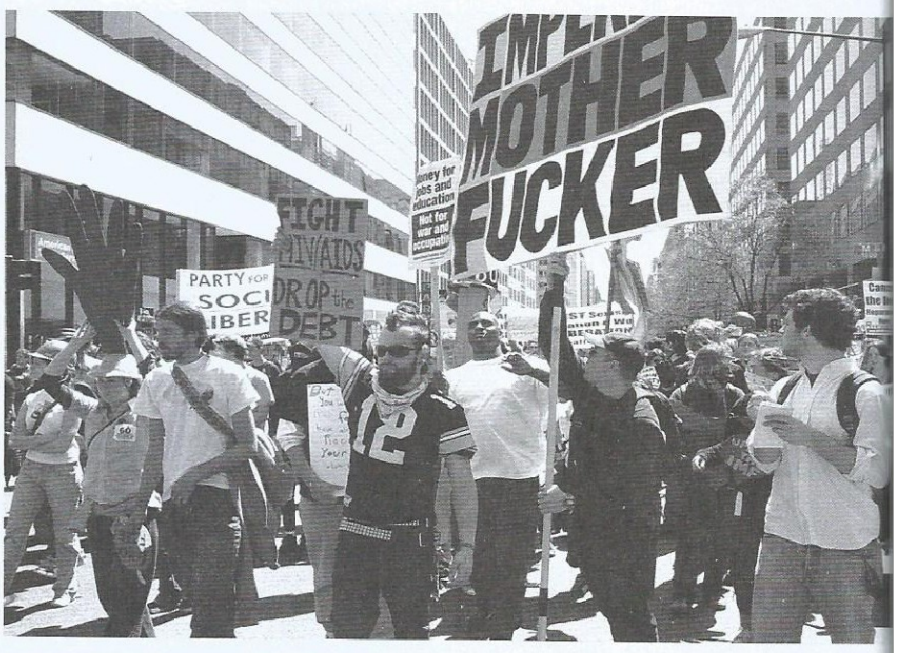
АНАРХИСТЫ СРЕДИ «АНТИГЛОБАЛИСТОВ»: СОЮЗНИКИ ИЛИ (И) КРИТИКИ?

Анархисты, конечно, также в самом начале предпринимали попытки переопределить движение (см. например: «Время бороться за глобализацию» («Автоном» #17, 2001), «Другая альтернатива есть — сопротивляйтесь власти транснациональных неправительственных организаций» («Автоном» #27, 2006)). Но благодаря слабой инфраструктуре и слабому теоретическому уровню анархистов и отдаленности самой идеи «антиглобализма» от анархизма, анархисты в этой схватке со «старыми левыми» (НПО, социал-демократами и ленинистскими интеллектуалами) не победили. Но поражение от превосходящего врага не позорно, главное — сражаться достойно. Но этого никогда не понимают кухонные революционеры, которым главное руки не испачкать, и которые только с высоты своей революционной чистоты иногда спускаются, чтобы раздать пару листовок о том, как остальные должны себя самоорганизовать, поскольку что-то организовать им самим — лень.

Сразу после протестов в Сиэтле началась критика состава протестующих — американские активисты были поражены тем, что участвовали в основном дети благополучного белого среднего класса.

Также критиковали участников протестов, уничтожавших собственность — но, по крайней мере, в США, в течение десятилетия удалось договориться о том, что протестующие не будут спешить обливать друг друга говном в случае тактических конфликтов. Впоследствии, осенью 2008 года, во время саммитов Демократической и Республиканской партий, мало кто вообще вышел на улицу, кроме анархистов. В США уличная политика оказалось в тупике после начала войны в Ираке, и «массы прогрессивной общественности» стали рассчитывать исключительно на выборы.

Почти сразу же после Сиэтла поднялась также критика «прыжков от саммита к саммиту», то есть сосредоточения на зрелищных протестных акциях вместо упорного и терпеливого труда «на местах». Но, тем не менее, из года в год никакого значительного успеха среди этих критиков никто «на местах» не добивался, и на новых саммитах снова появлялись те же действующие лица. Польза контр-саммитов как раз в том, что в условиях маргинализации радикального движения они дают возможность собрать в одном месте его сторонников с широких географических просторов, и тогда уже получается показать силу. Протесты против саммитов будут актуальными еще и после конца антиглобалистского движения — однако все более актуальным является вопрос о том, насколько нам следует сосредоточиться только на реактивной политике.



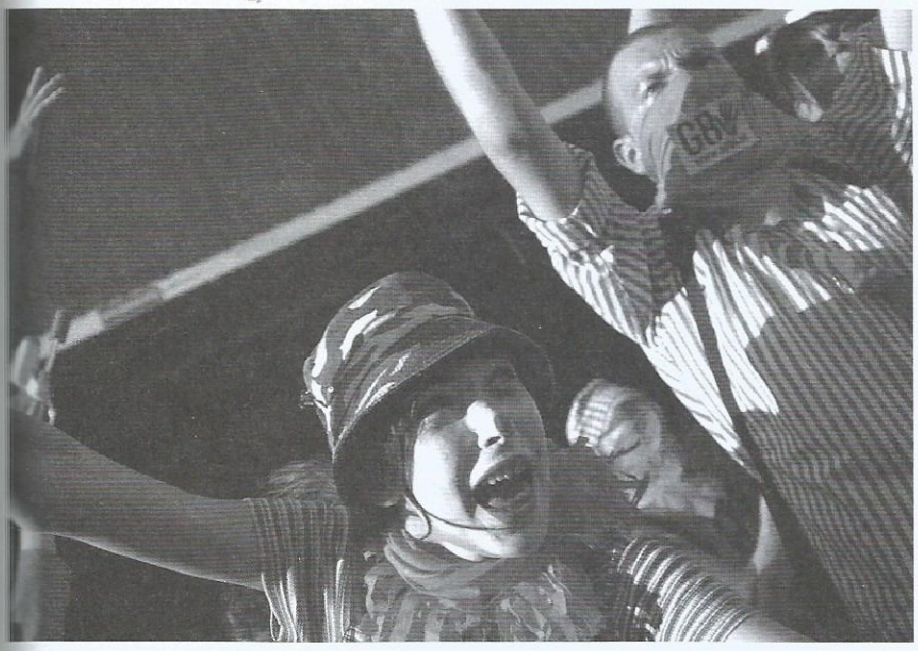
ПОСЛЕ НЕОЛИБЕРЛЬНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ – ГОСКАПИТАЛИЗМ. А ЧТО ПОСЛЕ «АНТИГЛОБАЛИЗМА»?

Какие же тогда причины завершения эры антиглобализма? На самом деле, во многом движение победило. Попытки полностью повторить те переговоры ВТО, которые рухнули в Сиэтле в 1999 (правда, в основном из-за внутренних противоречий в организации), до сих пор не были успешными. Благодаря глобальной смене экономической конъюнктуры, вполне возможно, что «освобождение торговли» уже никогда не пойдет дальше уровня конца 90-х — начала 2000-х годов. Но другое дело, что проблемы мелкого сельского хозяйства глобального Юга в условиях капитализма настолько масштабны, что один только конец ВТО ничего не решает.

Если первое десятилетие XXI века было десятилетием неолиберализма, то тактикой власти во втором десятилетии будет стремление к управляемому государственному капитализму со всеми последствиями, которые из этого проистекают: ужесточение властных механизмов и эскалация войн для контроля над природными ресурсами во имя «войны с терроризмом». Смена парадигм сейчас несомненна и фундаментальна — например, в США под контролем государства оказались две крупнейших корпорации, которые предоставляли ипотеку — Freddie Mac и Fannie Mae. На данный момент частный вторичный ипотечный бизнес в США фактически не существует — рынок ипотеки полностью контролируется государством. Такого вмешательства государства в экономику западный мир не видел со времени Второй мировой войны.

В Латинской Америке, откуда все это во многом началось, в большинстве стран к власти пришли «левые» или центристские правительства. Влияние США в Латинской Америке сейчас слабее, чем когда-либо в течение последних 150 лет. Но никаких фундаментальных проблем континента эти правительства не решили, что, естественно, анархистов не удивляет.

ВМФ и Всемирный Банк не отступили так, как ВТО, но, тем не менее, по крайней мере, до финансового кризиса 2008 года, их значение было только тенью предыдущего периода. Страны-должники поняли, что, несмотря на то, что кредиты ВМФ и мирового банка выгодны в плане процентов, взамен надо позволить вмешательство этих институций во внутреннюю экономическую политику страны. То есть, страны-должники все чаще ищут другие варианты



финансирования. И многие долги в итоге все-таки прощались, благодаря давлению со стороны самого реформистского, но самого массового крыла движения середины первого десятилетия нового века.

Частичная победа «антиглобализма» не означает, что мы в чем-то ближе к коммунизму, чем 10 лет назад. Но, надеюсь, никто этого и не ожидал.

Последние два десятилетия означали начало конца капитализма, и нет никакого сомнения в том, что системный кризис только углубится. Но правящие классы пока стремятся к наращиванию государственных дотаций ради спасения корпораций. Очевидно, что субсидий не хватит навечно, и скоро власть во всем мире должна будет предпринять более радикальные шаги, предложить более жесткие схемы управления неуправляемым хаосом капитализма.

Денационализированные левые будут приветствовать наращивание роли государства, даже если от его пустующих сейфов не приходится ожидать новых социальных льгот. Однако либертарным коммунистам тут нечему радоваться. Мы всегда знали, что как только закончится период благополучия, капитал призовет государство на помощь. Но, несмотря на то, что следствием кризиса, несомненно, будет наращивание репрессий, перед нами открываются и новые возможности.

Бывший Советский Союз же всегда был далек от этого движения, в котором в большинстве случаев участвовал только в качестве туристов, несмотря на то, что экологическое движение бывшего Советского Союза («Хранители радуги», Социально-Экологический Союз) играло роль в создании "Peoples' Global Action". На самом деле кризис экологического движения бСССР в 1990-х и начале 2000-х годов во многом препятствовал этим движениям подключаться к международным мобилизациям. В течение этих лет большая часть экологических инициатив времен перестройки либо рухнули, либо преобразовались в НПО на кормушке грантодателей.

«Хранители Радуги» не собираются с 2003 года. Возможно, подъем климатического движения будет означать более активное подключение экологического движения бСССР к международным мобилизациям, но пока перспективы климатического движения в бСССР выглядят весьма скромными. И на самом деле, по своей повестке «климатическое движение» в чем-то является противоположностью «антиглобалистского». Если «антиглобалистское» заявило о провале системы международной регуляции, и самые радикальные его элементы требовали ее полного изменения, то климатическое движение, наоборот, требует более серьезной системы международного регулирования. На самом деле результат саммита в Копенгагене — такой же провал, как результат саммита в Сиэтле, но оценка этого результата гражданскими активистами в этих двух случаях прямо противоположная. То есть, по сути именно протесты в Копенгагене подчеркнули окончательный конец «антиглобализма» — в этом десятилетии требования будут прямо противоположными требованиям предыдущих.

В бСССР, по крайней мере в России, никогда не было недостатка «антиглобалистских», антиамериканских и антизападных настроений. К либертарному коммунизму и к анархизму они традиционно не имели никакого отношения. К счастью, вокруг тем «антиглобализма» крутились и пиарились, на саммиты катались из бСССР в основном представители маргинального антиавторитарного движения, остальные (КПРФ и более маргинальные «красные», националисты) не проявили к ним почти никакого интереса. На самом деле, к счастью также было и на Западе — несмотря на симпатию к антиглобализму среди правых популистов, на улицах во время саммитов всегда появлялись почти исключительно левые. В Генуе в 2001 году, правда, было немало активистов фашистских организаций и фашистских футбольных хулиганов, но они опасались поднимать свои символы и перемещались в основной толпе.

Но, конечно, нечего радоваться тому, что в бывшем Советском Союзе анархисты были на поле боя почти в одиночестве с самого начала. Попытки анархистов мобилизовать других общественных деятелей в свою коалицию во время саммита G8 в Питере завершались полным фиаско. В итоге, в анархическом движении всем было интересно только вариться в собственном соку. Правда, у тех немногочисленных леваков, которым тоже хотелось воспользоваться случаем, лучше не получилось — они оказались запертыми на стадионе, этот ход событий никого не удивил. Лето 2006 года дало анархистам России ценный опыт организации мероприятия чуть более крупного масштаба, чем обычно.

Игорь Попов

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОБЫВАТЕЛИ

Общественные изменения требуют усилий и борьбы

Какие возникают первые ассоциации со словом активист? Экзальтированный молодой человек, который впаривает тебе очередную макулатуру? Или придурок, валяющийся голым на морозе в самодельной клетке, изображая суровую судьбу зверушек на ферме? Отдаленный от жизни дебил, моралист, который на самом деле хочет научить тебя, как следует жить? Доброжелательный, но опасно наивный фрик, которого используют иностранные спецслужбы (или кто угодно) для своих грязных целей?

Существует класс людей, которые настолько разочаровались в активизме, что писали целые статьи против него. К таким текстам относятся, например, «Отказаться от активизма», вышедший под псевдонимом Эндрю Экс (*http://bakunista.nadir.org/index.php?option=com_content&task=view&id=183&Itemid=58)* из Великобритании, классический текст 1930-х годов рэтекоммуниста Сэма Мосса «Импотентность революционной группы» и книга «Нигилистический коммунизм» английской группы «Монсиньер Дюпонт». Читать их действительно следует, чтобы знать, до чего нельзя опускаться.

В этих текстах авторы стараются показать, что активисты «отдалены от народа» — они же сами с «народом»; у активистов «нет жизни» — они живут самой настоящей «жизнью»; активисты — профессиональные революционеры, но, несмотря на то, что авторы прочитали десятки килограмм (не) марксисткой макулатуры, для них это просто «хобби» или х.з. что.

И все эти представления соединяет одно — железная уверенность авторов в том, что у них есть доступ к «аутентичности» — они не только понимают «народ» и «жизнь», но по-настоящему ими и являются. И эта идея — прямое наследство Ванегейма, который утверждает то же.

Но не обязательно быть оголтелым постмодернистом, чтобы понимать, что никакого подлинного «народа» и «жизни» не существует. Это конструкции, которые всегда будут зависеть от времени, места и контекста. Образ жизни активиста может кому-то не нравится, можно принадлежать другой субкультуре (и культура сегодня ничего не представляет собой, кроме хаотичного сборища субкультур), но его жизнь — никак не меньше жизнь, чем жизнь твоя, и его субкультура никак не меньше относится к «народу», чем твоя субкультура.

Критиковать всегда проще, чем предлагать альтернативы. Несмотря на то, что эти авторы утверждают, что владеют подлинным знанием того, что такое «простой народ» или «подлинная жизнь», они нам мало раскрывают свои знания. Что неудивительно — в таком случае они бы показали свою нелепость в полной мере. В основном это только абстрактные банальные описания, типа «освобождения своих подлинных желаний», или «занятие любвью в офисах и на заводах». Почему-то для этих авторов часто именно оргия является воплощением свободы. Но на самом деле капитализм мало мешает тем, кто желает организовать оргии — в некоторых странах это даже стало прибыльным бизнесом.

Почему революционная теория должна отвечать на все вопросы? Если у тебя есть проблема со своей девушкой/парнем/транссексуальным партнером, ты будешь искать выход в трудах Маркса и Энгельса? Если ты хочешь научиться готовить тесто для блинов, ты будешь искать рецепт у ситуационистов? Задача революционной теории — ответить на вопрос о том, каким образом можно построить справедливый мир, но если она когда-то также отвечает на вопрос о том, как следует жить, то это только счастливая случайность — подавляющее большинство жизненных проблем нам приходится решать без революционной теории. Это не означает, что эти проблемы (любовь, дружба и так далее) — второстепенные, они вполне могут быть и самые главные — но решать их приходится отдельно от общественных, неважно сколь нам хотелось бы иметь одну формулу, которая пригодится на все случаи.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ АКТИВИЗМА И АКТИВИСТА

Понятие «активист», несомненно, относится только ко временам контрреволюции. Активист — это человек, который в условиях упадка общественной активности (и такие упадки могут длиться десятками лет), несмотря на условия, решает действовать. Следовательно, активизм в зависимости от контекста — это либо его деятельность, либо точка зрения, что такая общественная роль зачем-то нужна. Несчастна ли жизнь активиста? Если человек — активист по зову совести, то вполне возможно. Плохие новости всегда больше востребованы, чем хорошие, следовательно, они нас окружают, и человек, который жалеет окружающих, в нашем обществе менее счастлив, чем тот, кто на страдания других внимания не обращает, вне зависимости от того, активист он или нет.

Забавен диагноз Волкерта ван ден Граафа, убийцы правополулистского голландского политика Пима Фортайна — «повышенное чувство справедливости», теперь это уже диагноз. Правда, другая крайность тоже невыгодна — психопатам редко удается вечно держать свою маску, нередко они попадают в тюрьмы. Тут выгоднее всего быть где-то посередине, но на такие аспекты личности, как сострадание, сознательно невозможно влиять. То есть, по большом счету, они находятся вне политического дискурса.

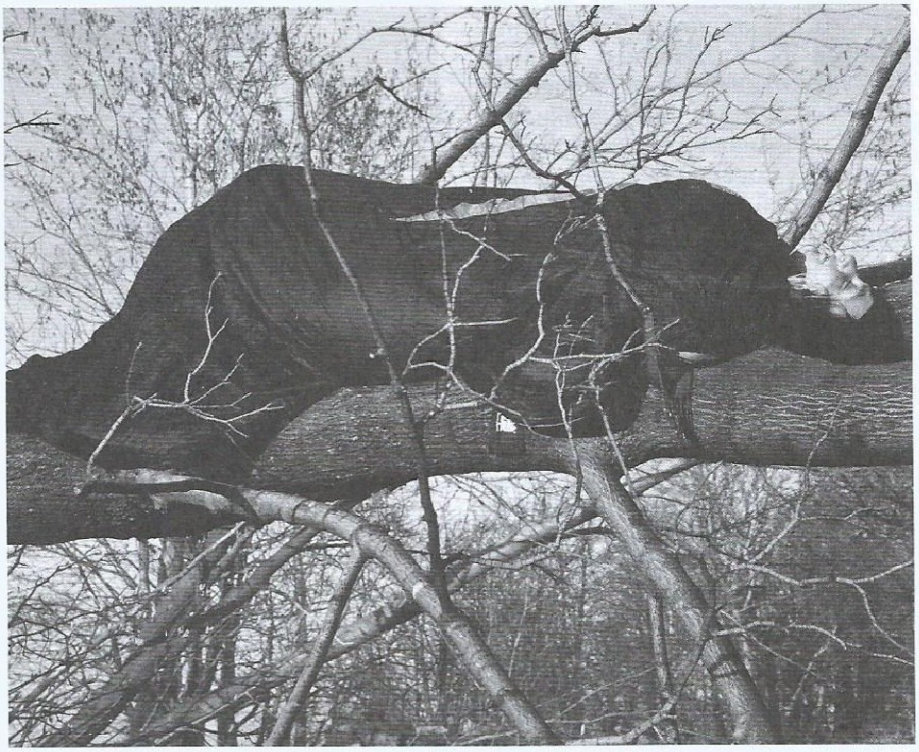
Скучна ли жизнь активиста? Наверняка иногда, но если бы она была скучной всегда, активистов вообще не было бы. До какой степени активизм помогает решать проблемы скуки в жизни — это вопрос сугубо индивидуальный. Но скука — одна из тех многочисленных проблем жизни, которые никакая политическая теория не может окончательно решать.

Однако дискутировать можно о том, действительно ли активизм на что-то влиял, и ответ несомненно положительный. Никакое развитие общества в течение последних 200 лет даром не происходило — все улучшения в положении рабочих и женщин и различных меньшинств были результатами длительной борьбы. Самые крупные скачки, естественно, случились во времена революций, но есть страны (например, Великобритания и США) где в течение уже больше 200 лет никаких революций не наблюдается, но тем не менее положение рабочих и т.д. существенно улучшилось.

Но поскольку рабочим, женщинам, различным меньшинствам даром ничего не дали, то единственный возможный вывод — активизм действует — естественно, обычно сопровождаясь угрозой революции, но тем не менее. Естественно, официальная история редко напоминает об этих десятках тысяч анонимных героев, но, тем не менее, было бы вопиющей ошибкой со стороны революционеров забывать, что они жили и добивались своего. Что, конечно, не означает, что все это развитие — исключительная заслуга активистов, но почти всегда именно активисты первыми поднимали вопросы, которые через десятки лет становились важными для общества.

Есть, конечно, и контраргумент, что реформы только умиротворяли рабочий класс, и, следовательно, мы теперь дальше от окончательного освобождения, чем никогда. Это может быть и так, но сложно предвидеть, какой могла бы быть альтернативная тактика — не выдвигать некоторые тактические требования, и оставаться настолько голодными, чтобы быть готовым на что угодно?

Быть революционером (и вообще любые попытки на что-то влиять) во время контрреволюции — иррациональны, то есть, активист всегда будет в меньшинстве, нередко совсем маргиналом. Если он хочет найти союзников (и, скорее всего, всегда хочет), он попадает в субкультуру активистов (которая может быть связана, и может быть не связана с какими-то другими субкультурами) — ведь почти невозможно придерживаться множества ценностей, которые противоречат ценностям окружающих без поддержки от хоть какого-то сообщества «своих».



И субкультура уже автоматически развивает другие атрибуты, которые отделяют ее от окружающих — как минимум, жаргон и юмор, возможно, свою одежду, музыку и т.д. (которые также могут быть связанными с другими субкультурами).

Все это уже закономерные процессы, которые, к сожалению, будут увеличивать изоляцию активистов, но это закономерности социальной психологии. В активизме как стратегии есть свои преимущества и недостатки, но, к сожалению, они неотделимы друг от друга.

Однако неправильно определить активистов как «профессиональных революционеров» или «специалистов по революции». Разделение труда в зависимости от специальности в обществе требует каких-то особенных навыков, которые не могут быть доступны всем, однако активистами могут быть почти кто угодно. Разделение труда, когда оно возникает, когда одни хотят работать, и другие нет — это принципиально другое явление. Очень редко активистам удается жить за счет своего активизма. Очень редко активисты встречают какое-то уважение в обществе, как правило, к ним относятся просто как к придуркам, их стараются использовать для занятия какой-то грязной работой.

ОБЫВАТЕЛИ И ОБЫВАТЕЛИЗМ

Полностью ощущать, что такое активизм можно только от противного. Но не каждый пассивный человек пишет телеги о том, как следует отказаться от активизма, со ссылками на ситуационистов. Такой анализ возможен только исходя из совершенно определенных позиций — позиций революционного обывателизма.

Это счастье, что в русском языке вообще есть понятие «обыватель» и возможность создавать слова, описывающие соответствующие идеологии. На английском, как и во многих других языках, все гораздо скучнее — в качестве антонима активизма фигурируют “normal people” (нормальные люди), что на самом деле не охватывает суть вопроса, есть, конечно, в английском языке и слово «consumer», но оно гораздо меньше насыщено значениями, чем его русский эквивалент. Ведь на самом деле никакой «нормальности» не существует, каждый в каком-то смысле маргинален. Но прежде чем разобраться с тем, что такое революционный обывателизм, следует разобраться с тем, что такое обывателизм, какие инстинкты современный капитализм именно поощряет. И это, прежде всего, инстинкты накопить хлам и решать личные проблемы, и рассматривать все более широкие общественные процессы с позиции постороннего наблюдателя.

Существует общественный стереотип, что главный враг анархистов — обыватели. Очевидно, что тут путают анархизм с контркультурой, но это не удивительно, поскольку сами анархисты часто не в состоянии их разделять. Сами анархисты традиционно не только несогласны с тем, что обыватели — их враги, у них также почти полностью отсутствует анализ того, кто такие обыватели и их идеология как таковые. Понятия «обыватель» в классическом анархизме вообще нет, в нем есть только классы трудящихся, буржуев, интеллигенция и прочие.

С другой стороны, Рудольф Рокер уже в 1930 году сказал, что если обывательское общество далее будет развиваться такими темпами, то через поколение ни о каком революционном движении речь не будет идти. Рокер не дурак, он фактически предсказал не только причины конца собственного движения как общественно значимого, но также правильно определил срок его гибели. Но, тем не менее, никто среди анархистов не стал разбираться в том, что такое обывателизм и обывательское общество, и как от него избавится. Этим занимались только кое-какие марксисты, и еще хиппи и панки, при этом на весьма примитивном уровне.

Обыватели на самом деле не самые плохие люди. Как правило, самые худшие люди возникают среди отмороженных идеалистов. Сталин, конечно, жил лучше, чем подавляющее большинство советских людей, но он мог бы жить еще гораздо лучше при желании — но это было ему не нужно. У него были совсем другие стремления в жизни. Обыватели вредны, но часто их желания безобидны — за год или два добыть себе какую-то вещицу... Обывателям в голову не приходит организовать какой-нибудь геноцид, например.

Отмороженные идеалисты обывателям страшны, и они могут даже предпочитать, чтобы вместо идеалистов за них решали такие же обыватели, как они сами. Яркий пример — нынешний власть в России, для которой первый приоритет — не решать проблемы экономики или внешней политики, а построить себе дачу где-нибудь на Черном море или покупать очередную яхту. Власть в России сегодня — люди совершенно малодушные, и это не может не радовать обывателей. Самый яркий пример, наверное, Лужков и его жена, более жадных и мелких людей сложно

себе представить. Но со временем эта система, конечно, рухнет, все-таки политики должны еще о чем-то думать, кроме как о том, где своровать очередной кусок.

Следовательно, раньше или позже инициатива окажется либо у либертарных коммунистов, либо у фашистов или прочих авторитарных фанатиков. Конечно, ситуация, когда решаешь за других, уже противоречит анархизму, ведь анархисты на самом деле не могут решать за других — то есть в определенной мере все-таки обывателей надо «лечить». Но обывательские инстинкты оказались очень выгодными в эволюции общества в последние тысячелетия, то есть избавиться от них можно не быстро. То есть надо найти какой-то компромисс. Панк смог найти этот компромисс, в панке же хлам, шмотки, прически и значки — 90%, и анархизм — 10%. Это, наверно, даже идеальное соотношение обывательщины и идеализма, возможно, к этому и анархисты должные стремится ради успеха.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОБЫВАТЕЛИ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ОБЫВАТЕЛИЗМ

Революционные обыватели, естественно, не обязательно коллекционируют хлам. Они могут коллекционировать и материальные (например, книги континентальных гегельянцев), и нематериальные вещи (например, знание о бунтах в далеких странах, как правило, чем дальше эти бунты, тем политкорректнее они с позиции революционного обывателя), но это не главная суть революционного обывателя. Суть его — позиция постороннего наблюдателя в общественных процессах.

И как раз термин «революционный обыватель» уже сам объясняет, что имеется ввиду, когда заявляется о том, что человек может «отказаться от активизма» и, таким образом, быть «вместе с народом»: для революционного обывателя народ — это обыватели, и он гордо считает себя одним из них. Но обывательская культура — это только одна из возможных, несмотря на то, что именно сейчас, во время контрреволюции она гегемонистская, это совершенно не значит, что она представляет более аутентичную человеческую природу. На самом деле главная ошибка революционного обывателя в том, в чем он обвиняет активиста — революционный обыватель считает, что активист со своими проектами не понимает сути революции, но на самом деле революционный обыватель сам не понимает контрреволюции (и, следовательно, не может понимать и революции).

Во времена контрреволюции, общественные закономерности совершенно другие, и то, что активизм в революционные времена, когда инициатива охватит широкие слои общества, никак не востребован, совершенно не означает, что активизм не востребован во времена контрреволюции. И заявлять, что деятельность активиста — бесполезна, поскольку не приводит к революции бессмысленно, поскольку во времена контрреволюции ничего не приводит к революции. Фактически все революции прошлого, это последствия ошибок власть имущих — ошибок вполне закономерных и ожидаемых, которые всегда раньше или позже происходят, но, тем не менее, совершены ими самими. Задача активизма — не проводить, даже не приближать революцию, а хранить некоторые ячейки революционных идей то тех пор, пока не наступит время более удачное.

Несомненно, правда, что активизм нередко влечет за собой определенные душевные ощущения о моральном превосходстве и элитизме. Часто темы разговоров активистов могут сильно раздражать. Но это все не означает, что активисты и активизм — не правы, это просто неизбежные побочные эффекты — это не означает, что все активисты моралисты, но, тем не менее, появление морализма является закономерным последствием такого положения в обществе.

Одна из сильных сторон капитализма в том, что в определенном мере он признает законы физики. Жизнь требует движения, а движения массы требует труда. Активист отказывается от некоторых рациональных общественных постулатов (от тех, которые декларируют, что бессмысленно действовать, когда действие не принесет результатов), но он не отказывается от законов физики. Активист признает, что движение требует труда. А революционный обыватель наоборот, принимает примитивные общественные нормы, но отрицает законы физики. Он утверждает, что революция и любые общественные изменения не требуют усилий, а всего лишь правильного анализа или вообще являются полностью детерминированными отношениями производства. Но почему-то он не спешит раскрывать нам свою магическую формулу революции — по ходу, она ему самому еще неизвестна, но вот-вот раскрывает себя, осталось писать всего лишь еще одну критику того, чем занимается активизм, еще один опус о том, «чем заниматься не следует».

Нельзя, конечно, утверждать, что революция — величина количественная, которая происходит после X распространенных листовок, Y демонстраций и Z проданных журналов. Закономерности прибавочной стоимости тут не действуют, и в случае бездарных действий, любое количество расходованного труда ни к чему не приводит. И большая часть усилий активистов является либо бездарными, либо направлены исключительно на воспроизводство собственной субкультуры.

Но никакие идеи не могут выживать в обществе, если нет среды, которая их кормит и сохраняет. То есть, в условиях контрреволюции, революционная идея может выживать только на изолированных островах субкультур. Конечно, в таких условиях происходит и определенное искажение идей, но, тем не менее, это меньшее зло, чем ситуация, когда каждый новый подъем вынужден начинаться с нуля, полностью лишенный опыта прошлых восстаний.

Заслуга активизма в том, что он нарушает искусственные общественные реалии, и только таким образом можно дать толчок, который разрушит пассивность. Этого достоинства достаточно, чтобы принимать все недостатки активизма. Любая акция, неважно сколь маленькая, сколь нерассчитанная, сколь глупая и наивная — это всегда проявление непокорности, первый шаг к разрушению подавляющего общественного строя. И первый такой шаг всегда означает гораздо больше, чем любая критика окружающей реальности.

Владимир Правдоподобнов

ПРАВО НА БУНТ

Полина Елисеева

Химкинский лес как Россия в миниатюре

В борьбе обретешь ты право свое!
Девиз партии социалистов-революционеров
Бунт — дело правое.
Жан-Поль Сартр
Все мы сегодня живем в Химкинском лесу.
Юрий Шевчук

Власть получила по морде. Она к этому не привыкла. Удар получился не смертельный, но эффектный и публично-демонстративный. Реакция последовала незамедлительно. Государство вдруг вспомнило о законах, по известной формуле, авторство которой приписывают фашистскому каудильо Франко: «Друзьям — все, остальным — закон». Закон этот, как топор, тяжело обрушился на смутьянов: реальных, предполагаемых, подозреваемых и потенциальных. Аресты, облавы, обыски, избиения, допросы, истошная перепуганная истерика в сервильных СМИ... Как же: ведь у нас (как и везде) только Государство имеет монополию на произвол и насилие, а тут вдруг оказалось, что эта игра — не в одни ворота...

Напомню, специально для тех, кто случайно еще не в курсе. Вот уже года три жители подмосковного города Химки и помогающие им социальные активисты из Москвы ведут упорную, но, казалось, безнадежную борьбу против вырубки Химкинского леса, на месте которого планируется проложить автотрассу, связывающую две наши столицы. А вокруг трассы на безумно дорогой земле — правильно! — воздвигнут торговые центры! А при строительстве трассы — верно! — будут разворованы огромные средства и получены бешеные взятки и откаты! Красота! Кому какое дело до каких-то там деревьев и каких-то местных жителей, если речь идет о баснословных суммах (мы ведь живем в рыночном обществе?), и если в деле замешаны высочайшие инстанции, начиная, как минимум, с мэра Химок Стрельченко, бывшего бравого офицера-«афганца», способного на многое, и до, как максимум, -... путь уводит на самый верх (мы ведь выстраиваем вертикаль власти?)?! В общем, все как всегда. Но иногда, вопреки известному изречению Черномырдина, выходит все-таки «как лучше», а не «как всегда».

Три года упорные, но кроткие до мазохизма люди писали жалобы по инстанциям, получая отписки, и выходили на митинги, получая по физиономиям милицейскими дубинками. Об угрозах в адрес конкретных активистов я уж и не говорю. За это время локальная проблема Химкинского леса получила всероссийскую известность. Власти, бандиты, менты, судьи, как всегда, плавно перетекая друг в друга, как всегда, выступали единым фронтом, жестоко подавляя любые мирные протесты и глумливо шельмуя протестующих. Избитый до полусмерти и покалеченный «неизвестными» оппозиционный химкинский журналист Михаил Бекетов (его адвокатом был наш убитый товарищ Стас Маркелов), разгоны митингов и пикетов, эколагеря, «свинченные» милицией, единодушные решения судов против экологов, молодчики (вероятно, из числа футбольных фанатов и нацистов), нападающие на протестующих и угрожающие им расправой, — все это было, и все это в порядке вещей для нашей многострадальной и безмерно терпеливой России.

Необычно то, что это «действие» (в соответствии с законом Ньютона) получило наконец соответствующее и адекватное «противодействие». 28 июля 2010 года три сотни молодых антифашистов и анархистов, внезапно высадившись с электрички, быстрым маршем прошли по Химкам, закидали администрацию города камнями и дымовыми шашками (выбив несколько стекол), расписали ее соответствующими лозунгами, бодро поскандировали кричалки в защиту леса и так же быстро и организованно отбыли восвояси, перепугав и унизив химкинских чиновников и в их лице — все российские власти.

Последствия, как я уже сказала, были вполне предсказуемыми. Наша слепая на оба глаза Фемида пробудилась от летаргии и начала наощупь шарить по общественным активистам. Президент Медведев приостановил вырубку леса, косвенно подтвердив эффективность анархической атаки как наиболее уместной формы диалога общества с властью. Лидер мирных протестующих химчан Евгения Чирикова возблагодарила доброго президента и решительно отмежевалась от «экстремистов» (без них она и ее соратники могли бы еще три года с тем же успехом оплакивать пеньки вырубленных деревьев и биться головой о стену куражащихся чиновников). Зазвучали речи об «экстремизме», «бандитизме», «насилии» (хотя в ходе нападения на администрацию Химок, как обычно пишут в титрах фильмов, «не пострадало ни одно животное» (включая и чиновников)). Почтенная либеральная публика в ужасе отшатнулась от «погромщиков». Певец Юрий Шевчук вывел пару тысяч людей на митинг-концерт

в защиту леса. Два выхваченных наугад активиста антифашистского левого движения — Максим Солопов и Алексей Гаскаров (второй из них — также и анархист, наш товарищ, член «Автономного Действия»), «виновные» лишь в том, что не раз ранее публично выступали на митингах и TV от лица социальных движений, были арестованы и назначены «зачинщиками». Сотрудники ФСБ и печально известного Центра «Э» начали доставать различных журналистов наглыми требованиями о сотрудничестве и предоставлении им своих сведений и видеоматериалов об атаке на Твердыню Химкинской Власти. Десятки антифашистов и анархистов были задержаны, допрошены (иногда с избиениями и угрозами). Государству, милиции, мэрии Химок, администрации Путина-Медведева — опозоренным и поставленным на место — важно было устроить образцовую расправу, реабилитироваться в собственных глазах, напугать всех недовольных и протестующих, могущих поддаться соблазну последовать заразительному примеру.

Но имеющий глаза да видит! Общество пробуждается. Сочувствие многих на стороне тех, кто 28 июля не побоялся ответить ударом на удар. (90 процентов людей, проголосовавших в ходе опроса в прямом эфире либеральной радиостанции «Эхо Москвы», поддержали эту атаку). Люди все больше понимают, что распоясавшиеся менты, всемогущие бандиты, безнаказанные чиновники и послушные судьи понимают лишь разговор с позиции силы (не насилия!). Вера в «доброго царя», в «реформы сверху», в «справедливые законы» давно рассеялась, как туман. Верноподданническими прошениями, жалобными голодовками, судебными исками и санкционированными пикетами ничего не добиться от власть и деньги имущих. На этом поле они подобны шулерам, диктующим и нарушающим правила игры (игры в законы, игры в суды, игры в выборы) и всегда обречены на победу. Только решительное общественное сопротивление, массовые акции прямого действия (забастовки, перекрытия дорог, блокады и захваты учреждений и административных зданий) способны поставить общество в равные условия с властью (на стороне которой и юристы, и пропагандисты, и политики, и менты, и солдаты). Нельзя бесконечно терпеть унижения и государственное насилие, прикрываемое декорациями права. Постоянное затыкание сверху общественного «парового котла» порождает уже не только относительно мирные акции, не связанные с насилием против людей (подобные той, что состоялась 28 июля), но и действительно крайние методы борьбы - вроде действий знаменитых «приморских партизан», взявшихся за оружие. Самоорганизация, сопротивление, коллективное прямое действие — это не «экстремизм», а единственно оправданный и правильный путь в борьбе против капиталистической эксплуатации и государственного насилия.

Читатель, проснись и стряхни гипноз официальной пропаганды! Посмотри на сегодняшнюю Францию. (Раскаты грома из нее долетают даже до наших сонных болот). Вот уж, действительно, удивительная страна «экстремистов»! «Экстремистов», почему-то не желающих, чтобы власти решали свои проблемы за их счет, повышая пенсионный возраст. Миллионы французских «экстремистов» — от лицеистов до дальнобойщиков — не просто выходят на шумные демонстрации и переворачивают полицейские машины. Они захватывают университеты, парализуют страну забастовкой, блокируют нефтеналивные пункты, бьют по узловым «болевым точкам» Системы. Куда нам до этих странных «экстремистов», не разучившихся бороться солидарно и наступательно!

Даже либералы признают право народа на вооруженное восстание против деспотизма государства (оно записано в «Декларации независимости» США и других основополагающих документах). Мы не либералы. Мы не будем овечками, стыдливо оправдывающими свое возмущенное блеяние перед волчьей пастью. Мы не будем извиняться и жалобно взывать к правосудию волков. Пусть они извиняются и оправдываются (если им есть, что сказать в свое оправдание).

История борьбы вокруг Химкинского леса стала символом. Символом не только беспредела со стороны государства, но и символом общественного сопротивления. Не нужно бояться. Не нужно слушать сказок об «экстремистах», посмевших бросить вызов Дракону и отстаивать свое человеческое достоинство не в суде, а на улице. Не нужно верить в беспристрастие судов и благородство политиков и депутатов. Не нужно думать, что «моя хата с краю», и царящая повсеместно в обществе многоликая несправедливость так или иначе не обрушится завтра и на меня, и я сумею всегда улизнуть, откупиться, договориться. Нужно полагаться на самих себя, верить в свои силы и искать единомышленников. И тогда история с Химкинским лесом может стать одним из первых шагов на трудном пути общества к свободе и справедливости. И когда-нибудь нам не будет стыдно перед французами.

Памяти Маркелова и Бабуровой

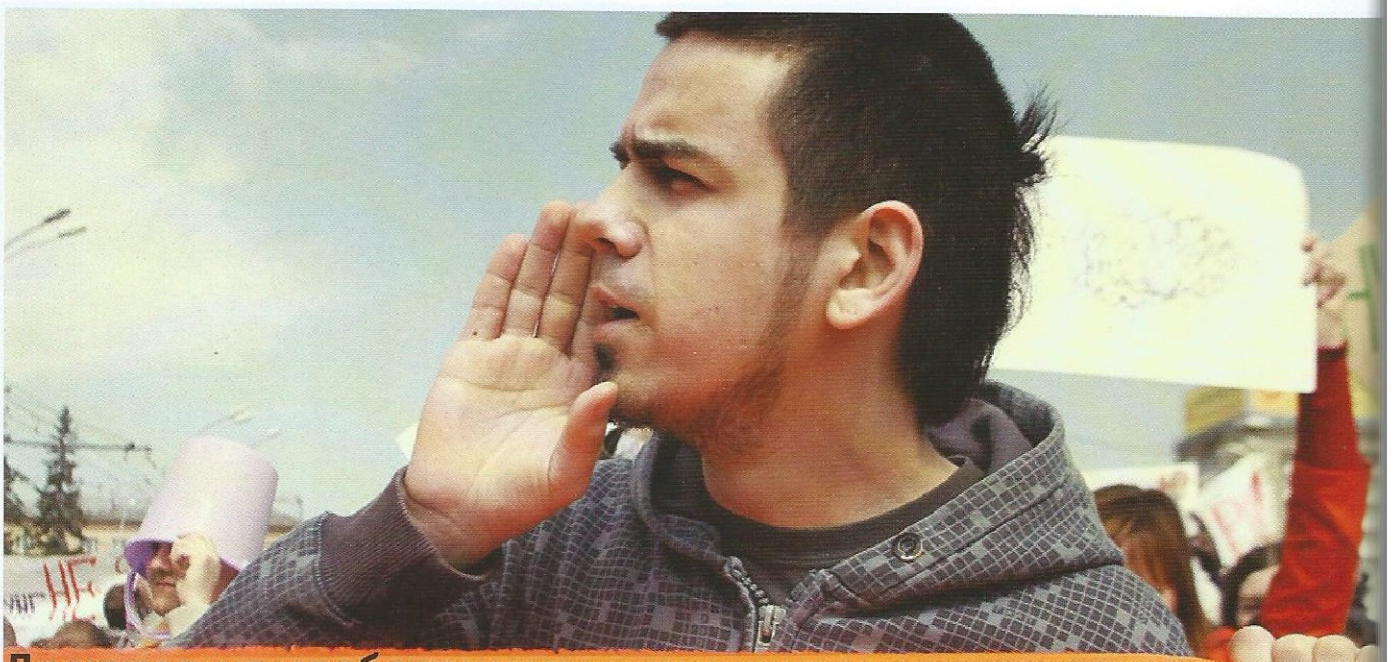
19 января 2010 года и в ближайшие к этой дате дни антифашистские акции прошли во многих городах России и других стран. В Москве мэрия отказала в согласовании шествия, а затем менты вырвали из рук активиста мегафон и попытались его арестовать. Участники акции памяти не позволили это сделать, и мирное мероприятие закончилось противостоянием с милицией. Почтить память погибших пришло около тысячи человек.

В Санкт-Петербурге в ночь на 19 января на внешней стене Музея политической истории была открыта уличная экспозиция, посвященная памяти Маркелова и Бабуровой. В Петрозаводске зажглись свечи в память о тех, кто стал жертвами неонацизма. Собралось около 60 человек. В Хабаровске антифашисты провели акцию в память о всех погибших от рук ультраправых. Возле Вечного огня были разложены фотографии убитых антифашистов, возложены цветы и зажжены свечи. В Омске шествие памяти собрало около 30 человек.

Акции в эти дни прошли в двадцати городах России, а также в Минске, Киеве, Париже, Варшаве, Хельсинки и Стамбуле.

В защиту Остапова

Продолжается кампания в защиту Всеволода Остапова, избитого вместе с друзьями в ОВД «Сокольники». Вместо наказания сотрудников милиции, суд приговорил Остапова к году условно. Судье наверняка все было ясно с этой историей, но корпоративная солидарность работников госструктур приводит к тому, что менты всегда правы, а люди виноваты. В Москве за последнее время прошло около 10 акций против милицейского произвола и в защиту Остапова.



Лоскутов на свободе, монстрация живет

Несмотря на все старания центра «Э» посадить Артема Лоскутова, он остался на свободе и не только не умерил своей активности, но, можно сказать, только вошел в раж. Монстрации в этом году прошли не только в Новосибирске, но и еще в семи городах России и Украины. Артем так поднаторел в спорах с чиновниками, что новосибирскую монстрацию даже согласовали, и она собрала около двух тысяч человек. Абсурдный язык монстраций становится все более популярным — в нынешней политической ситуации на нем оказывается проще выражаться, чем на языке прямых деклараций.

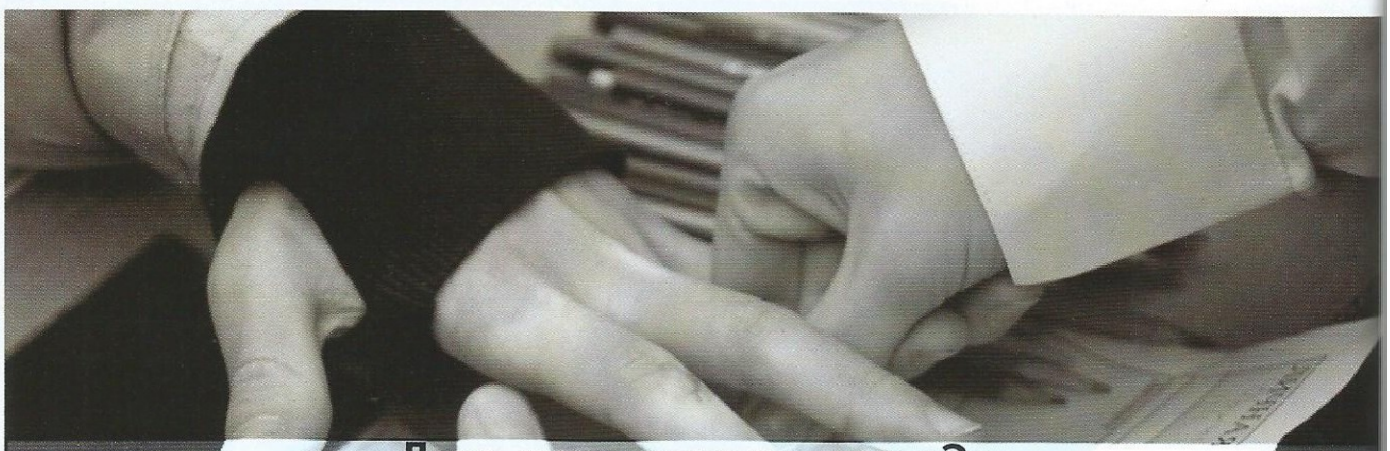
1 мая шагает по планете

Питер

Киев

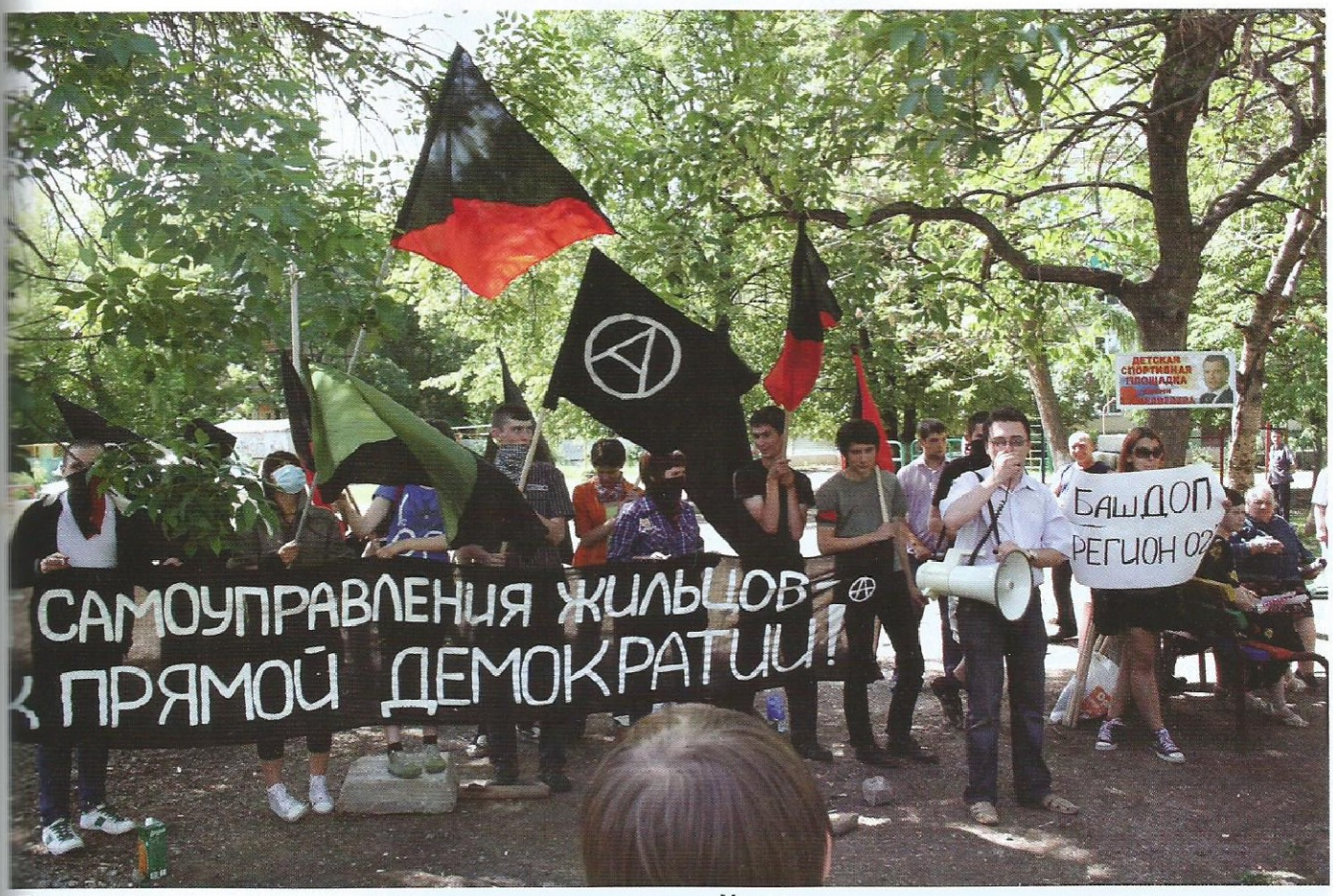
Первомайские акции анархистов прошли в этом году в Москве, Нижнем Новгороде, Питере, Уфе, Иркутске, Севастополе, Волгограде, Каменск-Шахтинском, Екатеринбурге, Казани и Перми. В Москве в этот день прошли сразу пять акций: три акции «прямого действия», уличный концерт на ВДНХ и участие в общем шествии «левых сил». В Нижнем Новгороде было задержано около 30 активистов, несмотря на то, что они планировали принять участие в согласованном властями мероприятии. В Севастополе менты заблокировали шествие анархистов.

Москва



День рождения центра «Э»

30 ноября в Москве на Чистых Прудах анархисты «отпраздновали» День рождение центра «Э». Центры по противодействию экстремизму, созданные осенью 2008 года во всех регионах России, фактически выполняют роль политической полиции. Они собирают данные на всех мало-мальски активных людей и «противодействуют экстремизму» как правило путем подавления какой-либо социальной инициативы в принципе. Анархисты организовали на Чистых прудах «временный Центр «Э», в котором можно было сдать отпечатки пальцев и получить удостоверение «экстремиста». Чтобы развлечь обычно мрачных и серьезных сотрудников Центра «Э» для них был подготовлен подарок, а также веселые конкурсы.

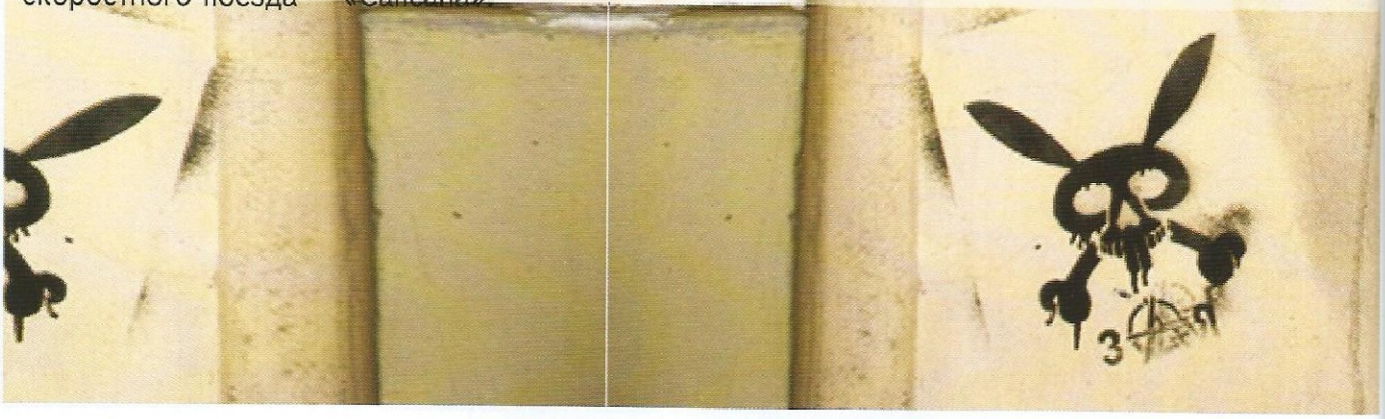


Вместе с жителями против застройки

В апреле 2010 года в Уфе началась кампания против уплотнительной застройки. На митингнк против повышения тарифов на услуги ЖКХ к участникам «Автономного действия» обратились жители проспекта Октября, с которого в одном из дворов под коммерческое строительство вырубали деревья. 29 апреля активисты вместе с жителями, спасая деревья от вырубки, разрушили строительный забор. 19 мая противостояние продолжилось — застройщик попытался заново установить забор на месте стройки. Перепалка между жителями и охраной и блокада въезда на стройплощадку с участием анархистов и правозащитников переросла в драку, приехало телевидение. В результате скандала стройка была приостановлена. Теперь в Уфе планируется объединение групп жителей, борющихся с уплотнительной застройкой.

Зайцы против повышения цен

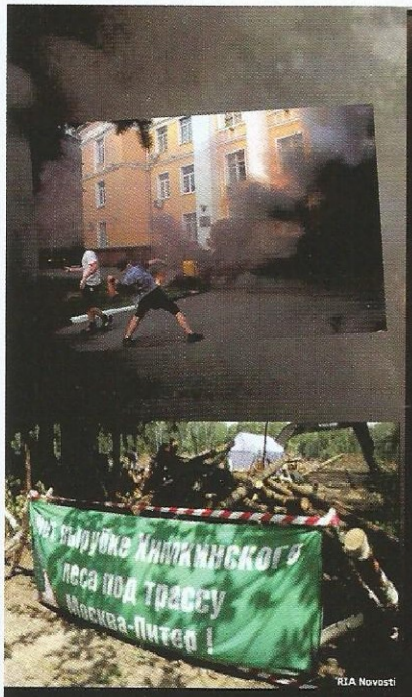
В январе-феврале 2010 года анархисты Питера боролись против повышения цен на проезд в общественном транспорте. Одевшись в костюмы и маски зайцев, они проводили «рейды» в электричках и протестные пробеги по улицам. Группы убежденных «зайцев» раздавали листовки и агитировали пассажиров не платить за проезд в знак протеста против его повышения. На платформы «зайцы» проникали, перепрыгивая через турникеты. В листовках было сказано, что каждый год цены на билеты вырастают на 10-12%, а транспорт ходит по-прежнему плохо и зарплата водителей и машинистов увеличивается на копейки. Летом этого года в Питере также начались протесты против отмены электричек из-за супердорогого скоростного поезда — «Сапсана».



«Долой террор ментов»

15 марта 2010 года, во Всемирный день борьбы с ментовским беспределом, харьковские анархисты и антифашисты вывесили баннер «Долой террор ментов» на одном из самых больших мостов города. Улицы также оживились граффити и трафаретами по теме, а общественный транспорт украсили стикеры «15 марта – Всемирный день протеста против полицейской жестокости. Автономное Действие Харьков».

Об этих и других событиях читайте на сайте avtonom.org



“Химкинская герилья”

28 июля 2010 года в подмосковных Химках прошла акция протеста, широко известная как “нападение на химкинскую администрацию”. Около 200 анархистов и антифашистов прошли шествием по улицам города, написали на стенах администрации лозунги “За русский лес!”, подожгли несколько дымовых шашек и разбили в здании четыре окна. Никто не был задержан на месте событий.

Кампания в защиту химкинского леса продолжалась к тому моменту уже три года, но не дала никаких результатов. Прямое действие обострило противостояние и повлекло за собой репрессии. Три месяца провели в заключении антифашисты Максим Солопов и Алексей Гаскаров, обвиняемые по статье “Хулиганство”. Благодаря действиям Кампании за освобождение химкинских заложников активисты были освобождены под подписку о невыезде. Но обвинения с них так пока и не сняты.

Сайт защитной кампании http://khimkibattle.org

«Граффити: нацисты и шаверма»

Питерские анархисты «поздравили» ультраправых с 4 ноября, нарисовав отличное граффити прямо на Невском проспекте. И вывесили «поздравление» в интернете. Цитата из него: «На бело-черно-золотом фоне (который специально был выбран, дабы гнусно осквернить ваше лучезарное знамя), мы написали то, что все вы упорно скрываете от себя самих, от родных и близких и от всех людей вообще. То, что вы безуспешно пытаетесь вытеснить из своего сознания, то,что неотступно мучает и будет мучить вас всю жизнь

то, что вечной преградой стоит на вашем пути к сверхчеловеческому проекту. Мы написали всего четыре слова — «Нацисты едят шаверму тайком» Вы скрывали это, а теперь об этом знают все. Вы казались грозными и решительными, а теперь все видят, как вы врали. Вас, как трусливых лемуров, трясло от одной мысли, что кто-то узнает, а теперь все над вами смеются.»

КОКТЕЙЛЕМ МОЛОТОВА - ПО ИМИДЖУ ПРЕЗИДЕНТА

Размышляла на тему
Полина Кротова

Репрессии анархистов в Беларуси могут стать концом диктатуры Лукашенко

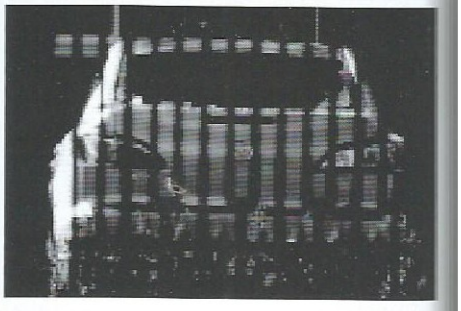
3 сентября этого года в Минске были задержаны шестеро активистов анархистского движения Беларуси. Они провели от трех до десяти суток в местном ИВС, пока проверяли их причастность к атаке на российское посольство: 30 августа на территорию посольства в Минске были брошены две бутылки с коктейлями Молотова. Одна из них попала в автомобиль посольства, который в результате сгорел. Эти события послужили толчком для дипломатического скандала. Посольство России направило ноту в МИД Белоруссии. Лукашенко заявлял, что случившееся было провокацией агентов из России.

2 сентября на Интернет-ресурсах belarus.indymedia.org и belarus.avtonom.org появилось заявление, в котором ответственность за акцию взяли на себя анархисты, а именно ранее неизвестная группа «Друзья свободы». Начались самые масштабные репрессии в истории анархистского движения Беларуси постсоветских времен. Лукашенко лично потребовал найти и наказать виновных, и белорусские менты и «органы» рванули выслуживаться.

Были подняты материалы по всем акциям в Беларуси, к которым, по мнению ментов, имели отношение анархисты. Семь уголовных дел были возбуждены и по тем событиям, которые имели место больше года назад и явно подпадали только под административный кодекс. Николай Дедок был обвинен в «хулиганстве» по уголовной статье за участие в несанкционированном антимилитаристском шествии против российско-белорусских учений. В ходе акции на территорию Генерального Штаба Вооруженных Сил была брошена дымовая шашка, которая никому не могла нанести вреда. Александр Францкевич, по версии следствия, вел видеосъемку акции около опорного пункта милиции в Солигорске. В окно пункта был брошен зажженный фаер, который также не нанес никакого ущерба зданию. Тем не менее, Александр также оказался среди обвиняемых.

Оба молодых человека были задержаны еще 3 сентября и до сих пор продолжают находиться под стражей. В ноябре был арестован анархист Максим Веткин – ему вменяют участие в нападении на посольство. За прошедшие с момента атаки три месяца десятки активистов, их друзей и знакомых были вызваны «органами» на допросы и беседы, прошли обыски. Методы общения все те же: угрозы посадить, уволить с работы, отчислить с учебы. Обещания устроить проблемы не только самим активистам, но и их родственникам. Власти Беларуси в панике от того, что перед очередными президентскими выборами им устроили такой антипиар: кто-то решился показать, что в стране есть люди, недовольные лукашенковским режимом и готовые к радикальным действиям против него. И на этот раз свалить на «проплаченную западом» демократическую оппозицию не получается. Либеральные демократы, если они в своем уме, не будут финансировать деятельность анархистов, которые в той же мере выступают против капитализма с его псевдодемократией, в какой и против авторитарного режима Луки.

Белорусские анархисты это своя, выросшая изнутри молодежная оппозиция, которая не хочет получить ничего для себя лично, и не имеет «старших товарищей» за рубежом, которые мягко подсказывают, что и как делать. Это люди, лишенные иллюзий о сытой жизни при развитом капитализме и возможности благополучного экспорта западноевропейских моделей на постсоветскую почву. За последние два года они стали самым привлекательным для молодых людей движением в Беларуси, собирали сотни участников в свою колонну на Чернобыльском шляхе и противостояли нацистам на улицах городов. Требования социального равенства, критика авторитарного режима

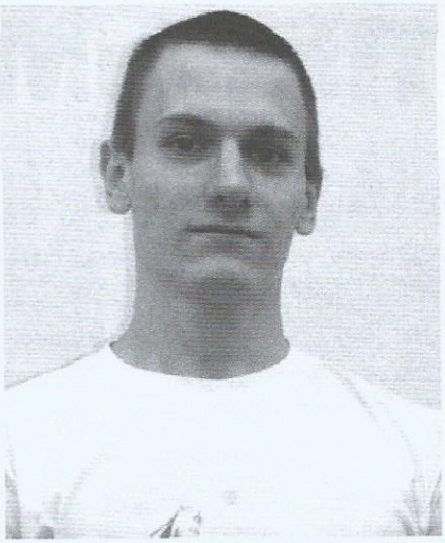


и яркий необычный стиль акций выгодно отличал их от остатков демократических организаций и пролукашенковских молодежных движений, в которые, как при совке, большинство студентов вступают принудительно.

Акция около российского посольства стала спусковым крючком для массовых репрессий. Лукашенко выставили в глупом свете: он успел прокукарекать на весь мир про российских провокаторов, а оказалось, что это доморощенные анархисты. Но теперь анархистское движение Беларуси переживает трудные времена. Анархист Сергей Слюсар был задержан на 10 суток только за то, что имеет несчастье проживать в Бобруйске недалеко от здания КГБ, которое было также атаковано неизвестными с коктейлями Молотова в октябре этого года в знак солидарности с арестованными анархистами. Это уже вторая подобная акция после ареста Дедка и Францкевича, первая — коктейли Молотова, брошенные в ворота изолятора, где содержались анархисты — имела место еще 6 сентября.

Радикальное крыло анархистского движения Беларуси многие упрекают в выборе крайних мер — именно они вроде бы причина репрессий в отношении анархистов. Но представить эффективные легальные действия в Беларуси очень сложно: рамки для активности оппозиции сужаются в стране год от года. Попытка получить согласование на пикет у инициативной группы «minsksolidarity», созданной для поддержки арестованных анархистов, так и не увенчалась успехом. Репрессии (как и любые акции анархистов) не освещаются в СМИ — кроме нескольких Интернет-изданий, которые читает совсем небольшая аудитория. У белорусских властей есть масса возможностей вывести оппозицию из политической жизни, не дать ей донести свою точку зрения до населения. Могу предположить, что репрессии против анархистов — это был только вопрос времени для Беларуси. Если бы даже движение оставалось полностью в рамках легальных действий, как только оно стало бы более массовым и заметным, нашлись бы поводы для уголовных дел против активистов. Как это было не раз с демократической оппозицией. Очевидно, что скинуть режим Лукашенко может только массовое низовое движение, до которого раньше или позже народ Беларуси дозреет. Но всегда находятся люди, которые не хотят мириться с диктатурой уже сейчас, невзирая на готовность большинства терпеливо сносить унижения. Кто может наверняка сказать, что они не правы? Что, нужно ждать и надеется, что как-то само собой все образуется? Кто может упрекнуть их в том, что они выбирают методы, которые реально опасны для власти? Ведь власти не будут репрессировать тех, кто опасности не представляет.

Белорусскому анархистскому движению сейчас больше всего



нужна солидарность — как внутренняя, так и извне, от товарищей в других странах. Даже если лукашенковский режим и не сдастся завтра же из-за критики анархистов и не освободит немедленно Дедка, Францкевича и Веткина, международная солидарность сделает заключенных сильнее — так было во все времена. Акции протеста продемонстрируют истинное лицо Лукашенко всему миру. И сделать «хорошую мину» — президента демократической страны — у Лукашенко не получится. А эта «мина» ему так нужна — для той самой интеграции в Западную Европу, которая все однозначнее становится основной повесткой дня для последнего европейского диктатора.

P.S. Последние новости читайте на belarus.indymedia.org/blog/minsksolidarity, belarus.avtonom.org

P.P.S. 28 ноября в Москве был задержан еще один минский активист - Игорь Олиневич. Он помещен в СИЗО КГБ.

На фото: Николай Дедок.

ПИСЬМО в редакцию

КАЗАКИ НЕ ПРОДАЮТСЯ

Блеск и нищета жизни в краснодарском крае

От редакции: своеобразная стилистика автора в основном сохранена, но орфографию и пунктуацию мы кое-где подправили.

Саня

Меня звать Саня. Живу я в городе Кропоткине в Краснодарском крае. Сразу о названии: конечно, офигенно, что есть города с такими названиями, в честь таких людей. Но обывателей называть кропоткинцами язык не поворачивается... Я не писатель, не журналюга, так что, опишу, как могу.

Город находится на севере края. Погодные условия отвратные: круглый год жара-дожди-грязи. Население 80 тысяч (+1-2 тысячи гостей). 4-5 районов (границы не существенны). Четыре рынка. До хрена мажоробыдло клубов, культурный уровень низок.

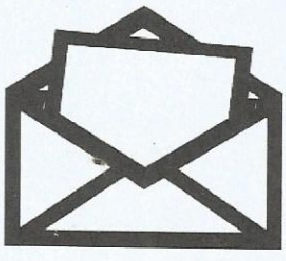
Альтернативная культура отсутствует. Господствует философия «успеха» (все, как один, рвутся к лучшей жизни, хвастаются, мажорятся). Политическая обстановка: есть отделения ЛДПР, КПРФ, ЕдРы. ЕдРосы все подмяли — все правительственные молодежные движения, всех директоров предприятий, все акции, казачество и т.д.

Минусы

- Озомбячивание, обыдлование населения. Культура попсы, мажорства.
- Отсутствие альтернативной культуры (5-6 лет назад были рокеры, неформалы, кои любили называть себя анархами, представляя, что анархия = хаос + бухло). Но все «вымерли» из-за наплыва тусовщиков, отсутствия идеологии, нападений ментов и гопарей, наплыва хип-хопа. Осталось очень мало людей, человек 15-20, все разбросаны и ничего не хотят. Я поздно пришел в тусовку и из-за отсутствия учителей-субкультурщиков (ну, как одеваться, что есть что, обычаи, традиции) решил приобщаться посредством Интернета и переписки. Впрочем, я не один.
- Гопники. Не понимаю, почему анархисты так мало говорят об этом явлении. По сути, они наш прямой враг — создание правительства, омрачение всего люмпен-пролетариата, источник власти и угнетения. В отличие от бонов, гопари унизить могут по любому признаку. Мы могли бы привлечь столько молодежи в наши ряды, сказав, что противостоим гопникам. Организованная преступность есть в нашем городе, но про нее ничего не знаю, т.к. не интересовался. Но гопники — беспредельщики и руководствуются своими правилами, только прикрываясь «воровским законом». Они всегда ходят группой, в чем вся проблема. Порой стаей из 7-8 восьмиклассников могут забить взрослого. В общем, острейшая проблема.
- Комендантский час для детей (нельзя гулять после 22-00). Сильно давит на молодежь. Стараемся привлечь стихийных анархистов, т.е. подростков, плюющих на этот закон. Казалось, должно снизить уровень преступности, но наоборот. Если группа подростков-гопарей раньше гуляла только ночью, то теперь ходит и "шмонает" днем. Взяточничество ментам выросло. А еще такие случаи: живет подросток с бабушкой вдвоем, бабушке ночью плохо стало, внук\внучка в аптеку, а тут менты и вяжут бедного с таблетками (на моем опыте три истории такие были).
- Умерщвление традиционной культуры. Ну, лично я ратую за казачество как самоорганизацию беглых крестьян, а не за православных телохранителей царя, коими выставляют их в наших школах.
- Цены как и везде ползут вверх. Когда мне было четыре года, проезд в автобусах был 1 рубль (1999 год), сейчас 9 рублей.
- Образование. ЕГЭ, взятки, оплата репетиторов (300 рублей за занятие). «Бесплатненько».
- Предприятие ЗАО «Тандер». В общем, это непостоянное место работы где-то 1/9 или даже 1/8 города. Там очень тяжелые условия труда, несправедливое распределение зарплат, на корню пресекаются любые попытки бастовать и прочее. Чуть что, прут с работы. Выглядит это как один большой склад недалеко за городом, откуда товар поступает в сеть магазинов «Магнит». Народу просто приходится мириться с работой в этом гадюшнике. Были случаи, когда ставили условия: болеешь два раза подряд — увольняют.
- Тупость власти и смирение с этим народа. Все прекрасно знают, что власть и криминал — это одно, но всем насрать. Деньги народа тратят, куда хотят. Пример: построили свето-музыкальный фонтан за бешенные деньги, а подростковая поликлиника по сути - подсобка магазина. А подростков на весь город несколько тысяч (от 14 до 17 лет).
- Наркомания, как и везде. Очень легко добыть любой яд.
- Отсутствие нормальных ВУЗов.

Плюсы

- «Стихийные» анархисты. У нас на Кубани как на другой планете. Нам всегда похрен на любые предприятия властей. Менты подкуривают подросткам, налоги не платим, работаем где хотим, ничего не знаем. Но «прогресс» все-таки сюда тоже добрался. «Стихийные» остаются только в селах: мой братец, еще не вникнув толком в нашу идеологию, уже обстреливал ментовские машины и рожи из воздушки из машины на полном ходу. Наш профсоюз,



так сказать, Точнее, объединение. Сейчас 6-7 человек в нашей группе. Организовались летом четыре человека, работавшие вместе. Решили взять курс на Анархию.

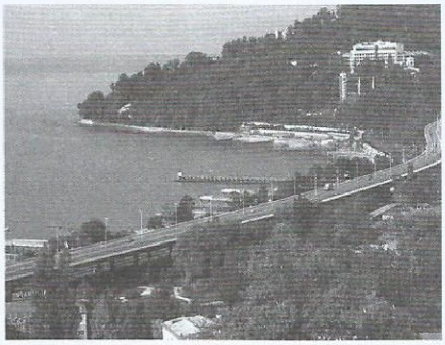
- Отсутствие национальной розни. Да-да, нету тут бонов. Много гостей с Кавказа.
- Редкие социальные-мероприятия. Коих не видел уж года три.
- Рабочая обстановка. В общем, если ты работаешь, то все нормально. Выжить можно. Работа есть.

О казачестве

Мой батя казак по роду, ну и я тоже. Без нац-предубеждений. Он состоял в казачестве в конце 1990-х — начале 2000-х. Но тогда оно было народным, т.е. казаки сами ходили в рейды, контролировали ДПСников от взяток, берегли природу Кубани, самоорганизовывались (рынок учредили для сельчан, где и я успел поработать, торгуя собственным товаром), били гопов. А потом он ушел. Стало примерно так: назначили сверху нового атамана, мента бывшего, все казакам позапрещали. Приходит мой папка к начальнику и как обычно говорит:

- Дай бумагу, чтоб пошли в рейд электроудочников (браконьеров) ловить.
- Этим теперь Рыбнадзор занимается.
- Ну, может тогда, мы с ребятами улицы осмотрим? (За это платили казакам.)
- Милиция...
- Что ж нам теперь тока плясать да петь?
- Хочешь, пой... А, и взнос заплати за месяц.
- Да пошли вы все... Казачество, блин... Народу никуя нельзя...

Так, что не надо бузеть, что казаки горазды только по демонстрантам стрелять. Настоящие казаки всегда сами по себе, автономно так сказать. И не продаются.



В ПРИНЦИПЕ...

Реплика обывателя

В принципе, мы не против Государства.

Мы только против государственных границ. Хождение по ОВИРам, бесконечные анкеты, таможни, регистрации, визы, вопросы («Какой суммой вы располагаете?» «С какой целью желаете въехать?»)...

В принципе, мы не против Государства.

Мы только не любим государственную полицию (по старинке еще называемую милицией), которая стремится нас унизить, избить, найти повод для взятки, куражиться, нахамить, напугать, разогнать. Она столь сильно подозревает нас в нелюбви к себе, что нелюбовь поневоле появляется. Она так старательно выкорчевывает с улиц и площадей инакомыслие, что как-то незаметно становишься инакомыслящим.

В принципе, мы не против Государства.

Мы всего лишь терпеть не можем государственную армию. Еще бы! Нас хватают, волокут «отдавать долг Родине», морят голодом в казармах, регулярно бьют морду, муштруют, используют как рабскую силу и посылают убивать непонятно кого непонятно зачем. Нас учат любить начальство, не размышляя, и ненавидеть каких-то людей — по ту сторону границы, называя все это патриотизмом.

В принципе, мы не против Государства.

Нам только сильно не нравятся государственные СМИ, которые держат нас за дураков, по которым Власть поет нескончаемые сладостные оды самой себе, кривляется в «Аншлагах» (за наши, между прочим, налоги).

В принципе, мы не против Государства.

Мы лишь побаиваемся ФСБ (хотя лично мы ни в чем не провинились). Но кто их там, на Лубянке, знает? Зачем они следят за нами, в чем подозревают нас, почему лезут к нам в душу — всемогущие и непредсказуемые?

В принципе, мы не против Государства.

Мы только не выносим комедию «выборов», в которой нас заставляют участвовать регулярно, отдавая свои голоса неизвестно кому. И еще нам противны жирные хари думских «избранников народа» (то есть нас?), эти три-четыре давно опостылевшие рожи на трибунах, делающие вид, что спорят друг с другом, и что им есть какое-то дело до нас.

В принципе, мы не против Государства.

Нам только невыносимо чиновничество, с его крючкотворством, взяточничеством, бюрократическим маразмом, казенной мертвечиной. Нам давно обрыдли все эти государственные реформы, спускаемые «свыше», чтобы нас ограбить и оболванить.

В принципе, мы не против Государства.

Вот только если бы его богачи, министры, олигархи не были такими вызывающе богатыми, а его бедняки (то есть все мы) не были такими нищими и бесправными! Если бы мы не стояли в пробке на обочине, когда Государственные Мужи со своими мигалками и сиренами проносятся мимо. Если бы мы жили не в таких хрущобах, а Государственные Мужи жили не в таких палатах и хоромах!

А так мы не против Государства.

В принципе, не против.

Мы даже за. Нам нравятся бравые речи о величии Державы, нравится, когда наши футболисты забивают голы, нравится, когда наши вожди с гордыми и прекрасными лицами бранят вождей иноземных. Вот только если бы убрать отдельные недостатки, подлатать отдельные дыры, изменить кое-какие нюансы...

А, в общем-то, мы вовсе не против Государства! Как же можно без него? Мы ведь не анархисты какие-нибудь.

ЧУВСТВО, ЧТО ТЫ НЕ ЗРЯ ЖИВЕШЬ

Мотивация участия молодежи в политических движениях

Арина Майхова

На «Либертарном форуме»-2010 был сделан доклад о мотивации участия молодежи в политических движениях. Публикуем краткие тезисы. Независимые политические движения в России малоизвестны и непопулярны, в том числе среди молодежи. Участие в них сопряжено с большими рисками, не приносит материальной выгоды, а приобретаемый символический капитал является таковым только в узком кругу единомышленников. Тем не менее, молодые люди приходят в них. Что же движет теми, кто решает противопоставить свой политический проект генеральной линии российской власти?

Участие молодежи в оппозиционных движениях редко обусловлено рациональными, прагматическими причинами. Напротив, ценностные и аффективные типы мотивации широко распространены. Молодые люди участвуют в протестных движениях чаще всего по причинам ценностного характера, ради общения и удовлетворения потребности в новом и интересном, приобретения новой идентичности, повышения чувства собственной значимости, «поиска себя» или обретения смысла жизни.

«Меня бесила эта гребаная власть. Бабушки замерзают, ходят подаяние просят и так далее, и так далее», «Идеи социальной справедливости мне всегда были близки», «Моя деятельность приносит душевный комфорт и ощущение того,что мои мысли не остались исключительно в моей голове, а были вынесены и услышаны, и не остались без внимания», «Что мне дает общественная активность? Чувство, что ты не зря живешь». (Из интервью с активистами).

Освоение политических идей молодежью в процессе участия в социальных движениях происходит активнее, чем взрослыми, в силу ее большей восприимчивости к новой информации, новому опыту и идеям. Трудности влияния на власть, достижения своих целей, пренебрежение властей интересами людей приводит молодежь к обобщениям, выходящим далеко за рамки узкосоциальной проблематики, к ее политизации.

Молодые активисты либеральных взглядов в большей степени рассчитывают сделать карьеру с помощью движения, чем левые активисты.

Активисты прокремлевских движений ориентированы в первую очередь на карьерные установки, выгоду, а также на получение знаний и опыта. Их также мотивирует к участию возможность расширения кругозора, повышения социального статуса, профессионального роста, приобретение связей и знакомств, помощь в обучении, получении образования.

Среди причин участия в движении можно выделить четыре наиболее часто встречающихся: недовольство определенными явлениями в обществе, личностные проблемы с мейнстрим-социализацией, расхождение в ценностях с окружением, личные социальные проблемы или проблемы семьи.

«Так получалось, что я всегда оказывался не таким, как все. Все это накапливалось, мое сознание постепенно менялось, и я пришел к выводу, что этот стиль жизни — мой. Я начал находить несостыковки в религии, начал думать про животных в цирках и зоопарках, стал размышлять над тем, что людям плевать на то, что происходит вокруг них. Меня дико бесило, что людей заставляют служить два года в армии». «Я хочу разорвать ситуацию, когда есть абсолютно бессознательная масса, которая не понимает,что в стране происходит,не побоюсь слова «быдло», я не хочу,чтобы у нас были такие люди». «В организациях тогда не состояла, но была коммунистом, была убежденным, идейным читала Ленина и Маркса, свято во все это верила. Это связано было отчасти с жилищными условиями: мы жили в старом доме, а рядом строили новые элитные. Поэтому и была коммунистом». (Из интервью с активистами).

Как правило, человек приходит в движение в результате долгого личностного развития, происходящего под влиянием родственников, учителей, друзей, книг, самиздата, общения в Интернете, творчества музыкантов, поэтов, писателей.

«Мой дедушка заложил во мне представления о политической реальности как таковой. Я тогда еще узнал, мне было шесть-семь лет, что попы обманывают народ,что капиталисты плохие.

Когда я пошел в школу, меня очень удивило, как много вокруг несправедливости. ... Я очень интересовался историей, и у меня сформировалось желание влиять на нее». «Класса с шестого играл и слушал тяжелую, правда, тогда еще неполитизированную музыку. Со временем стал слушать хардкор, читать те статьи, и пришел ко всему этому». «Какую-то роль тут сыграла пробивка Гринпис Джоанны Стингрей. Она тусовалась с питерскими рок-музыкантами, начала пробивать лейбл Гринпис в России. Благодаря ее клипам и рекламным роликам перед ними мы были в курсе этих идей,и еще до «Хранителей» я перестала есть мясо и вообще как-то задумалась об ограничении автомобильного движения в городах, например». «Начало все идет от книжек. Лет с десяти я все деньги спускал на книги. Про Вторую мировую, всякие Гитлеры,Геббельсы. И все это дело поглощал в немереных количествах». «А вообще в политику я пришел через музыку, лет в 14 я стал интересоваться панк-роком. Мне было интересно, почему они поют про анархию, ругают государство. Я начал брать какие-то книги. Помню, я сидел в читальном зале, читал Бакунина и Кропоткина — на дом их не выдавали». (Из интервьюс активистами).

Многие молодые активисты отмечают, что сначала начали интересоваться политикой, философией, альтернативной культурой, социальными проблемами, а затем стали искать ответы на актуальные вопросы и организации/движения, в которых они могли бы встретить единомышленников. Молодежь активнее взрослых участвует в социальных движениях с широкой этической основой по сравнению с движениями «одного пункта», нацеленными на защиту собственности или отстаивание экономических прав. Ей более свойственно отстаивать общественные интересы, чем собственные или узкогрупповые — это в большей степени позволяет самореализоваться, повысить свою значимость.

Движения последнего времени — против милицейского произвола, строительства мусоросжигательных заводов, в защиту животных, за спасение заповедника Утриш, «антифа» — являются преимущественно молодежными. Молодежь часто ставит более широкие, масштабные, протяженные во времени и пространстве цели, чем взрослые активисты. Молодые люди чаще проводят акции солидарности с протестами в других странах, принимают участие в международных кампаниях (например, знаменитые протесты антиглобалистов против саммитов), разрабатывают проекты глобального переустройства общества, обсуждают перспективы революции.

В политической социализации современной молодежи большую роль играет субкультура — усвоение особых культурных кодов, языка, стиля одежды, что дает возможность для идентификации со «своими», сплочения, «превращения политики в творчество», как говорят сами активисты. Мотивация участия молодого человека в движении может либо возрастать и становиться все более устойчивой по мере освоения соответствующих практик и приобретения позитивного опыта, либо снижаться, если опыт оказывается негативным, а «издержки» превышают «вознаграждения».

Среди причин участия в движении можно выделить четыре наиболее часто встречающихся: недовольство определенными явлениями в обществе, личностные проблемы с мейнстрим-социализацией, расхождение в ценностях с окружением, личные социальные проблемы или проблемы семьи.

Одновременно с социализацией в политических движениях происходит социализация молодых людей в других сферах жизни — на учебе, работе, среди аполитичных сверстников. Эта «мейнстрим-социализация» зачастую вступает в противоречие с социализацией в движении (тем более, активизм малоизвестен и малопонятен в российском обществе). Также в процессе взросления в жизни молодого человека становится все больше взрослых практик, меняется психологический фон, появляется больше ответственности перед родственниками, встает вопрос личностного развития в рамках движения. В это время усвоенные ценности и нормы могут подвергаться пересмотру. Но значительная часть активистов, отказываясь от практик участия, сохраняет прежние ценности, если они были вовлечены в деятельность по крайней мере несколько лет.

Мать ПОРЯДКА

С КЕМ ВСТРЕЧАТЬСЯ

Как идейная ангажированность влияет на отношения

Потап Отасовский

Существует точка зрения, что «любовь непредсказуема». Но, на самом деле, если ожидаешь, что с тобою все просто так случится, ты можешь быть одинокой в течение долгих лет или вообще вечно. Любовь с первого взгляда бывает не всегда, плюс к тому еще есть и вариант, что любви у тебя (больше) никогда не будет, и тогда надо уже выбрать какой вариант из всех оставшихся — наилучший. И бывает, что с людьми с которыми ты занимаешься делами, ты либо пытался наладить отношения, но они провалились, либо получил отказ сразу, либо они тебе неинтересны, либо уже заняты в моногамных отношениях.

Наивна точка зрения, что чем больше у вас общего, чем проще вам наладить отношения. Практика показывает, что это далеко всегда не так.

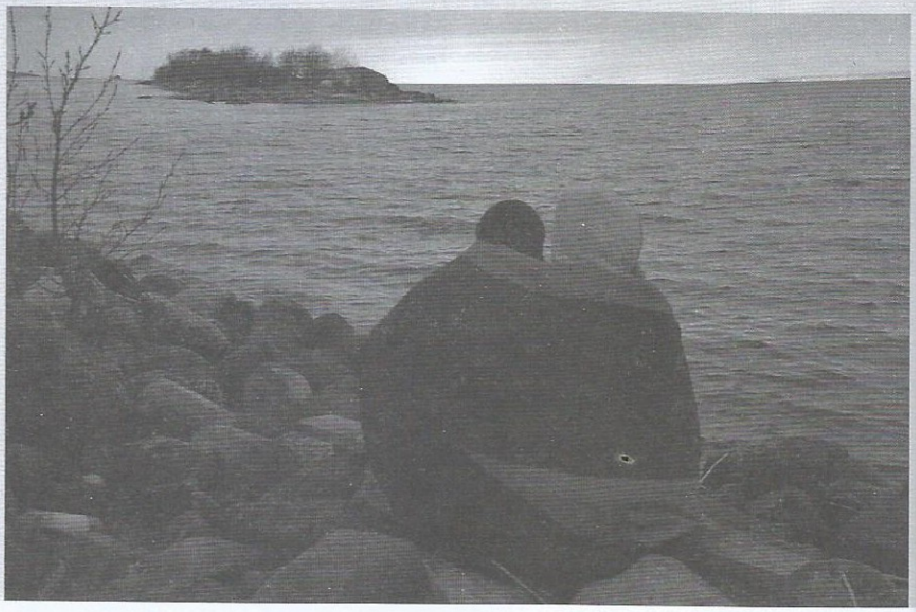
В плане мировоззрения самые острые конфликты часто случаются как раз с людьми, у которых взгляды довольно близки, но которые, тем не менее, в чем-то отличаются. Например, когда мне было 17 лет, у меня был срач с девушкой на предмет того, можно ли покупать соевое мороженое, которое продается в пластиковых коробках, которые несомненно намного менее экологичны, чем картонные. Естественно, я был идиотом, но большинство людей являются идиотами в 17 лет. Но учитывая, что со всеми активистами у тебя скорее всего есть какие-то разногласия (в плане образа жизни, мировоззрения или политических взглядов), то конфликтов на этой почве с активистами никак не будет меньше, чем с аполитами.

Наоборот, если сразу же понимаешь, что в плане образа жизни и мировоззрения вас ничего не объединяет, ты просто избегаешь эту тему, и высоки шансы, что конфликты не возникают. И мне уж точно сложнее понимать человека, который в принципе понимает, что происходит в мире, но при этом ничего не делает, чем человека, кому уж совсем пофиг. С другой стороны, срач часто лучшая возможная прелюдия, но, тем не менее, сознательно идти на это тяжело.

Конечно, вероятно, что аполиты раньше или позже начнут полоскать мозги на предмет того, что «зачем тебя очередной раз сидеть в ментовке/прятаться от судебных приставов и т.д.». Но такой срач, скорее всего, будет и с активистами, поскольку 95% активистов такими не будут спустя 10 лет — то есть, это только вопрос времени. И этот конфликт скорее всего принципиально не решаем.

И есть еще и проблема, когда люди встречаются только со своими, и когда отношения заканчиваются, совместная работа очень затруднительна — либо одной стороне (или обеим) просто тяжело друг друга видеть (тем более с новыми партнерами), либо есть какая-то подсознательная неприязнь, откуда возникают никому не нужные конфликты и срач даже много лет спустя. Эта проблема активно обсуждалась в движении за права животных в разных странах в 90-х годах, они даже придумали явление, названное «веган инцест», то есть таким же образом

Наивна точка зрения, что чем больше у вас общего, тем проще наладить отношения



можно рассуждать об «анархо-инцесте». Но, естественно, эта проблема также принципиально не решаема — если тебе кто-то из тусовки очень нравится, вряд ли ты будешь думать о возможных последствиях провала отношений. И те, кто считает, что такие проблемы — просто ерунда, просто никогда не влюблялись по-настоящему (что, конечно, может быть скорее счастье, чем несчастье).

Лично для меня это точно проблема, что с активистами никогда не избежишь одних и тех же разговоров. То есть, общение с аполитами — это просто как свежый воздух в затхлой комнате. Для подведения итогов акции существуют собрания, я не хочу этим заниматься в постели. Такого у меня, правда, никогда не было, но с разными женщинами случалось, что всю ночь проговорили о политике, а то, что на самом деле оба скорее хотели трахаться, выяснилось только позже (и к счастье реализовывалось). Это звучит смешно, но на самом деле болтать о политике — это одно, а какой-то лытдыбр — это другое, и путь от первого к постели гораздо длиннее, чем от второго. И если ты с человеком никогда не говорил ни о чем, кроме политики, то перейти грань от политики до лытдыбра сложно, если нет никакой уверенности не только в том, что у вас есть взаимный интерес к друг другу, но даже в том, что у вас вообще есть о чем поговорить кроме политики. Но это не аргумент против отношений с активистами, а просто замечание о том, что начать такие отношения не всегда просто. Но все остальные проблемы по большом счету сводят к нулю все положительное от отношений с людьми, которые по крайней мере, принципиально разделяют твое мировоззрение.

АНАРХИЗМ И СЕКС

Статья из английского журнала «Organise!» №59

Взгляды анархистов на секс могут варьироваться от общего представления о чем-то происходящем между взрослыми по их согласию, до более традиционных подходов, на которых основывается свободная любовь между личностями. Эти различные мнения, однако, несут общую идею сексуальной свободы и выступают против сексуальной эксплуатации. Эта идея может интерпретироваться достаточно широко, может быть окружена различными и, подчас, противоречивыми оценками со стороны тех или иных анархистов.

В некоторых анархистских традициях прошлого (как и в левой среде вообще) существовала значительная «пуританская» тенденция, и любая сексуальная активность считалась, по ее меркам, фривольной.

Все мы знаем историю о том, как Эмма Гольдман, танцевавшая с парнями всю ночь на анархистской встрече, была после этого отчитана за поведение, не подобающее революционерке (о ее последовавшем гневе мы тоже знаем). Мы также знаем, что некоторые группы анархистского движения времен Испанской революции обвинялись в подобном пуританстве, и представление, будто революционеры-анархисты и коммунисты должны почему-то прожить свои жизни подобно аскетическим монахам и тихим монахиням, в некоторых местах витает и по сей день.

Романы писателей-анархистов XIX столетия, таких как Октав Мирбо, были классифицированы как порнография литературным истеблишментом того времени. «Дневник горничной» изображал сексуальные привычки буржуазии таким образом, что Жан Грав прокомментировал: «Какие мерзости и моральное разложение сокрыты под миловидной наружностью нашего общества!» Честно говоря, пролетарская антигероиня романа Мирбо, Селестина, конечно, не была святой в плане половых отношений, но подчеркивание так называемой сексуальной «извращенности» и «порочности» богатых персонажей, очевидно, подразумевает, что сексуальная своенравность, в некотором роде, буржуазна. Не правда ли, это так похоже на Социалистическую Партию, которая внушала нам несколько лет назад, что гомосексуальность — не более, чем болезнь буржуазии?

Викторианские ценности

Вдобавок к этому, сохраняется влияние определенных элементов женского освободительного движения, которое привело многих феминисток и поддерживающих их мужчин к принятию «пуританских» позиций в отношении секса и сексуальности, и принятию цензуры в отношении порнографии и всех видов эротики. Несомненно, много положительного вышло из феминизма и женского движения в целом, однако важной оборотной стороной стал рост убежденности в том, что мужчины вообще по своему существу склонны к эксплуатации женщин (вероятно, это основано на том, что многие мужчины действительно ведут себя таким образом), тогда как женщины всегда рассматриваются как жертвы мужского господства и угнетения.

Для некоторых феминисток получается, что все мужчины — действительные, или, по крайней мере, потенциальные насильники женщин, в то время как женщины, с другой стороны, рассматриваются как безгрешные и почти асексуальные создания, подверженные развращению мужчинами. Женщины, ходящие на свидания, занимающиеся сексом с парнями, вступают в отношения с «врагом», являются жертвами обмана мужчин и их патриархальной системы. Этот «асексуально эксплуатируемый» взгляд на женщину имеет много общего с религиозной мифологией о «Мадонне и блуднице» и содержит намек на старые «Викторианские ценности». Прискорбно, что даже некоторые анархисты все еще цепляются за этот моральный багаж.

При капитализме все и каждый являются предметами потребления, у всех нас есть рыночная цена. И продавая свою рабочую силу в качестве работников, или покупая необходимые вещи (и некоторые вещи, которые необходимыми не являются) в качестве потребителей, все мы существуем, как неотъемлемая часть мирового капитализма.

Тогда и секс немногим отличается и является не только ходовым, но и агрессивно продающимся товаром при капитализме. Однако, когда секс покупается и продается — будь то посредством порнографии, проституции и т.п. — левые, выступающие за цензуру феминистки и некоторые анархисты склонны видеть эту торговлю как почему-то худшую, чем многие другие формы капиталистической эксплуатации.

Держа это на коленях

Как пример, недавно открытый в Ноттингеме стрип-клуб с танцами на

коленях у клиента, и быстро организованная кампания за его закрытие. Я не знаю, были ли анархисты действительно вовлечены в эту кампанию, но я знаю, что некоторые анархисты считают такую кампанию достойным делом.

Я понимаю аргументы феминисток, выступающих за цензуру. Однако, точка зрения, будто бы порнография (в этом случае, танцы на коленях) в некотором роде побуждает мужчин к совершению насилия против женщины или изнасилований, вызывает сомнения. К тому же, упрощенное представление о порнографии и индустрии секса вообще — которая понимается как место, где вовлеченные женщины являются жертвами сверхэксплуатации — кажется мне построенным на общепринятой форме консерватизма, скрытой религиозной страсти к морализаторству, основанной на мифологии СМИ, стремящихся к сенсациям. Но только кое-что из этой точки зрения основано на действительности сексуальной работы и индустрии секса, которая, поистине, крайне широка и многогранна. Да, части ее связаны с ужасающей эксплуатацией, иногда равносильной реальному (не наемному) рабству, и являются лишь средствами для коммерческих выгод, больших и малых, законных и нелегальных.

Но я бы сказал, что многие сегменты индустрии секса не более и не менее эксплуататорские, чем другие капиталистические предприятия, а другие сегменты по-прежнему почти не эксплуататорские, насколько это возможно при капитализме.

Так что чрезмерные обобщения по поводу индустрии секса ведут к очень ограниченному и наивному ее пониманию, и ничего не говорят о действительных условиях в ней.

В настоящее время я склонен думать о клубах с танцами на коленях клиентов как... Ладно, как о дерьме. Но в общественно-экономическом устройстве при капитализме,

я бы поместил их в категорию «ни больше, ни меньше» эксплуататорских отраслей системы. В клубах с танцами на коленях клиенту обычно устанавливают строгие правила безопасности, не допускают никакого физического контакта между танцовщицами и посетителями, и если вы не против того, чтобы парни смотрели на вас голой, то деньги там платят не такие уж и плохие, гораздо лучшие, чем на большинстве вакансий для рабочего класса. Также эта работа относится к тому типу, где вы можете приходить и уходить когда пожелаете, и рабочий график может быть довольно гибким.

Итак, как у анархо-коммунистов, наша позиция в отношении к стрип-клубам с танцами на коленях у клиента должна в большей степени иметь ту же основу, что и в отношении к кинематографу, или литейному производству, или к супермаркету — другими словами, это обычный бизнес. Почему люди так готовы к борьбе с этими клубами, что они хотят проводить кампанию за их закрытие больше, чем против местных швейных фабрик с потогонной системой, которые платят «нелегальным» работникам фунт пятьдесят в час за 12-часовой рабочий день? Не потому ли, что упомянутая выше женщина имеет дерзость танцевать обнаженной или полуобнаженной немного часов за приличное жалование? Или от того, что участники кампании не хотят шаловливых действий за закрытыми дверями поблизости?

И почему люди гораздо менее склонны заботиться о проведении кампаний против местных швейных фабрик с потогонной системой? Потому что там работает «просто куча иностранцев», и им нет дела до беженцев, работающих долгие часы, в ужасных условиях с недостаточными или отсутствующими предписаниями по здравоохранению и технике безопасности, и получающими жалкие деньги? Потому, что работа в швейной промышленности, по крайней мере, «честный труд», где никому не надо снимать свою одежду? Или люди просто считают нормальным наличие таких нездоровых вещей, происходящих поблизости?

Теперь, когда я говорю о тех сегментах индустрии секса, которые я называю относящимися к средним слоям, «не более, не менее» эксплуататорским (например, стриптиз-клубы с танцами на коленях у клиентов), у меня возникает неосознанное подозрение в том, что все это сводится к морали. Что действительно здесь идет речь о том, что люди используют свои тела в сексуальных действиях для получения денег. «И только очень-очень подверженный эксплуатации человек станет делать такое, не так ли? Или кто-то психологически ущербный... Подвергшийся сексуальному совращению в детстве... Беспомощная жертва обмана... Кто-то на стороне врага... Ну как может любая уважающая себя женщина позволить себе реализоваться таким способом?»

Мне жаль говорить это, но факт: некоторые из нас действительно не пошли дальше времен королевы Виктории, и секс все еще большое табу, как это всегда было. Секс на продажу, секс как предмет потребления, секс публично, секс в печати или на кинопленке, непривычный, причудливый, фетишистский, изменчивый, секс в миссионерском стиле... — на самом деле, любой вид секса вообще в общественной сфере является предметом спора.

Люди, которые выбирают для атаки местные стрип-клубы с танцами на коленях клиентов, а не местную автозаправочную станцию, поступают так по причине личной страсти к морализаторству. Секс делает это проблемой нравственности, потому что если бы мы просто говорили о простых экономических отношениях, то это было бы в самом деле банальностью, как и во всякой другой индустрии. Но мы так не делаем, не так ли? Таким образом, когда некоторые анархисты нападают на клубы с танцами на коленях или на книжные магазины для взрослых, они основывают свои действия не на классовом анализе, а на своих суждениях о том, что хорошо, а что плохо для всех нас (что на самом деле ставит под вопрос их интерпретацию анархизма). Это их сопротивление индустрии секса является личным нравственным выбором, но не имеет абсолютно ничего общего с каким-либо революционным классовым анализом или самим анархизмом.

Большая часть взрослого мира если не голодает, то по меньшей мере плохо питается или недоедает в сексуальном плане

Революционные порно-фильмы

Еще одним важным аспектом идеологии, выступающей за цензуру, является ее (возможно, намеренное) неведение того, что сексуальная откровенность

является освобождающей, и даже революционной силой. Не случайно в течение многих революционных эпизодов эротика сыграла значительную роль в народной революционной культуре. Изображения сексуальных отношений, созданные для развлечения, конечно, существуют уже тысячелетиями, но обычно они были доступны только обеспеченным, образованным и принадлежащим к высшему сословию. Но в ходе Французской революции свободное изображение секса и распространение порнографии действительно вышло на передний план. Другими словами, они стали также свободно доступны для нас, простого народа. Помню, как я читал про ранние дни Португальской революции 1974 года, когда только пала фашистская диктатура, и вся запрещенная литература вдруг оказалась в свободном доступе. Можно было найти работы Бакунина, Кропоткина, Маркса и Ленина, лежащие бок о бок с порно-журналами!

И исторически не является случайным совпадением то, что, когда реакция начинает вновь заявлять о себе, работы Бакунина и секс-журналы исчезают с открытых прилавков. Также не случайно то, что порнография и так называемый «недозволенный секс» противозаконны и строго наказуемы при некоторых наиболее репрессивных (и, между прочим, антиженских) режимах.

Но это вовсе не значит, что порнография — удивительная освобождающая вещь сама по себе. Нет. Подавляющее большинство порногафии (особенно завуалированной (soft-core) разновидности), производящееся большими корпоративными медиа-империями, совершенно отвратительно, отражает сексистские капиталистические ценности и кажется лишь направленной на привлечение наиболее сексуально репрессированных конформистов-мужчин. Если бы мы сравнивали порнографию с пищей, то это был бы бигмак.

Интересно отметить, что подобный мусор вполне свободно доступен в любом газетном киоске; он активно продвигается СМИ и рассматривается истеблишментом как допустимый, и как угодный большинству консервативных институтов. С другой стороны, неприкрытая hard-core порнография рассматривается как опасная, подрывная и обычно становится предметом работы полиции. Также не вызывает удивления то, что некоторые из более интересных, не принадлежащих к господствующей тенденции, в наименьшей степени шаблонные и сексуально разнообразные эротические материалы попадают как раз в эту рубрику.

Анархо-секс со средствами к существованию!

Порнография (хорошая и плохая), конечно, просто еще один спектакль; нечто для использования пассивным (обычно) зрителем. Однако, секс и сексуальность не пассивны, это дела, которые мы совершаем, дела, в которых мы активно участвуем. Что приводит меня к вопросу: может ли существовать такая вещь, как анархистское представление о сексе, или даже анархистская сексуальность?

Исходя из того, что определенные читатели могут не согласиться с некоторыми из замечаний, высказанных в этой статье, было бы очень соблазнительным ответить «нет».

Также некоторые товарищи могут привести довод, что все это просто отвлечение внимания от настоящей борьбы против капитализма и решения насущных классовых проблем.

Все же, я не думаю, что анархистский взгляд на секс и сексуальность является каким-то отвлечением.

Более того, я верю, что он не так далек от так называемых «насущных классовых проблем», как могут думать некоторые товарищи.

Пища, питье, крыша над головой и секс являются базовыми человеческими потребностями. Соглашусь, что нехватка секса, как правило, не убьет вас (как в случае с голодом), но сексуальный голод может серьезно испортить вас умственно. Мы должны сказать, что многие взрослые довольно регулярно занимаются сексом, и, конечно, иногда все идет очень хорошо, в то время как в других случаях это ничуть не доставляет удовольствия. Добавим к этому, что более открытая и разнообразная половая жизнь решительно подавляется не только семьей, церковью, государством, системой образования, СМИ и, конечно, капитализмом вообще, но и также некоторыми из тех, кто придерживается несомненно более прогрессивных идеологий: мятежниками, радикалами, левыми, анархистами и коммунистами.

Поэтому я предполагаю, что большая часть взрослого населения мира, если и не голодает, то по меньшей мере плохо питается или недоедает в сексуальном плане (что приводит к таким проблемам, как недостаток уверенности

в себе, депрессии и к другим душевным расстройствам, алкоголизму, наркомании, суицидам). Так что я хочу сказать, что эта ситуация стоит того, чтобы революционеры направили сюда свои силы.

Отклонение от нормы

Существует также сомнительная точка зрения, которую я упоминал ранее, что любое сексуальное своенравие (обычно, клеймящееся, как «отклонение от нормы», «развращенность», или «извращенность») является в некотором роде продуктом капитализма, буржуазной наклонностью. Если дело обстоит именно так, значит ли это, что гипотетическое анархо-коммунистическое общество будущего будет относительно «свободным от отклонений»? Я, например, искренне надеюсь, что нет. Сексуальное будущее такого рода, отчасти напоминает мне детское представление о христианском рае, где вы должны сидеть весь день на облаке, играя на арфе. И ад всегда казался мне более притягательным. Гм... Если только вы не увлеклись сексуальными фантазиями, основанными на справедливых в социальном плане и уравнительных эякуляциях и испражнениях членов рабочего собрания и местного делегата, наделенного мандатом... Или, быть может, вас привлекает «общая активность»?

Секс, конечно, зачастую может отражать общественную реальность, но он не должен этого делать и может быть совершенно не связанным с чем-либо, что мы знаем или ощущали. Как бы то ни было, давайте примем, что секс не всегда работает слишком хорошо на рациональном и философском уровне (за исключением статей, вроде этой). И люди совершают всевозможные необъяснимые, странные и идиотские поступки, когда они находятся в своем сексуальном режиме. Это может касаться таких вещей, как разыгрывание фантазий об обмене сексуальной силой, фетишизм, трансгендерное поведение и т.п. Зачастую причины того, что нам нравится делать те вещи, которые мы делаем, не могут быть в настоящее время объяснены, также мы и не обязательно хотим объяснять их (только в том случае, когда что-то, что мы находим действительно возбуждающим, внезапно оказывается обыденным). Это не означает также, что мы потворствуем нездоровым сексуальным вкусам или деяниям.

К сожалению, психиатрия традиционно предлагала лечение и сумасшедший дом для любых своевольных и «причудливых» сексуальных наклонностей людей (особенно, среди людей из рабочего класса), а буржуазное общество и его СМИ любят клеймить таких отличающихся людей, как «извращенцев».

Если бы революционные анархисты когда-либо начали осуждать кого-либо за «нетипичную» сексуальную ориентацию или предпочтения, это было бы совершенным бедствием не только для анархизма как философии, но и для нашего класса и для человечества будущего. Для меня отношение революционного анархиста к сексу и сексуальности должно включать веру в то, что сексуальная активность и отношения должны быть безопасными, свободными, многообразными и основанными на взаимном согласии; признание того, что люди могут быть гомо- би- или гетеросексуальными, варьироваться от моногамных до полиамурных, от безразличных асексуалов до необузданных полисексуалов, и от мягчайших любителей обычного совокупления до любителей жесточайших садо-мазо игр. В конечном счете, если это безопасные действия, совершаемые по взаимному согласию (какими бы причудливыми они не могли нам показаться) и все стороны, вовлеченные в них, получают удовлетворение, то в чем дело?

Будем надеяться, что анархизм подразумевает сексуальную свободу, откровенность, искренность и равноправие. И когда я говорю это, я не говорю о составлении для каждого порядка очередности, чтобы определять, чья очередь быть сверху. Искренность — это когда люди верны и толерантны в отношении к своему сексуальному самовыражению, лишены страха быть помеченными как извращенцы, люди с отклонениями или содомиты. А когда люди действительно сексуально искренни, может начать происходить какая-нибудь странная вещь. И это, в своем роде, может быть вполне революционным.

ОТМЕНИТЬ РЕСТОРАНЫ

РАДИКАЛЬНЫЙ

Критический анализ индустрии общественного питания

Если задуматься, как странно, что тысячи людей в большом современном городе должны проводить свои часы бодрствования над мытьем посуды в душных моечных норах под землей. Вопрос в том,почему такая жизнь продолжается,чьим целям она служит, и кто хочет, чтобы все это продолжалось?...
Джордж Оруэлл

Твоя спина болит, потому что ты стоишь по 6, 10 или 14 часов подряд. От тебя несет морепродуктами и стейками со специями. Ты бегал всю ночь. Тебе жарко. Твоя одежда с потом прилипает к телу. Всякие странные мысли приходят в голову.

Ты ловишь фрагменты разговоров клиентов вперемешку с разговорами сотрудников, которые постоянно прерывают друг друга: «О, разве это не здорово, что этот ресторан жертвует деньги на спасение волков! — Я не могу поверить, что она спала с ним. Что за шлюха! — Да, плотники создают нам проблемы. Они хотят получать больше денег. — А он мне говорит: «Мои устрицы невкусные», а я говорю: «А чего ты ожидал? Они же моллюски». АААААААААААА!!!!»

Ты одариваешь клиентов все той же мягкой услужливой улыбкой, поворачиваешься, задеваешь все тот же обшарпанный декор, и становишься на то же место разглядывать все тот же пол в зале. Это более чем дежавю.

Все! Последний требовательный клиент. Последний мудак-менеджер. Последний бой с сослуживцем. Последняя вонючая тарелка мидий. В последний раз ты порезался или обжегся, потому что ты на пределе. Последний раз ты клянешься себе уволиться и обнаруживаешь себя проклинающим все то же самое через две недели на том же месте.

Ресторан — это жалкое место.

Даже в самых модных ресторанах с соблазнительной расслабляющей атмосферой, о которых красочно пишут в газетах, что они используют только органические продукты питания, цельнозерновую натуральную пшеницу и веганскую еду, мы все еще видим уставших, подавленных поваров, официантов и мойщиков посуды, которые постоянно ищут что-нибудь другое.

Что такое ресторан?

Нет такой вещи как бесплатный обед. Милтон Фридман

Сегодня трудно представить себе мир без ресторанов. Условия, необходимые для существования ресторанов, имеются повсюду, и это кажется почти естественным. Нам сложно даже представить, что люди могли кормить друг друга любым другим образом (кроме походов в магазин за продуктами, конечно). Но ресторан, как изобретение современного капиталистического мира, намного обширнее, чем парламентская демократия, государство, национализм или профессиональная полиция.

Рост числа ресторанов был ростом рынка. Потребности, которые когда-то удовлетворялись либо путем отношений прямого господства (между господином и его слугами), либо частных отношений (в семье), в настоящее время реализуются на открытом рынке. То, что раньше было отношениями прямого подавления, теперь стало взаимоотношениями между покупателем и продавцом. Аналогичное расширение рынка состоялось спустя столетие с появлением фаст-фуда. В 50-е годы 20-го века роль и функции домохозяйки были подорваны продвижением женщин на рынок труда. Многие задачи, которые раньше женщины выполняли дома, теперь были переведены на рынок.

Более привычная ситуация, когда начальство реагирует на сопротивление работников и пытается создать сообщество в пределах ресторана. Они знают, что работники объединяются в неформальные рабочие группы, и вместо того, чтобы изолироваться от работников, они пытаются с ними дружественно контактировать. Это особенно распространено в маленьких ресторанах, где боссы плотно общаются с подчиненными, они рассказывают, как тяжело выжить такому маленькому независимому ресторану на рынке. Или, например, босс может быть женщиной или иностранцем — и тогда он может попробовать создать сообщество, основанное на этом признаке.

Функция таких сообществ — смягчить классовую борьбу. Идея простая — вместо того, чтобы действовать, исходя только из своих интересов, работники теперь должны принимать во внимание точку зрения босса. У нас есть проблемы, но ведь и у нашего босса есть проблемы — и мы должны найти компромисс. В отличие от чаевых, это чисто идеологический способ мотивирования работников, но, как правило, менее эффективный. Однако начальство никогда не имеет больше контроля над работниками, чем когда они думают, что работают на благое дело.

Оба эти ответа на вопрос о нашей жалкой работе в конечном итоге создают еще более отчужденную форму производства. Наша проблема гораздо глубже, чем просто вопрос управления рестораном. И мы не можем решить наши вопросы, работая с начальством.

Профсоюзы

Представители рабочего класса стали врагами рабочего класса.
Ги Дебор

Поскольку наше сопротивление ресторанам усиливается, и мы ищем способы для открытой борьбы, то нам приходится

Последний раз ты клянешься себе уволиться и через две недели обнаруживаешь себя проклинающим все то же самое на том же месте

ЛЕНТЯЙ

сталкиваться с профсоюзами. Вообще говоря, профсоюзов в ресторанах обычно нет.

В ресторанном бизнесе высокий уровень человекооборота. Люди редко работают больше нескольких месяцев. Они нанимают много молодежи, которая ищет подработку. Работа в ресторане — не самая престижная, и люди надеются найти место получше. Такая ситуация делает существование регулярного профсоюза очень сложным. Это положение дел — это результат неорганизованности отрасли. Много отраслей проходили через это, прежде чем профсоюзы укрепились.

Хотя рестораны повсюду, это не ключевой сектор экономики. Если рестораны забастуют, то «принцип домино» не сработает, как в других областях. Ведь, если забастуют водители грузовиков, то кроме их боссов потери будут нести продуктовые магазины, склады и все остальные зависимые от машин предприятия. А если забастует ресторан, единственным результатом будет то, что конкурент получит больше прибыли. Это слабость нашего положения.

Первые работники ресторанов боролись за 10-часовой рабочий день и 6-дневную рабочую неделю и против системы «вампирского найма» (чтобы устроиться на работу, приходилось платить взятку работодателю).

Работодатели сначала боролись с профсоюзами, используя штрейкбрехеров (наемных сотрудников-предателей), полицию и бандитов, которые избивали бастующих работников. Они боялись, что любое организованное представительство рабочих будет сокращать их прибыль. Но профсоюзы росли, и работодатели были вынуждены совершать с ними сделки. Работодатели использовали это в своих же интересах.

Со временем участие в профсоюзах стало легальным во многих ресторанах. Процедуры переговоров профсоюза с работодателем стали прописываться в законах. Представители работников были признаны.

Профсоюзные взносы брались непосредственно из зарплат. Это было сделано для удобства работников, но, с другой стороны, профсоюз становился менее зависим от них.

Профсоюзы развивали бюрократию и оплачиваемый штат из активистов. Оплачиваемые работники профсоюза не могли быть уволены начальством, но, в то же время, они становились менее подконтрольны простым работникам. Оплачиваемые

работники профсоюза не работают в ресторане, но в то же время у них есть интересы, отличающиеся от интересов сотрудников предприятия (а иногда находящиеся в прямом конфликте с ними).

Трудовой договор, за который так боролись, часто давал работникам предприятия реальную выгоду — более высокую зарплату и лучше условия труда — в обмен на гарантию отказа от забастовок. Начальство согласилось заплатить больше и дать некоторый контроль, а взамен получало безостановочное производство.

Профсоюзы начали исполнять роль посредника в переговорах между работодателем и сотрудниками. Они боролись за сохранение такой ситуации. Они организовывали работников для легального сопротивления начальству, ведь они нуждались во взносах. Но когда недовольство работников прорывало профсоюзную легальность, профкомычи начинали бороться с сотрудниками. Они — бюрократы, которые пытаются поддерживать себя на плаву. Работники в наше время часто хотят быть в профсоюзах, так же как хотят иметь своего адвоката, но мы не считаем профсоюзы частью себя и мы также скептически настроены к ним, как и к политиканам всех мастей.

Закат профсоюзного движения — это не разовое событие в истории. Эту динамику мы видим в профсоюзном движении от раза к разу. Снова и снова новые поколения работников создают профсоюзы. Постепенно профсоюз бюрократизируется. Затем новые радикальные лидеры заменяют старых бонз, но как только они закрепляются на их месте и оказываются в тех же ситуациях, они действуют также. Таким образом бюрократия омолаживает себя. Иногда «борьба за реформу профсоюза» подменяет борьбу с начальством. И все это время производство не останавливается, разумеется, а приносит кому-то прибыль.

Профсоюзы построены работниками, но не являются рабочими. Они представляют нас именно как работников ресторана, не больше. Они могут организовывать забастовки и даже иногда нарушать законы, но они не мыслят себя без ресторана. Иногда они помогают, но чаще всего они противостоят низовой борьбе. И в конечном итоге они встают у нас на пути.

Ресторанному профсоюзу нужен ресторан. Нам — нет.

Мир без ресторанов

Только когда повседневная классовая борьба переходит в насилие против буржуазии (избиение начальника, конфликт с ментами на пикете и т.п.) — в действие, которое требует неприкрытого выражения их творческой энергии, — работники чувствуют себя людьми. Как результат, возврат от пикетов назад к подпольному сопротивлению деморализует сотрудников больше, чем вариант, если никакой забастовки вообще не было. Броуновское движение этих наступлений и поражений может взорваться только в революции, которая позволит рабочему классу использовать свою творческую энергию не только для разрушения старых отношений производства, но и для создания новых социальных связей позитивного характера.
Риа Стоун

Условия, приводящие к интенсивной работе и интенсивной скуке в ресторане, являются теми же условиями, которые приводят к «закону и порядку» вкупе с экономическим благополучием в одних странах и к войнам, голоду и нищете в других .

Логика, исходя из которой работники должны копать яму друг другу — это та же самая логика, которая приводит к массовым депортациям «нелегалов». Мир, который нуждается в демократии, диктатуре, террористах и ментах, также нуждается в хороших ресторанах, фаст-фудах, официантах и поварах. Давление, которое мы чувствуем в повседневной жизни, — это то же самое давление, которое перерастает в кризис или экономические катастрофы. Все мы ощущаем вес денег наших боссов, желающих постоянно расширять свой бизнес.

Ресторан участвует в перемещении капиталов, а мы участвуем в процессе производства, что и делает нас ресторанными работниками. Ведь мы делаем еду и продаем ее, а вращение денег наших боссов — это не больше, чем наша деятельность, превращенная во что-то, что управляет нами. Для того чтобы сделать нашу жизнь терпимой, мы боремся против этого процесса и против боссов, которые извлекают из этого прибыль.

Импульс к борьбе против работы и менеджмента — непременно коллективный. Борясь против условий нашей жизни, мы замечаем, что другие люди делают то же самое. Чтобы добиться чего-то, мы должны бороться вместе. Мы начинаем ломать все, что нас разделяет — должности, иерархию, национализм. Поскольку то, что мы строим, опирается на доверие и солидарность, мы становимся все более смелыми и боевитыми. Все больше возможностей становятся доступными. Мы становимся более организованными, более уверенными, более подрывными и более влиятельными.

Работники, управление и рабочее самоуправление

Классовое общество имеет потрясающую упругость, большую способность справляться с "подрывной деятельностью", что позволяет ему делать иконы из бунтарей, получая энергию от тех, кто хочет разрушить это общество.
Морис Бринтон

Наша борьба против ресторана — это также борьба против способа, по которому работа строится, — разделение труда и иерархичность. На базовом уровне мы часто интересуемся работой своих коллег. В напряженные дни официантка делает простые блюда, а посудомойка интересуется разницей между сортами вин. Тот факт, что рабочий процесс столь разделен и специализирован, кажется нам странным и неестественным, и мы хотим выйти за пределы этих ограничений. При формировании любой рабочей группы внутри коллектива люди рассматривают друг друга как равных. Это подрывает разделение на квалифицированных и неквалифицированных сотрудников и общую иерархию в коллективе.

В любом ресторане у работников хватает знаний и умений, чтобы управлять рестораном самостоятельно. Мы в состоянии расположить задачи по приоритетам и координироваться для их выполнения. В небольших ресторанах боссы иногда уезжают, и мы управляем всем сами. Это означает, что наше негодование работой часто принимает форму критики того, как ресторан управляется. Мы думаем о том, что было бы по-другому, если бы мы управляли рестораном.

По этой причине часто возникают конфликты, но они также легко решаются. Часто босс просто разрешает нам самим управлять делами. Он не хочет ремонтировать посудомоечную машину или покупать достаточно продуктов, и мы будем вынуждены делать это сами. Он оставит повара с 10 заказами одновременно или официантку с 10 столами и скажет: «Вы можете решать это сами». Фактически, босс вынуждает нас заставлять самих себя работать, а не быть принуждаемыми к труду начальством. И в реальности, чтобы быть хорошим сотрудником ресторана, необходимо усвоить

ритм производства и быть способным заставить самого себя работать, чтобы этого не делало начальство. И если кто-то не справляется — мы пытаемся помогать и делать куски чужой работы. Так боссы используют солидарность с другими работниками против нас самих — как способ вынудить нас работать больше.

Некоторые служащие ресторанов создали из ряда вон выходящую идеологию, связанную с тем, как устроена их работа. Они создают коллективные рестораны, где нет босса. Управленческие решения принимают все работники вместе. В этих ресторанах работники не зависят от решений начальства. Иногда в этих кафе частично стирается разделение труда.

В то же время они забывают, что разделение труда используется потому, что помогает получать больше денег. Работники в таких коллективных ресторанах на самом деле еще не устранили боссов — они просто совместили обязанности работников и боссов. Вне зависимости от их идеалов, ресторан по-прежнему захвачен экономикой и не может существовать без получения прибыли. Работа по-прежнему монотонна и полна стрессовых ситуаций — но только теперь работники сами себе менеджеры. Это означает, что работники в самоорганизованных ресторанах вкалывают больше, а получают обычно меньше, чем в обычных ресторанах.

Обычно чем больше ресторан, тем больше разделение труда в процессе производства, и тем больше тенденция к использованию машин для замены задач, ранее выполнявшихся людьми. В очень небольшом ресторане рабочие места официанта, бармена, бассера и хостес могут объединить в одно. В очень большом ресторане задачи официанта могут быть разделены между двумя или тремя различными должностными инструкциями. Аналогичным образом, использование машин для замены человеческих задач, как правило, ограничено в маленьких ресторанах, и, как правило, выше в более крупных, с большим капиталом.

Машины используют не для того, чтобы упростить наш труд. Они используются в качестве способа увеличения количества продукта, которое можно выкачивать из конкретного работника в данный промежуток времени. Поначалу рестораны считали использование машин очень прибыльным делом, потому что они способны производить более эффективно, чем в среднем по отрасли. В то же время машины (например, производящие продукты питания или специи) не делают прибыль для ресторана — ее создают только работники. Поскольку новые машины стали широко использоваться, не использовать их становится просто неэффективно. Машины заменили собой выполнение некоторых задач, ранее предназначавшихся человеку. Они стали просто еще одним звеном в цепи задач. Нам предстоит не меньше работать. Мы просто должны делать меньший круг задач, но более часто. Наша работа становится все более специализированной и повторяющейся. И мы злимся на машины, если они не выполняют свою часть работы. Наша деятельность на работе была доведена до такого уровня механизации, что мы можем вступить в конфликт с машинами.

Как работники ресторана, мы отрезаны от остальных работников. Мы видим только торговых представителей дистрибьюторской винной компании, как они отбирают образцы вин с боссом, или человека из прачечной, как он поднимается или падает с мешками салфеток и скатертей.

Масштаб ресторана — не стратегический

В июле 1936 года в Испании рабочие вооружились и вернули себе свои рабочие места. Ресторанные работники захватили рестораны, отменили чаевые и использовали рестораны, чтобы кормить рабочих-бойцов, которые уходили воевать с фашистами. Но вооруженные работники пошли недостаточно далеко и оставили государство неповрежденным. Коммунистическая партия скоро захватила власть, а радикальных рабочих посадила или расстреляла. Через год рестораны вернулись к былому существованию, официанты начали получать чаевые, но теперь от партийных бонз.

Каждый раз, когда мы нападаем на систему, но не разрушаем ее, она видоизменяется и, в свою очередь, меняет нас и ландшафт следующей борьбы. Прибыль направляется против нас, а мы снова в той же ситуации — на работе. Боссы пытаются держать нас в рамках поиска индивидуальных решений — в рамках рабочего места или «частного предпринимательства». Но единственный путь, который может освободить нас, заключается в расширении и углублении

Мы делаем еду и продаем ее, а вращение денег наших боссов – это не больше, чем наша деятельность, превращенная во что-то, что управляет нами

нашей борьбы. Мы атакуем все более фундаментальные вещи. Желание уничтожить ресторан становится желанием уничтожить условия, приводящие к созданию ресторанов.

Наша борьба не просто за рабочий контроль на предприятии и не против резки овощей, вытирания пролитого пива или подавания пищи людям. Наша борьба — против такого пути, когда все эти действия, запертые в ресторане, отделены от всего другого, становятся частью экономики и используются для увеличения капитала. Начало и конец этого пути — общество капиталистов и людей, вынужденных работать на них. Мы хотим положить конец этому. Мы хотим разрушить процесс производства как чего-то отдельного и враждебного нам. Мы боремся за мир, где наша производительная способность удовлетворяет реальные потребности и является выражением наших жизней, а не тем, что вытягивают из нас в обмен на зарплату. Мы боремся за мир, где мы производим для обмена напрямую, а не чтобы продавать друг другу. Борьба ресторанных работников — это, в конечном счете, борьба за мир без ресторанов и работников.

Переводс prole.info. Публикуется в сокращении. Полный текст на русском на antijob.anho.org.

СКВОТТИРОВАНИЕ ОФИСА

агент CrimethInc

Как извратить саму суть работы

История о том, как один из агентов CrimethInc. отказался от своих antijob-привычек, стал белым воротничком и закончил настоящим бандитом.

Наша история начинается пару лет назад в небольшом городке, коих по планете тысячи. Благодаря обширной и, пожалуй, даже назойливой циркуляции литературы от CrimethInc., а также периодическим залпам эссе Боба Блэка, в моем родном городке образовалась небольшая, но очень активная община безработных анархистов. Тем не менее, у всех у нас были — я использую самую вежливую формулировку — проблемы.

Не опасные проблемы, вроде героина. И не проблемы со здоровьем, вроде недоедания, или ужасных болезней — у нас даже ни у кого особо страшных прыщей не было. Распространенных косметических проблем, вроде лысин, тоже не наблюдалось, хотя запах наших тел иногда создавал трудности при общении с работающим обществом. И, несмотря на утверждения «Диеты Аткина», все выглядело так, будто диета на сушках и других видах хлебобулочных изделий придавала человеку несколько худощавый, но совершенно точно не исхудавший вид. Можно сказать даже, что мы приобрели определенную бунтарскую сексуальную привлекательность, как Джеймс Дин и Бен Рейтман. Возможно, следует выпустить «Руководство доктора CrimethInc. к похуданию посредством безработной диеты» специально для наших гротескно-толстых североамериканских соотечественниц и соотечественников.

Похоже, что для недавно открывших безработицу товарищей, существенной проблемой было все то свободное время, которое вдруг образовалось. Хоть некоторые упорные люди применили свое свободное время для занятия мелким антикапиталистическим предпринимательством вроде распространения литературы и шелкографии на футболках, многие представители более молодого поколения, которые с радостью присоединились к нашей банде безработных, казалось, пребывали в уверенности, что ничего на свете лучше нету, чем потратить редкие теперь наличные на то, чтобы попытаться упиться вусмерть. Лично я, вечный трудоголик, вовсе не обладал свободным временем для такого досуга. Я был постоянно вовлечен в организацию демонстраций, подстрекательства к бунтам, обширные путешествия с целью всячески подтолкнуть мировой капитализм к пропасти.

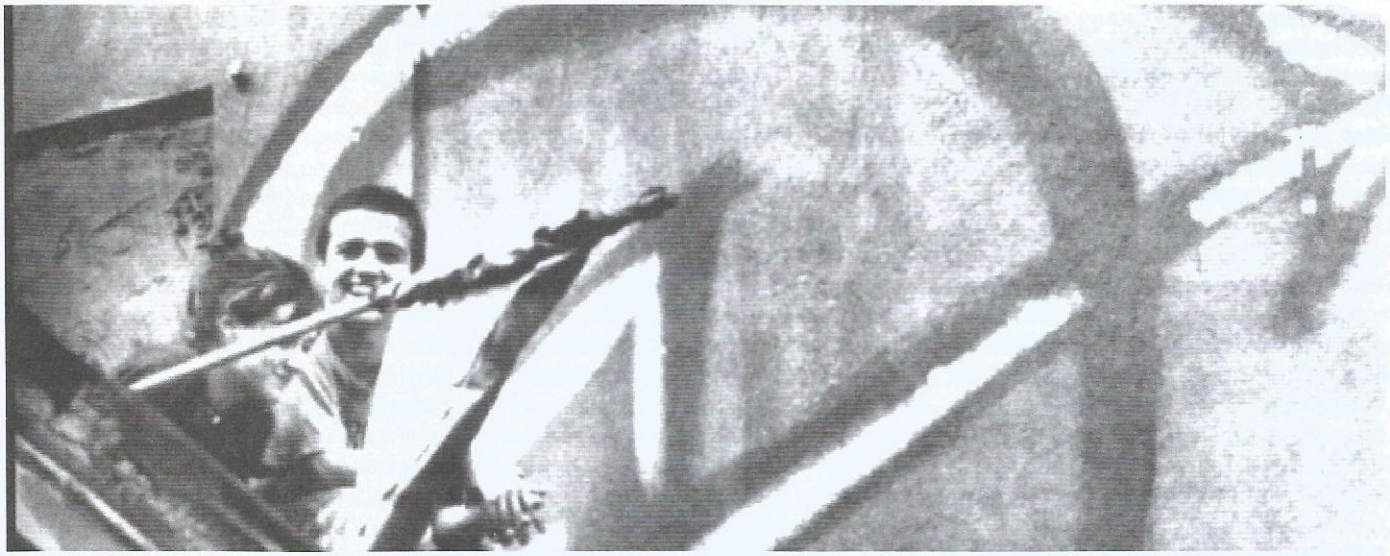
У меня не было денег, не было никакого разумного способа их заработать, за исключением разве что попрошайничества, но я был слишком горд для этого

Спустя где-то год драк с копами, многочисленных побоев, поедания сушек, катания на поездах, поедания сушек, публикаций на анархистских веб-сайтах из богом забытых библиотек, катания на поездах, драк с копами (повторять до опупения), я чертовски устал. Может, я сделан не из того теста, но когда мой товарищ по катанию на поездах заметил, что мы опасно приблизились к черте, за которой нас примут за обычных бомжей, а не за головорезов-анархистов, которыми мы были на самом деле, меня осенило: в этот момент слабости мне вдруг захотелось где-то жить. Предпочтительно на родине. Я хотел дом, комнату, где можно оставить рюкзак с жалким скарбом. Мне нужно было место, где можно было бы преклонить голову — и чтобы это не был придорожный куст. Особенно если рядом с кустами нет библиотек, анархистских инфошопов или полезных мусорок.

Этот вопрос являл собой еще одну проблему, преследовавшую безработных анархистов: где жить. Некоторые из моих безработных друзей-анархистов решили эту проблему за счет проживания со своими лучшими половинами — крайне сомнительная практика с точки зрения феминисток. В любом случае, горе мне, ибо у меня не было романтической связи в тот момент, и я считал морально недопустимым пользование чьим-либо диваном или постелью, даже если взаимно сладострастный секс входил в комплект. Человек, наиболее близко соответствовавший тому, чтобы называться подругой или другом, также был безработным и жил в достаточно ненадежных условиях на чердаке в часе езды от моего родного городка. Мои бывшие собратья и сестры по анархистскому взрослению, принимая во внимание мое таинственное исчезновение и потрепанный вид по возвращении, должно быть, решили, что я сбежал из психушки и с трудом шли со мной на какой-либо социальный контакт, не говоря уже о контакте сексуальном.

Мне негде было жить, последнее мое пристанище — мою собственную старую машину — недавно похитили, дом группы анархистов, в котором я жил до недавнего времени, снесли бульдозером за неуплату арендной платы, и я не знал, что предпринять. Некоторые из моих старых знакомых организовывались для покупки общественного дома мечты, где каждый должен был бы платить по несколько сот долларов ренты — много больше, чем я мог себе позволить. Я испытывал отчаяние и апатию более сильные, чем когда-либо до этого. У меня не было денег, не было никакого разумного способа их заработать, за исключением разве что попрошайничества, но я был слишком горд для этого.

К счастью, знакомый крастер-путешественник предложил мне попытать счастья на крыше местного ресторана Хардис,



жуткой фаст-фуд обжираловки всего лишь в паре кварталов от моего последнего прибежища. Я взобрался по лестнице на крышу и немедленно развернул работы по обустройству. Несколько дней я жил в покое, подобно Горбуну Хардис. Тем не менее, утренний свет будил меня слишком рано, температуру по утрам мне было очень тяжело переносить, а сотрудники Хардис вскоре начали что-то подозревать по причине постоянного грохота на крыше и того, что я все время использовал их туалет в качестве душевой. Что мне было делать? Мне была нужна хотя бы крыша над головой, лучше всего со стабильным доступом к туалету и душу. Но как? Никаких брошенных домов в окрестностях не наблюдалось — сквотировать нечего. Денег на аренду жилья не было. Толерантность местных жителей к бродягам-спящим-на-скамейках достигла критически низкой отметки по причине взрыва добровольной безработицы в городе.

Потом меня будто громом поразило: в голову пришла мысль, как мне обустроиться. Я отважно отправлюсь туда, куда еще не осмеливался пойти ни один агент CrimethInc., по крайней мере, не осмеливался с тех пор, как мы все отправились на наши экзотические поиски лучшей доли. Я пойду работать. На первый взгляд это означало Продаться, по крайней мере менее творческие личности так бы и подумали. К счастью, в моем плане был предусмотрен неожиданный ход: я засквотирую офис. Казалось, ангелы запели в небесах, когда я подумал об этом.

Я не был особенно искушен в переговорах с агентствами по трудоустройству, поэтому решил попытаться вернуться на свое прежнее место из эпохи «до бродяжничеств» в качестве программиста лаборатории, проводившей эксперименты. Нет, не эксперименты над животными. Эксперименты над людьми. Вроде пыток всякими звуками, чтения при ярком разноцветном освещении и тому подобное. Поди разберись, зачем. Наверное, на благо науки. Для человека с более бедным воображением, это показалось бы ужасной работой, подразумевающей утомительное безыскусное программирование за минимальную зарплату. Тем не менее, с этим рабочим местом в комплекте шла куча преимуществ.

Прежде всего, не было никаких четко оговоренных рабочих часов: я мог работать — или не работать — когда хотел, то есть у меня всегда было свободное время для организации демонстраций, посещения панк-концертов, даже на таинственные исчезновения периодами по несколько недель у меня хватало времени. Во-вторых, мой босс, высокообразованный бывший профессор Гарварда, не имел ни малейшего представления о том, что такое компьютерное программирование, поэтому не мог по достоинству оценить масштабов моей трудовой деятельности. В-третьих, у меня был мой собственный компьютер и доступ к принтеру. В-четвертых, вся комната отошла практически в мое единоличное пользование, с прилегающими туалетом, крышей и даже доступом в спортзал с душевой.

Проблема решена. Только подумать: при нулевых затратах да еще с чеком на неплохую сумму, я смогу финансировать полномасштабное анархистское сопротивление власти транснационального капитала, в то же время имея место, где жить. На мгновение, я едва не усомнился в мудрости пропаганды CrimethInc. и даже во всемогущем и всевидящем Бобе Блэке. Может быть, они все поняли не так? Может ничего плохого в работе и деньгах нет? Да, трудовое рабство и потребление — вот куда ведет нас капиталистическая махина. Но получать зарплату за минимум работы или ее отсутствие, в то же время наслаждаясь роскошью офиса с кондиционерами, — значило паразитировать на системе. Высасывать из нее жизненные соки. В своем безделии я причинял больше ущерба в виде нецелевой траты средств, злоупотребления системой здравоохранения, и тому подобного, чем большая часть всех Черных Блоков! Я мог потратить деньги на закупку оружия, чтобы начать мои сумасшедшие анархистские тренировки по выживанию, или оплачивать дорогие обеды в ресторане средиземноморской кухни, если вдруг стану мягкотелым.

Так начался мой личный захват офиса. Прежде всего, я отправился в дом своего друга. Помылся, побрился и даже на мгновение задумался о том, чтобы причесаться. Отправил вежливое письмо моему боссу, в котором сообщил, что провел прекрасный год, работая на вымышленного

работодателя, как вдруг, вернувшись из вымышленного отпуска в Европе, узнал, что уволен с вымышленной работы. Не соблаговолит ли он, памятуя о плодотворном периоде моей работы в его лаборатории, учесть мое нынешнее трудное положение и принять назад блудного сына? Мой босс ответил предложением встретиться на следующий день. Я снова оказался в его кабинете. После краткой беседы о прелестях оперы и всех тех прекрасных вещах, которые я сделаю для него, как только буду снова работать в лаборатории, я был нанят. Что еще более важно, у меня оказались копии ключей от офиса. Верблюд просунул морду в палатку, и тело двинулось следом.

На исходе первого рабочего дня я осмотрел офис на предмет спальных мест. В коридоре стоял достаточно удобный диван, но расположен он был на видном месте — сомнительно с точки зрения полноценного восьмичасового сна. В офисе было предостаточно свободного пространства для моего спальника, и, хоть кафельный пол по ночам становился неприветливо холодным, я готов был с этим мириться. Я решил попробовать одну ночку. Глубоко заполночь дверь со скрипом отворилась. В ужасе, я выскочил из спальника — к счастью, я спал в одежде — и запихал мешок под стол. По неведомым причинам (наверное, это божественное провидение), уборщица меня полностью проигнорировала. Молчаливая соучастница? Или гонять бродяг из офиса в ее обязанности не входило? На самом деле, уборщицы были очень крутыми. Они появлялись в четыре или пять утра и начинали уборку. С учетом расистского и сексистского характера индустрии белых воротничков, хотя все сотрудники лаборатории и начальство были без исключения белыми англо-саксонскими мужчинами, все уборщицы без исключения оказались черными женщинами за сорок.

И хотя мой босс, как и любой другой выдающийся гражданин маленького либерального городка, в котором происходит наша история, любил восхвалять себя за свои просвещенные, общелевые политические взгляды, он и ему подобные оставались слепы в отношении того факта, что рабоподобная рабочая сила, состоящая поголовно из афроамериканцев, вынуждена вставать ни свет, ни заря только ради того, чтобы подмести за ними полы и вынести их мусор. Другими словами, сделать за них то, что любой уважающий себя человек способен сделать самостоятельно. Со своей стороны уборщицы наслаждались тем, что никакого надсмотра за ними не осуществляется, и устанавливали на время своей работы звуковую систему (да, это был Jukebox, но переделанный!), которая в предрассветные часы заставляла пустое офисное здание содрагаться от стильных звуков музыки соул. И хотя мне следует признаться, что я настолько белый, насколько может быть белым белый юноша (несмотря на искреннюю приверженность анархистским девизам вроде «долой сегрегацию общин по цвету кожи» и посещение пары антирасистских тренингов), скоро соул меня серьезно увлек. Уборщицы эпизодически подпевали и подвывали — и ничто не поднимало мне настроение так, как вид живых людей, наслаждающихся собой в бездушном офисном здании. Я никогда не слышал, чтобы мой босс подвывал или пел под музыку во время рабочего дня. Безусловно, вой и песни оказались бы замеченными и осужденными хозяевами дискурса в наши дни.

В масштабах офисных помещений маленькие расстояния могут казаться очень большими, и дальняя часть комнаты представлялась этакой неизведанной землей, куда не ступала нога человека

Между мной и Душеочистительным Персоналом Лаборатории вскоре завязались определенного рода дружеские отношения. Сижу я в лаборатории за компьютером, размышляя, где бы кинуть кости или сочиняя очередной пылкий анархический манифест, — тут входит одна из уборщиц, чтобы собрать мусор, проплывает по комнате, я бормочу что-то вроде «еще одна долгая ночь на работе...», и мы заговорщицки подмигиваем друг другу. Может быть, подмигивание мне и померещилось, но в любом случае, они никому на меня не доносили. Со своей стороны, я старался содержать свое офисное пространство максимально чистым и выносил мусор самостоятельно. Во время наших встреч в коридорах, мы говорили о нашей любви к соулу, о том, как мир на всех парах несется к апокалипсису благодаря усилиям таких ублюдков, как мой босс и других белых мужиков в костюмах.

Ситуация со спальным местом казалась немногим лучше, чем на крыше, пока я не заметил две маленькие дверки в дальнем конце офиса. В масштабах офисных помещений, маленькие расстояния могут казаться очень большими, и дальняя часть комнаты представлялась этакой неизведанной землей, населенной дверьми, куда не ступала нога человека. К несчастью, первая из дверей оказалась запертой. За второй оказался чулан, наполненный странными, давно забытыми компьютерами и руководствами по их эксплуатации, — все эти вещи застали Рейгана во главе США. Последняя дверь открывалась в практически пустой чулан, за исключением чуднОго стола и книжной полки. Сердце учащенно забилось от радости, и глаза наполнились слезами. Я обрел свой дом. Более того, я мог запирать дверь этого чулана как снаружи, так и изнутри при помощи того же ключа, которым открывал основную дверь в компьютерную лабораторию — тем самым ключом, который мой босс так по-глупому мне передал. В ту же ночь я загрузил все анархические книги, которые хранил у своего друга с прошлого года, в коробку, остальной скарб побросал в рюкзак и расстелил спальник в чулане. Теперь я мог спать столько, сколько захочу, в полной безопасности. По пробуждении, я мог прислушаться к звукам в лаборатории (на случай, если мои редко появлявшиеся коллеги оказывались-таки в лаборатории в этот момент), и не выходить до момента, пока товарищи по работе не покинут здание. В противном

случае, я бы появился из чулана подобно привидению и вызвал бы у кого-нибудь сердечный приступ, ну или, в крайнем случае, навлек бы на себя определенные подозрения.

Проблема еды была очень легко решена — заведение предоставляло сотрудникам холодильник и микроволновку. Я прятал сушки и прочие сухари в чулане, используя холодильник только для скоропортящихся продуктов. И хотя другие сотрудники трепетно наклеивали ярлычки с именами на свои продукты, я решил оставить весь свой провиант анонимным без всяких ярлычков — с учетом изобилия продовольственных запасов и уровня потребления это казалось мне достаточно безопасным. Насыщая сушки водой с помощью СВЧ, попивая апельсиновый сок... Я чувствовал себя этаким героем текста Торо для белых воротничков о выживании в офисных условиях.

Что до работы, то мой босс был уверен, что я являюсь самым трудолюбивым сотрудником, которого он когда-либо видел, несмотря на мою крайне низкую продуктивность. Я стонал и ныл по поводу даже самых элементарных задач программирования: «Ох, как же много времени это займет!» Я жаловался, стратегически переоценивая время по крайней мере в десять раз. Позже я, конечно, удивлял начальство необычайной производительностью, когда выполнял задачу «досрочно». При таком подходе, задачи на один день магическим образом растягивались на неделю, и, поскольку я регулярно переоценивал собственную загруженность по крайней мере на пару недель, я всегда перевыполнял собственный план! В виду того, что моему боссу недоставало других программистов (по крайней мере, компетентных программистов — парочка людей на полставки иногда показывалась в офисе, но я был единственным гордым обладателем полной ставки), он вскоре оказался на крючке. Я был крайне осторожен в том, чтобы не документировать свой код и он полностью зависел от моих профессиональных навыков, абсолютно полагаясь на меня в том, чтобы это приложение или та программка заработали.

Я преобразовался из бездомного бродяги в незаменимого помощника — и существенно обогатился в процессе. Тем не менее, почасовая оплата меня немного раздражала — я жаждал превратиться в сотрудника с фиксированной заработной платой... Ну или хотя бы чтоб мне платили в два раза больше за каждый час. Я начал заполнять свой табель учета рабочего времени 40-часовыми рабочими неделями, потом перешел на 50-часовые. Мой босс никогда не просматривал эти табели — оказалось, он готов был подписывать все, что угодно. После определенного рубежа в моей карьере, я смог разводить его на подписание пустых табелей! Я не был каким-то обычным офисным работником, я был настоящим гангстером. Да и мог ли мой босс жаловаться? Я был первым, кто появлялся в офисе утром и последним, кого он видел, когда уходил домой к своей жене и детям в конце рабочего дня.

Когда ситуация на трудовом фронте оказалась под моим контролем, я начал приглашать некоторых избранных друзей приобщиться к моим ресурсам. Один из моих друзей — мужчина с неухоженной бородой, сильно смахивающий на Теда Качински, отчаянно нуждался в компьютере, на котором можно было бы набрать его последний манифест о безумии индустриальной цивилизации. Будучи бродягой, своего компьютера он не имел, поэтому его постоянно выгоняли из якобы общественных библиотек. Будучи соавтором манифеста, я ощущал необходимость помочь, поэтому стал впускать его в офис с наступлением темноты. Обычно после девяти, когда даже самые трудолюбивые из моих коллег покидали здание. Овладев бесплатным высокоскоростным интернетом, текстовыми редакторами, неограниченными печатными и офисными ресурсами, мы проводили ночь за ночью в маниакальном наборе текста, поисках синонимов и антонимов, идеальных форм выражения нашего совершенного презрения и отвращения к существующей геополитической ситуации. С рассветом, мы исчезали в моем тайном чулане, подобно вампирам. Дверь запиралась изнутри и мы демонически смеялись над сложившейся странной ситуацией.

Манифест приближался к финальной стадии, когда одним утром я решил уйти на покой чуть раньше обычного, а мой стойкий товарищ продолжал работу по расстановке всех точек над i в нашем последнем шедевре публицистики. В приступе творческого безумия, мой приятель настолько погрузился в задачу, что снял с себя рубашку и буквально исходил потом над каждой риторической проблемой, которая вставала на его пути. Можно только догадываться о том эффекте, который оказало зрелище бородатого, немытого полуголого безумца, сгорбившегося над клавиатурой в окружении колонн тезаурусов и словарей, на офисного деспота средней руки. Можно только догадываться о том, что пронеслось в голове моего босса, когда он открыл дверь лаборатории и увидел явно сумасшедшего незнакомца, барабанящего по клавиатуре его компьютеров. Потрясенный увиденным, мой босс просто спросил: «Кто вы?» Бормоча в бороду какие-то нечленораздельные звуки, мой товарищ сохранил плоды своих трудов, собрал книги, махнул рукой моему начальству и скрылся по коридорам в направлении выхода. Как это ни странно, когда я проснулся и выбрался из чулана ближе к полудню, мой босс ни словом не обмолвился о происшедшем. Когда мой собрат по заговору рассказал мне о случившемся, я не мог сдержать хохота. Тем не менее, я чувствовал, что едва избежал разоблачения.

Но не мог же я позволить этому единичному случаю изменить мое доброе отношение к людям? Пару недель спустя, краст-панк, рассказавший мне о крыше Хардис, остановился в городе. Будучи добрым самаритянином, я посвятил его в свою аферу с офисным жилым пространством. Он оказался потрясен и, честно говоря, испытал даже что-то вроде ревности. В конце-концов, у меня же был дом с постоянным интернет-радио, доступом к прожигу дисков, высокоскоростным интернетом, и кондиционером без какого-либо надзора. Да еще мне же и платили впридачу.

События приняли необычный поворот, когда он попросил меня помочь ему устроиться на работу в эту же лабораторию. Я спросил своего босса об этой возможности во время одной из наших встреч (мы виделись два раза в неделю), и босс упомянул о паре веб-страничек, которые необходимо было сделать. Я сознался, что являюсь старомодным программистом персональных компьютеров, а не веб-мастером, но, к счастью, мой друг был экспертом в этом деле и он сделает все, что надо. В восторге от перспектив, босс назначил встречу моему другу-крастеру. Немного приведя себя в порядок, мой друг оказался способен произвести впечатление на босса в качестве компетентного веб-дизайнера, и был нанят на пол-ставки для разработки веб-страниц. Теперь у меня не только был чулан, в котором жить, но и сосед по комнате. Позже тем же вечером он переехал: привез спальник и рюкзак. Мы чудесно проводили время за совместным программированием, наслаждались безумными металл-группами по интернет-радио, делали так мало работы за максимальные деньги, как было возможно. Веб-страница никогда не получалась такой, какой было нужно, компьютерные программы всегда имели 1-2 бага («это не баг! это фича!»), а деньги продолжали течь рекой. Что можно сказать? Мы заняли комфортную нишу паразитов в капиталистической системе: силиконовые клещи современности на загривке зверя.

Не собирающиеся останавливаться на том, что добились привилегий для себя, мы занялись распространением этих благ вовне. С уходом последнего сотрудника, офисное пространство превращалось в оплот анархии. К 5 вечера в дверь уже стучались дредастые и хайерастые панки. Все хотели зависнуть с нами и полазать по сети. Вскоре, по мере распространения информации об автономном офисном пространстве, в нашем ночном офисе стало регулярно ошиваться с полдюжины посетителей. Большинство просто приходило потусить. Погруженный в эйфорию «максимум бабла за минимум работы», надежно укрытый в своем чулане, я чувствовал себя неуязвимым. Тем не менее, с течением времени даже я стал напрягаться.

Панки приходили слишком рано, иногда даже до 5 вечера, и мне приходилось прогонять их до более позднего срока. Поскольку офис обычно закрывался в 5, они часто подолгу стучали в двери и иногда их замечали другие сотрудники, которые только уходили в это время. Но когда толпа врывалась внутрь, ничто уже не могло их остановить: офис превращался в гигантскую анархо-панк вечеринку с блеянием метал-групп из маленьких компьютерных динамиков и всеобщим расслабоном на вертящихся стульях. Каждый считал своим долгом укататься на них до тошноты.

Среднестатистический анархо-панк всегда непрочь перекусить. Особенно он(а) не прочь перекусить, если это чужая еда. В один трагический день, я печатал одно из своих последних произведений, когда мой молодой друг в футболке Dystopia и с пирсингом в губе ворвался в лабораторию с вопросом: «А есть чо похавать?» Я ответил, что могу отдать ему хлеб и еще что-то наверняка есть в холодильнике. Он ускакал в сопровождении двух других моих приятелей и моего краст-панк коллеги. Вдруг я услышал крики со стороны холодильника. Раздраженный тем, что мое творческое уединение прервали, я встал, намереваясь добраться до двери и выглянуть в коридор. Прежде, чем я успел дойти до двери, мой полный приятель-крастер нырнул в комнату. На лице его застыла ухмылка. «Мужик, похоже мы его разозлили». Меня как громом поразило. Кого разозлили? Что, черт возьми, случилось! Мой коллега взглянул на меня со страхом в глазах, но попытался выдавить юморную улыбочку. «Чувак, это ж была просто горчица».

Я захлопнул дверь и попросил своих молодых протеже посидеть смирно хотя бы несколько минут и рассказать мне, что произошло. Казалось, все они избегают моих вопросов. Наконец, один из них сознался в преступлении. «Эээ, ну да, я типа искал, чем твой хлеб намазать, и, короче, беру я эту горчицу. И на горчице наклейка с этим именем. И входит этот чувак, злится, говорит, что это его горчица, спрашивает, кто я такой, черт возьми, как я оказался в здании... Я типа, «Я друг (тут настоящее имя автора)». А потом... Не знаю, я просто поставил горчицу на место...» Проклятие. Я чувствовал, как мой карточный домик рушится, все из-за ненужного употребления горчицы без должного соблюдения правил активистской безопасности.

Я был и в ярости, и в отчаянии одновременно. Владелец горчицы, человек средних лет, за тридцать, без каких-либо реальных перспектив карьерного роста, конечно же, испытает иррациональное расстройство в связи с похищением горчицы. Случаи, подобные этому, разрушают хрупкий мирок белого воротничка. У него в активе было мое имя, и он наверняка узнает, кто я такой и доложит обо мне начальству. В конце-концов, только сотрудникам позволялось находиться в здании. Мой босс может решить проинспектировать лабораторию... Он даже может обнаружить мой незаконный офисный сквот! Голова кружилась от катастрофических последствий этого случая. Что же делать? Я схватил анархо-панков за шкирку и вытолкал их из офиса. Попытался привести лабораторию и чулан в порядок. Потом бежал на ближайшую кушетку, где и остался на ночь размышлять о своей судьбе. Мы зашли слишком далеко. И действительно, на следующее утро я получил e-mail от своего босса с требованием явиться.

В страхе за свою жизнь, я ответил, что плохо себя чувствую и с радостью встречусь завтра. В течение всего дня я эвакуировал наиболее ценные из своих вещей из лаборатории, одновременно ломая голову над тем, как я буду объяснять события прошлой ночи. Никаких быстрых и простых оправданий не придумалось, не говоря уже о сколько-нибудь правдоподобных. В отчаянии, утром следующего дня я побрел на встречу с начальством. Он взглянул на меня суровым взглядом египетского фараона. «Тебе известно о том, что случилось вчерашней ночью?» Я кивнул головой и решил сразу пресечь дальнейшие упреки. «Этого больше не повторится. Я

всего лишь пригласил в гости двух молодых друзей и они допустили ошибку. Не беспокойтесь, этого больше не повторится». Я повторял это, подобно мантре, в надежде спастись от неизбежного. К моему удивлению, сердце фараона смягчилось. Он посмотрел на меня и спросил на своем тихом идеально новоанглийском акценте: «У тебя все в порядке? Какие-то личные проблемы?» Ну, можно, конечно, и так сформулировать. Личные проблемы. Можно было бы сказать, что я — сумасшедший революционер-антикапиталист, искажающий сам смысл работы по найму с целью захватить жизненное пространство и заработать деньжат на тот день, когда я отрежу голову своему боссу. Но, безусловно, «личные проблемы» — более вежливая формулировка.

Мы заняли комфортную нишу паразитов в капиталистической системе: силиконовые клещи на загривке зверя

«Ну, вы знаете, у меня сейчас очень тяжелый период. После того, что случилось 11 сентября, после обрушения рынка ценных бумаг, все только дорожает, а средства моей семьи и мои собственные были вложены в акции цифровых компаний...» Я прервался и с отчаянием взглянул на начальство. Оно все еще смотрело на меня с некоторым беспокойством. «Ты знаешь, я не буду терпеть случаи, подобные вчерашним. Мне очень жаль тебя и твою семью, и, конечно, если необходимо, ты можешь работать сверхурочно. А теперь иди — отдохни». С этими словами меня сняли с крючка.

Для офисного сквота настали тяжелые времена. Друзей официально поставили вне закона. Коллега-крастер вскоре допустил фатальную ошибку. Как-то утром он выбрался из чулана без того, чтобы прислушаться к каким-либо звукам в лаборатории. Выбрался прямо пред светлые очи еще одного коллеги, который пришел на работу рано утром. Решив, что его наверняка сдали, он даже не удосужился встретиться с боссом, а просто прекратил все работы над веб-страницей-которой-не-суждено-быть-законченной. Он таинственно исчез из лаборатории, предоставив мне возможность заканчивать веб-страницу и оставив нашего босса в крайнем недоумении. Я все еще спал в чулане, о моем существовании никто не догадывался, но я уже не чувствовал себя так, как прежде. Не чувствовал себя, как дома. В былые времена, хоть это был офис, я все же воспринимал лабораторию как свой офис, мое личное владение, где я был сюзереном. Теперь я был под осадой темных сил презентабельности, а союзники покинули меня. Подозрительные коллеги следили за каждым моим шагом. Чулан я держал запертым. На запасы провианта пришлось наклеить ярлычки с именем. Даже табели о рабочем времени, в прошлом — монументальные памятники силе воображения, пришлось привести в большее соответствие с реальностью, чтобы мое вранье не было столь очевидным. Офис превратился в холодное и неприятное ярко-освещенное место, в котором недоставало человеческого тепла. Ветер подул в другом направлении. Поскольку я уже не мог более должным образом надругаться над офисом, необходимо было сменить обстановку. Я перевез все пожитки в чулан друга-симпатизанта. Настоящий офисный сквоттер всегда должен знать, когда надо остановиться и с триумфом отправиться к новым горизонтам бесплатного кофе и ночной принтерной печати.

Я с радостью отправил своему боссу электронное письмо, в котором сообщал, что «с наилучшими пожеланиями и искренним сожалением» я намеревался отправиться на поиски «больших возможностей». Он и я встретились еще один раз. Казалось, он даже был расстроен моим уходом, и предложил написать мне рекомендательное письмо, которое должно мне помочь при устройстве на работу. Со слезами, стекавшими по щекам, я покинул его офис. Ключ от лаборатории все еще висел у меня на цепочке. Никогда не отдавайте ключи от офиса. Всегда храните их — никогда не знаешь, когда придется снова въезжать.

Пару месяцев спустя, я был гордым обладателем должности веб-мастера и преподавателя курсов компьютерной грамотности — и, что более важно, хранителем тайного кода доступа, который позволял мне ночами на пролет наслаждаться офисным пространством прямо в центре города. И хотя чулан не мог похвастаться таким комфортом, как чулан в лаборатории по экспериментам над людьми, мое новое рабочее место компенсировало этот недостаток чудесным высокотехнологичным кофейным аппаратом.

Однажды ночью я просочился в офис с другим агентом CrimethInc., и мы занялись поглощением нескончаемого кофе. Все нормальные люди покинули офис в 7 вечера, поэтому все пространство принадлежало нам двоим: мы были современными гремлинами и феями, захватывающими средства производства, пока наши враги спят. В одной комнате, косматый, немытый, сорвавший рубашку товарищ, уже упоминавшийся ранее, завершал редактирование нашего нового произведения, «Охотник/собиратель». Он снова потел: перед ним стояла новая литературная задача. В своем личном кабинете я, потягивая кофе, начал невинно набирать мои заметки к новому номеру журнала «Внутренний Фронт». Дредастый друг распростерся в кресле самого Большого Босса. Иногда он вставал и начинал ходить взад-вперед и читать вслух отрывки того, что вскоре стало «В борьбе за наши жизни».

Утром, как по волшебству, анархисты исчезли из офиса, не оставив и следа. Но не думайте, что, если вы нас не видите, нас нет! Оставьте нам соевое молоко и веганские печеньки, дорогие офисные деспоты, если не хотите оскорбить духов. Помните, мы повсюду, плетем коварные интриги, пока вы спите.

В настоящее время автор часть времени проводит на платформе в лесу, а часть — в очаровательном офисном чулане на другом конце океана. Сквотируй мир, еби закон!

РАБОЧИЕ И БОРЬБА

Роль левых в идеологической эволюции «свободных» профсоюзов

Раш

В 1990-е годы в России сформировалось множество «свободных» профсоюзов. Так как заниматься рабочей борьбой — значило быть в оппозиции к ВЦСПС и, позже, к его наследнику ФНПР, эти профсоюзы вынуждены были быть антикоммунистическими, либеральными либо аполитичными. Левые или анархо-синдикалисты были среди них редкостью.

В Питере — это докеры, летчики, бортпроводники, работники Водоканала, железнодорожники (РПЛБЖ), моряки портофлота, химики, теплоэнергетики и другие, а также профсоюз «Независимость», давший впоследствии множество профсоюзных и социальных активистов.

Примерно с 2000-го года эти профсоюзы стали активно давить. В начале 2000-х в России произошло много событий, предопределивших путь ее развития на ближайшее время. Лихие 90-е ушли в прошлое и для кого-то навсегда остались кошмарным сном, а для кого-то поводом взгрустнуть о былых временах за кружкой горячительного с братвой. «Оголтелая» приватизация вкупе с почти полным безразличием власти сменилась хитрой «стабильностью», не мешающей неолиберальным реформам, и постепенным укреплением вертикали власти. На этом фоне не могло остаться незамеченным зарождающееся альтернативное профсоюзное движение, не согласное с уже устоявшейся традицией официальных профсоюзов не вникать в разногласия между работником и работодателем. На предприятиях появились люди, готовые бороться за свои права, они-то и создали боевые первички, составившие костяк будущего движения. Естественно, этот процесс не мог быть незамеченным старой, еще советской, гвардией профактивистов и различными группами левых, сразу попытавшимися начать работу с «наиболее сознательной» частью рабочего класса.

В 2005 году для поддержки забастовки докеров был создан Комитет солидарных действий. Так появились первые объединения различных групп, заинтересованные в развитии альтернативного профсоюзного движения. Уже тогда налицо было идеологическое различие между новыми профсоюзниками, их коллегами из советских времен и левыми активистами. Старая гвардия, закаленная в боях против советского режима за улучшение жизни рабочего класса, имела приобретенное за долгие годы противостояния красной диктатуре отвращение к совку и всем его производным и делилась на людей, способных более или менее анализировать ситуацию, и тех, кто при слове «коммунист» впадал в состояние, мало подходящее для серьезной работы. Новоиспеченные профсоюзники и слышать не хотели ни о какой политике, их пугали эти слова, и дальше экономических требований в рамках своего предприятия они заходить были не намерены.

Ну а левым, как водится, уже виделись марши революционных рабочих с авангардом во главе, всеобщие стачки и скорая победа мировой революции. Большим достижением того периода было то, что эти люди все-таки сумели создать совместные структуры. В Питере таким движением стал КСД (Комитет Солидарных Действий) — сетевая структура, призванная объединить усилия всех борцов за права рабочих. Стоит, однако, отметить, что молодые профсоюзы в работе Комитета принимали весьма опосредованное участие, являясь на собрания только за помощью для своего профсоюза, или, очень редко, для обсуждения крупных акций. Но все же пользу от работы КСД нельзя недооценивать. Хоть по факту она и была собранием «тех, кому больше всех надо» для бескорыстной помощи профсоюзам, «аполитичные» активисты начинали видеть в левых не только союзников, но и товарищей, а старогвардейцы потихоньку излечивались от краснофобии, начиная мыслить совсем по-левому.

За несколько лет работы КСД некоторыми его участниками предпринималось несколько попыток преобразовать сеть в левую партию. Попыток, несомненно, несвоевременных, потому и провалившихся. Так продолжалось несколько лет. Профсоюзное движение медленно, но верно росло. Правда, забастовки проигрывались одна за другой, но не безрезультатно. Росли новые кадры, накапливался опыт. Но вожделенное сближение с рабочим классом и его политизация происходили крайне медленно...

Переломным моментом в развитии движения стала месячная забастовка на Форде, которая очень многим показала, что одними экономическими требованиями добиться перемен невозможно. Когда против тебя и чиновники, и полиция, и администрация — становится понятно, что нужно смотреть шире. За пределы завода. В этот же примерно момент, уже почти окончательно утративший связь с рабочими КСД предпринимает попытки создания новых структур, предназначенных соединить левые и профсоюзные силы. Правда, планам этим суждено было сбыться в несколько других формах и вот почему. В то время наиболее активные члены рабочего движения сами пришли к тому, что пора переходить к более широкой общественной деятельности. И для этого необходимо было создать движение, которое объединит в себе союзников рабочего класса.

* * *

Главное отличие его от КСД должно было быть в том, что это уже не сетевая структура, а общественная организация — Движение Трудящихся. И тут левых в который раз охватила эйфория: колонны марширующих рабочих были все ближе, а до всеобщей стачки остались считанные годы! Сближение с рабочими произошло. Они сами предлагают левым объединяться. Правда, не учли левые и того, что у профактивистов, не имеющих четкой политической позиции, имеется тенденция объединяться со всеми, кто готов оказать им помощь, а зря. Работа по созданию ДТ закипела. Созвали несколько конференций, создали проект устава, и вот тут бы начать наконец действовать, чтобы рабочие всей страны увидели, что ДТ — не дискуссионный клуб, что ДТ реально, на деле помогает рабочим, а не точит языки в бесконечных спорах, и массово повалили в ДТ и тогда... Но некоторым все же, видимо, никогда не уйти от дискуссионных клубов... И вместо действия началась дискуссия не между профсоюзниками и даже не между профсоюзниками и левыми, а, конечно же, между левыми. Выяснения того, кто же самый правильный марксист и истинный коммунист, кого стоит считать другом, а кого врагом рабочего класса, вытеснили из рассылки ДТ сообщения, касающиеся реальных дел. Как назло, дел в том момент оказалось много: надо было помогать рабочим, а мы точили языки, надо было действовать, а мы грызлись между собой.

И что же увидели рабочие? Что ДТ — очередной дискуссионный клуб, не имеющий отношения к решению проблем рабочего класса. Реакция не заставила себя долго ждать. В этот же примерно момент произошел конфликт в оргкомитете Первого мая (где все стороны проявили политическую недальновидность, не сумев договориться), повлекший за собой раскол питерского рабочего движения на два лагеря, которые, впоследствии, стали лишь жалким

подобием КСД. Когда же мы поймем, что запрещать — неверный путь к единству? Но вернемся к Движению Трудящихся. Раскол КСД после 1 мая 2009 года был вызван желанием троцкистов из МГРД навязать свои лозунги профсоюзному оргкомитету, принимавшему решения консенсусом.

Нужно признать, что многие профсоюзники (особенно старая школа), оказавшись в таком процессе принятия решений, стали использовать право вето для того, чтобы запретить вообще все, что не нравится. Почувствовав, что каши в рамках ДТ не сваришь, профсоюзники один за другим стали выходить из оргкомитета, за ними последовали многие левые, и ДТ загнулось, не успев организоваться. А перспективы у этого проекта были и были неплохие. В том числе и для левых, потому что профсоюзы были настроены крайне дружелюбно, и один из профлидеров на учредительной конференции заявлял, что в ДТ должна быть свобода мнений, пусть даже будет анархо-синдикалистская фракция, занимающаяся своей пропагандой, он не против, и никто не был против. Но левые уже стали делить шкуру неубитого медведя, искать будущих предателей, возможных врагов, и в результате мишка благополучно ушел.

Вражда и взаимная неприязнь между различными левыми группами только усиливалась, а вместо объединения мы получили атомизацию...

Была попытка организовать акции в поддержку Бабаевской фабрики через рассылку ДТ. Однако по ряду причин: в первую очередь, загруженности инициаторов, а также нежелания некоторых участников заниматься активной деятельностью, не решив вопрос с бумажками, она не удалась. Профсоюзы были готовы вписаться в эти действия, и ДТ действительно имело шанс начать работу.

* * *

Некоторые профсоюзники уже настроились выйти на новый уровень, и, если не получилось с этими людьми, получится с другими. Тут как раз подвернулось объединение официальных «левых» сил, правда, с уже более приземленными целями, регистрации партии и участия в буржуазных выборах. Но, повторюсь, люди, не имеющие четкой политической позиции, легко колеблются, и некоторые профсоюзники, к сожалению, увидели в создающейся партии «Рот Фронт» перспективное объединение, из которого можно извлечь пользу для рабочего класса. Хорошо, что далеко не все из них приняли участие в ее создании. Многие увидели всю абсурдную и политиканскую сущность этой новоиспеченной «левой» партии. Да и трудно не заметить, ведь в «Рот Фронт» входят правые сталинисты из РКРП, политические эпатажники, наподобие «Левого Фронта», и совсем уж точно никакого отношения к левому и рабочему движению не имеет «Армия Воли Народа», созданная антисемитом Мухиным и участвовавшая в акциях с ДПНИ и «Славянским Союзом».

Да уж, ну и союзничков выбирают себе некоторые профактивисты! Ничего хорошего от подобной структуры ожидать не приходится, они просто хотят использовать тысячи рабочих, чтобы зарегистрировать партию и пролезть поближе к кормушке. Надеюсь, рабочие это поймут очень скоро.

Причина участия ряда профсоюзников новой волны в «Рот Фронте» — возможность получить иммунитет от увольнений на работе. Сейчас профсоюзные гарантии стремительно уничтожаются Думой, и профсоюзы ищут альтернативу. Отметим, что профсоюзы не вступают в «Рот Фронт» как организации. Туда вступает политизированный профактив, который будет вести агитацию на своих предприятиях.

Например, на «Форде» немыслима ситуация, что профком запишет весь профсоюз в какую-то партию. Решения принимает коллектив на общем собрании. На месте КСД создался Центр взаимопомощи рабочих. Он был создан профсоюзом полиграфистов для помощи работягам, которых кинули работодатели. Очень быстро ЦВР стал действующей структурой, и к нему подключились активисты, некоторые другие профсоюзы, а также союзные организации — ТИГРы, гаражники, профсоюз мелкого бизнеса. Есть перспектива, что ту роль действующего рабочего внепартийного и неофициального объединения, которую не смогло взять на себя Движение Трудящихся, сможет выполнить сеть ЦВР по стране.

Что уж тут и говорить, ситуация не из лучших. Но кто же виноват в этом? На ком лежит ответственность за то, что политиканы используют рабочих? Кто своим поведением толкнул рабочих на этот постыдный союз? Никто иной, как мы с вами, товарищи. Мы своими мелкими дрязгами и бесконечным дележом еле живой пушнины оттолкнули от себя рабочих. Тогда, несколько лет назад, нам хватило ума переступить через личную неприязнь и начать работать вместе, что же мешает теперь? Ведь, если бы тогда мы не смогли отбросить на время излишний революционный пафос и начать трудную и не всегда приятную работу с профсоюзами, если бы вместо помощи мы предложили бы рабочим немедленную всеобщую стачку, всего того, что мы имеем сейчас, могло бы и не быть. Неужели тогда нам нечего было делить, а сейчас запахло наживой? Почему мы смогли примириться и не убили движение в зародыше, а сейчас, когда уже чего-то достигли, похороним все свои достижения? Мы могли кричать о марксизме и всеобщей стачке уже тогда, и не были бы услышаны, но мы стали для рабочих товарищами, давайте же не станем опять для них непонятными инопланетянами.

Работать, работать и еще раз работать вместе с рабочими и во имя рабочих. Помогать им во всем, что не противоречит нашим убеждениям. Помогать бескорыстно и самозабвенно, это ли не лучшая пропаганда? Чтобы рабочие увидели, что мы правы. Увидели это не в наших словах, а в наших делах. Оставим разногласия, объединимся в борьбе, и тогда, когда рабочие вновь предложат нам совместную работу, я надеюсь, мы сможем преодолеть барьеры и докажем, что у левого и рабочего движения есть будущее. Одно будущее.

Вражда и взаимная неприязнь между различными левыми группами только усиливалась, а вместо объединения мы получили атомизацию

P.S. Уже после написания статьи ситуация снова изменилась. После провала 20 марта 2010 года (так называемый «День Гнева», призванный объединить всю «оппозицию», по факту вылившийся в политическую клоунаду) многие профсоюзники снова задумались о неэффективности сотрудничества с «политиканами».

Нынешняя «записная оппозиция» расписалась в своей неспособности вывести на улицу людей. Поэтому ряд профсоюзников склоняются к мысли делать упор на «экономические требования», то есть требования, касающиеся непосредственных нужд людей. При этом они намерены продолжить сотрудничество только с теми организациями, с которыми уже сейчас есть практическая работа. Такими, как ДСПА, РКСМ(б), РКРП (АД пока, к сожалению, в этом списке нет). Я уверен, что отказаться от всякой политики у них уже не получится — слишком многие уже политизировались, поэтому это, скорее, поворот к лозунгу самоорганизации. Пришло понимание того, что люди должны научиться решать свои проблемы сами, а не через политиканов. Вот и думайте теперь, товарищи, ведь профсоюз - это организация рабочих. Чем он станет: бюрократической структурой или боевой организацией, зависит в том числе и от нас.

ИстОрИЯ

ПАЛЕСТИНСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Денис Батшев

Мемориальный музей Кропоткина в Москве, который можно посетить раз в году

В анархической и научной среде постоянно идут какие-то разговоры о (вос)создании дома-музея П.А. Кропоткина. Причем это все обсуждается довольно давно, но, к сожалению, так пока ни к чему и не привело. Вспоминаются, прежде всего, два города, претендующих на сохранение памяти великого революционера. Это Москва, где Петр Алексеевич родился и провел детские годы, и Дмитров – город в котором он окончил свой жизненный путь. О последнем немало может поведать дмитровский краевед Ян Прусский.

Свой же взгляд я хотел бы остановить на столице. Многие помнят, что после Февраля 1917 года П.А. Кропоткин вернулся в Россию, продолжив свою теоретическую и революционную деятельность. Но мало кто знает, что после его смерти анархисты, еще остававшиеся в России при большевистском режиме, общими усилиями создали музей П.А. Кропоткина. Я попробую вкратце изложить его историю и рассказать, что он из себя представляет сегодня.

Район в центральной части Москвы, между улицами Арбат и Пречистенка, носивший общее название Старой Конюшенной и неофициальное – Сен-Жерменское предместье Москвы (по аналогии с Парижем) – считался издавна аристократическим. Здесь находились особняки, принадлежавшие потомкам знатных семей. В одном из них 27 ноября (9 декабря по новому стилю) 1842 года родился П.А. Кропоткин.

*****

Об этом сообщает установленная на доме 26 по Кропоткинскому переулку, соединяющему Пречистенку с Садовым кольцом, памятная доска с барельефом работы скульптора С.А. Меркурова. Дом в переулке, который до 1921 года назывался Штатным, внешне изменился несильно с тех пор, как им владел Алексей Петрович Кропоткин, отставной генерал-майор, крупный помещик, отец революционера.

Музей П.А. Кропоткина помещался в доме, в котором революционер родился и провел свои детские годы. Мысль о создании музея возникла после его смерти (8 февраля 1921 года). В Москве была образована инициативная группа, а осенью 1921 года был основан «Всероссийский Общественный Комитет по увековечению памяти П.А. Кропоткина».

Так как Кропоткин был не только революционером-анархистом, но и всесторонним ученым и общественным деятелем, члены Комитета полагали, что для наилучшего изучения его жизни и творчества, организация увековечения его памяти должна носить общественный характер. Вследствие этого, в Комитет вошли не только последователи и близкие друзья, но и представители научных учреждений и общественных и кооперативных организаций. Комитет стремился следовать в своей деятельности заветам П.А. Кропоткина.

В Комитет вошли: почетная председательница – С.Г. Кропоткина, председательница – Вера Фигнер, товарищ председателя – Алексей Боровой, секретарь Н. Лебедев, казначей – Е.П. Ростковский. С осени 1921 года Исполнительное Бюро Комитета приступило к созданию музея. Его решено было устроить в одном из трех домов, принадлежащих ранее Кропоткиным. Под музей был выбран дом 26 по Штатному переулку (сейчас это Кропоткинский переулок), в котором Кропоткин появился на свет.

Петр Алексеевич жил на Старой Конюшенной до 1857 года (когда поступил в Пажеский корпус). В доме, где он родился, он провел только первые семь-восемь лет жизни. Когда его отец женился после смерти матери Петра, он продал этот дом и купил другой (в Малом Левшинском переулке, 4), а затем вскоре продал и этот дом и в 1855 году купил новый дом в Малом Власьевском переулке, 8.

Дом под музей был передан, но требовал большого ремонта. Поэтому только к 9 декабря 1923 года (годовщина рождения Кропоткина) Комитет смог открыть музей в его первоначальном виде. Основным ядром музея явились коллекции, фотографии, рисунки, рукописи анархиста, сохраненные и переданные Комитету вдовой покойного Петра Алексеевича С.К. Кропоткиной, а затем музей пополнился семейными портретами и документами, переданными Комитету семьей Поливановых и другими предметами, собранными среди друзей Петра Алексеевича и полученными из Парижа и Лондона. Экспонаты были размещены в трех комнатах.

*****

В таком виде музей существовал до 1925 года, когда из Англии С.Г. Кропоткиной были привезены личная библиотека, архив Петра Алексеевича, его черновые рукописи, некоторые предметы обстановки его рабочего кабинета и другие вещи. Приток некоторых денежных средств из Англии (где образовался Комитет содействию музею с участием Бернарда Шоу и Герберта Уэллса) и из Америки позволили Комитету отремонтировать и остальные комнаты кропоткинского дома. Но даже к 1928 году музей был еще далеко не закончен. Недостаток денежных средств не позволял Комитету осуществить целиком намеченный план, ведь музей был создан и поддерживался на

Дом в г. Дмитрове Московской области, в котором П. А. Кропоткин жил в 1918–1921 гг.

добровольные пожертвования. Он имел своей задачей знакомить посетителей с жизнью и деятельностью выдающегося революционера, ученого и мыслителя.

Дом-музей Кропоткина находился в глубине небольшого садика, обнесенного стильной железной решеткой. Его одноэтажный, простой, но изящный фасад был украшен шестью белыми колоннами, поддерживающими фронтон. Двенадцать больших окон и стеклянная дверь на балкон выходили в сад. Дом был построен бабушкой Петра Алексеевича (урожденной княгиней Гагариной) в тридцатых годах XIX века и является типичным дворянским особняком того времени. В основу организации музея Комитетом был принят план, выработанный его секретарем — Н.К. Лебедевым. Согласно ему, планировку было решено сделать в хронологическом порядке.

Музей делился на восемь комнат для осмотра. В первой — до 1867 года — детство и юность Кропоткина. Здесь располагались экспонаты, рассказывающие о жизни его предков и юношеских годах. Это портреты, родословная, герб Смоленского княжества. Из вещей самого будущего революционера — рукописные детские «Дневные записки» и «журналы», рисунки.

«Хронологические рамки» второй комнаты — 1867-1876 года. Это научная и революционная деятельность Петра Алексеевича. Здесь были представлены геологические и географические карты его работы, научные труды, экспонаты, относящиеся к I Интернационалу и Парижской Коммуне, портреты участников кружка «чайковцев» (за членство в котором Кропоткин и был первый раз арестован), «хождение в народ». Находился здесь и музейный материал, относящийся к его аресту в марте 1874 года, пребыванию в Петропавловке и побегу (широко известны его рисунки на эту тему).

Третья комната освещала жизнь и деятельность П.А. Кропоткина в Европе в 1876-1916 годах. Здесь было много рисунков — виды из тюрьмы Клерво (во Франции революционер просидел три года), декреты об изгнании Петра Алексеевича из Швейцарии, Англии, висел портрет жены — Софьи Григорьевны Кропоткиной (урожденной Ананьевой-Рабинович), с которой он связал свою жизнь в 1878 году. Тут же — два изображения самого П.А. Кропоткина: портрет маслом работы Мошелеса и гипсовый бюст Цейтлина.

В четвертой комнате — возвращение в Россию после Февральской революции и жизнь в Дмитрове: портрет работы Л.Б. Пастернака, барельеф работы Цейтлина, образцы рукописей и альбомы зарисовок Петра Алексеевича.

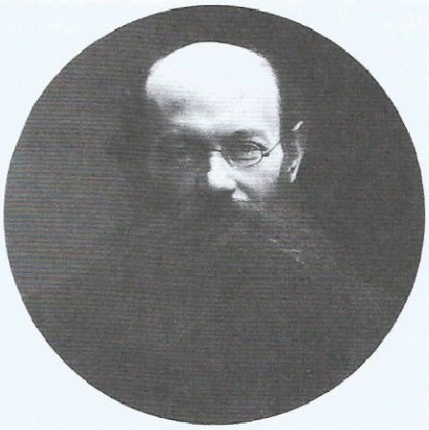
Пятая комната — копия рабочего кабинета в Лондоне. Сюда был привезен письменный стол из Англии, за которым Кропоткин работал, библиотека и столярный верстак, на котором были сделаны полки кабинета и многое другое лично Петром Алексеевичем (кроме столярного дела, он владел еще мастерством переплетчика — воплощая свои идеалы о честном труде). Книги были расставлены так же, как сам революционер хранил их. Шестой была траурная комната — занятая экспонатами, касающимися болезни, кончины и похорон П.А. Кропоткина.

Седьмая комната была посвящена влиянию Кропоткина и его друзей на мировое революционное движение. Здесь были представлены образцы газет, издаваемые им и его последователями. В витринах — книги и брошюры, посвященные жизни и творчеству Кропоткина и критическому разбору его учений. Эта комната — самая незаполненная, так как выяснить все влияния учения Петра Алексеевича — колоссальная задача, в то время как денежные средства были ограничены.

Восьмая комната представляла собой библиотеку и кабинет для чтения. Здесь были собраны произведения Кропоткина и литература по революционному движению.

*****

Необходимо отметить то колоссальное влияние на общество 1920-х годов, которое оказывал музей. В стране, где



вся собственность принадлежала государству, этот музей выделялся тем, что работал как общественная организация. Вокруг музея сгруппировались оставшиеся в России после чисток анархисты. Все это было довольно легально. Проводились платные и открытые лекции на философские и революционные темы. Здесь же проходили знаменитые споры между анархо-мистиками и «традиционными» анархистами, находились издательство и магазин, распространявший либертарную литературу... И все это во времена сворачивания НЭПа и «закручивания гаек». По сути, музей Кропоткина во второй половине 1920-х годов был чуть ли не единственным в Москве незаконспирированным островком свободомыслия, влиявшим не только на умы взрослых, но и студентов, школьников. И все это советская власть терпела довольно долго.

Несмотря на все неурядицы в денежном и фондовом планах, музей смог просуществовать до октября 1938 года, когда С.Г. Кропоткина передала его Советскому правительству, а в 1939 году по указанию Сталина

Дом в Кропоткинском переулке в Москве, в котором 9 декабря 1842 г. родился П. А. Кропоткин

музей был закрыт. Часть его фондов отошла Музею революции, а документы были переданы на архивное хранение.

Сейчас дом в Кропоткинском переулке под номером 26 представляет собой убогое зрелище. В 1972 году здание было передано под Консульство Палестины, и теперь оно формально является собственностью другого государства (вернее будет сказать — автономной области). Годы идут, а проблемы множатся. Нет уже того сада возле дома — все залито асфальтом, построены гаражи для машин (дверь, выходившая когда-то в сад, стала парадным входом в госучреждение — вряд ли об этом могли «мечтать» как сам Кропоткин, так и его последователи — устроители музея). Само здание снаружи выглядит плачевно: на крыше стоят две спутниковые антенны, на стенах — кондиционеры. Все это ведет к разрушению этого старого здания. Оно и само по себе, с того фасада, где стоят колонны, начинает осыпаться — это ужасное зрелище.

Внутри также произошли колоссальные изменения. В основе своей дом не поменялся, но все было переоборудовано под удобство новых «хозяев», то есть Консульства Палестины. Внутри из того, что осталось, можно увидеть лишь роспись стен под потолком в одной из комнат, и камин, который сохранился с тех пор. Но им, к счастью, никто уже не пользуется.

Фасад дома украшают памятная доска с барельефом Кропоткина и доска с надписью: «Памятник истории. В этом доме в 1842 году родился Петр Алексеевич Кропоткин. Охраняется государством». Это единственное, что напоминает о культурной и исторической ценности данного здания.

Теперь бывший дом-музей фактически находится на территории другого государства. Когда-то, в начале 1990-х, после анархических демонстраций, группа молодых людей приходила к дому 26 и скандировала: «Верните дом!». Теперь же, как ни печально это звучит, почти никто о нем даже не вспоминает. Там организовываются экскурсии лишь несколько раз в год, одна из которых — 18 мая — в Международный День музеев. Сходите, послушайте! Вы вряд ли услышите что-то новое о жизни и деятельности Петра Алексеевича Кропоткина...

Я ЗНАЮ, КТО УБИЛ КОМИССАРА

Месть за « случайную смерть анархиста »

12 декабря 1969 года в Аграрном Банке на Площади Фонтана в Милане прогремел взрыв, унесший 15 жизней ни в чем не повинных людей. В конце 60-х — начале 70-х годов революционное движение Италии находилось на пике своей силы, и все больше людей брали в руки оружие, чтобы вести борьбу против государства и капитализма. Именно в этих обстоятельствах итальянские фашисты, при поддержке ЦРУ и НАТО, организовали ряд террористических актов на транспорте и в общественных местах, жертвами которых стали самые обычные люди. Задача этой «стратегии напряжения», как ее тогда называли, была предельно проста — свалить вину за кровавые преступления на левых, дискредитировать их этим, и, наконец — захватить власть в наступившем хаосе. Одной из таких изуверских акций стал и тот взрыв в Милане. Вероятно, в свете последних трагических событий в московском метро приведенная нижестатья может быть особенно интересна.

Одним из первых подозреваемых и арестованных по данному делу оказался анархист 41-летний Джузеппе Пинелли, железнодорожный работник и активист «Черного Креста», отец двух дочерей. Спустя 3 дня, 15.12.1969 Пинелли «выпал» (по официальной версии выбросился) из окна полицейского участка. Практически нет сомнений, что «несчастный случай» — на самом деле был полицейской казнью безвинного человека, ставшего жертвой репрессивной машины «демократической» Италии, где силовые структуры действовали в смычке с ультраправыми. Данный случай стал основой для пьесы Дарио Фо «Случайная смерть анархиста», поставленной в Москве в Театре Сатиры. Джузеппе Пинелли «выпал» из окна кабинета, принадлежавшего Луиджи Калабрезе — комиссару полиции по политическим делам. 17 мая 1972 года Луиджи Калабрезе настигло заслуженное возмездие — он был застрелен итальянскими революционерами из группы «Непрерывная Борьба». Это событие легло в основу текста Альфредо Бонанно — 72-хлетнего анархиста и мятежника.

Я знаю, кто застрелил комиссара Луиджи Калабрезе 17 мая 1972 года, возле его собственного дома в Милане на виа Керубини, 9, в пятнадцать минут десятого утра.

Это серьезное заявление. Не потому, что оно влечет за собой судебную ответственность и не по причине добрых намерений Калабрезе, на которые мне плевать. Причины совсем иные — на них-то мне и хотелось бы обратить внимание читателей. Для начала, давайте остановимся и на секундочку задумаемся, а в чем бы вы могли быть абсолютно уверены? Мы просыпаемся утром, торопливо завтракаем, бежим в школу, на работу, в ближайший парк пообщаться с друзьями, одним словом — каждый по своим делам. Вечером мы возвращаемся домой, растягиваемся на простыне, почти всегда точно также, как и вечером ранее. Это дает нам чувство уверенности после всех событий, что пронеслись перед нашими глазами в этот день. Когда что-нибудь происходит, даже что-нибудь самое простое — например, мы выпиваем утреннюю чашку кофе в кафе — все, что творится вокруг, блекнет, почти что теряется и исчезает в тщетном стремлении к чистоте ощущения. В конце концов у нас остаются лишь воспоминания о том, что произошло, обо всем, что мы делали... но наши сведения об отдельных эпизодах настолько неадекватны, что мы уже не можем быть ни в чем уверены.

Но как такое возможно? — воскликнет кто-нибудь.

Ответ прост. Мы можем с уверенностью вспомнить исключительно и только то, что нам действительно интересно, что

настолько сильно задевает наши личные чувства, желания, мечты и планы, что оставляет след в нашей душе. Мы помним только то, что нас зацепило. Жизнь нечасто нас цепляет — вероятно, оно и к лучшему.

Представляю, каково было бы жить все время на пределе эмоций, почти готовым взорваться, захлебнувшись нахлынувшим адреналином... Немного спокойствия, пожалуйста!

Но поскольку мы не вьючные животные, а мужчины и женщины, заботящиеся о том, чтобы прожить свою жизнь, мы смотрим на вещи более разборчиво. Мы фильтруем события, происходящие вокруг нас, не только те, что мы видим собственными глазами, но также и те, о которых нам позволяют узнать величайшие глазные протезы современности — газеты и телевидение. Даже те события, что сильно оторваны от нас в пространстве, и случились за тысячи километров — также близки, как будто бы все произошло за нашим домом.

Мы привыкли к этому, но есть кое-что, что трогает нас сильнее.

Что означает «быть пораженным в самое сердце»? Это значит, что мы застыли с разинутым ртом и чувством боли, тревоги, отвращения, гнева или, что с физиологической точки зрения одно и то же, с чувством наслаждения, энтузиазма, возбуждения и т. п. Эти события западают нам в душу и составляют массив того, в чем мы уверены.

Я прекрасно знаю, что на свете нет никакой «абсолютной уверенности» в смысле, чего-то объективного и, если быть точнее, подходящего для всех. Но когда кровь вскипает в наших жилах при виде пятнадцати разорванных на куски тел в главном зале Аграрного Банка на площади Фонтана в Милане, то, пройди хоть сотни лет, у нас останется уверенность, что случилось нечто омерзительное, нечто. Что могли совершить лишь презренные слуги Государства. И это именно та уверенность, которую я хотел бы обсудить.

Каждый раз, когда я думаю о Пинелли, выброшенном из окна кабинета комиссара Калабрезе в полицейском участке на виа Фатебенафрателли в Милане — кровь вскипает в моих жилах.

Отсюда и моя убежденность. Тысячи адвокатишек, собравшихся, чтобы рассказать мне об изумлении бедного полицейского инспектора, лицезревшего могучий прыжок Пинелли, растворившегося в воздухе миланской ночи — не кажутся мне убедительными. Мне даже не нужно читать списки товарищей, запертых в соседних комнатах и слышавших, как страсти на допросе накалялись, и то, какие проклятия сыпались на Джузеппе перед его убийством и после него. Эти доказательства ничуть не прибавляют мне убежденности. Точно так же, как ничуть не убавляют ее заявления детей, выросших в тени обвинения их отца и тяжкая память о вдове, к которой я никогда не испытывал никакой жалости.

Решительный мужчина, уверенный в себе — эдакая карикатура из фильма, — однако осознающий ситуацию. Это он был ключевой фигурой полицейских штаб-квартир Милана в дни, когда рвались бомбы. Он был тем, кто вершил дела, возможно, более великие, чем он сам. Но, конечно же, он был не в состоянии понять убежденные сердца, те самые сердца, что более всего его интересовали. Да и на какое понимание способна свинья, да еще и та свинья, что хочет сделать себе карьеру любой ценой?

С тех пор никто не говорит об этой персоне что-либо конкретное, что нельзя обратить в миф, напротив — она словно бесплотный дух. Течение времени и смерть породили образ и сгладили черты этого персонажа, обратив его в часть государственного иконостаса мучеников. Несчастный Калабрезе, 34 года, истинный джентльмен с беременной женой и двумя малыми детьми. Скромная квартира на третьем этаже дома 6 по виа Керубини. После его смерти жене пришлось ждать почти год выплаты в 156 000 лир. Как грустно.

Но бедненький Калабрезе смотрел на жизнь иначе. Он хотел быть победителем, он играл грязно и он сумел создать вокруг себя ореол крутизны, непобедимости. Он был всегда первый на виду, побеждая любую конкуренцию, коллеги Калабрезе ненавидели его, а начальство боялось. Каратист, приверженный культу силы, он был настолько лицемерен, что умел казаться всем искренним верующим католиком, богобоязненным человеком. Основам такого поведения он обучился в Америке, где работал совместно с ЦРУ. Мало кто из итальянских суперкопов в те годы мог похвастаться подобным опытом. В беспокойные дни после Миланской бойни все кругом боялись всех остальных. Впервые запах террора проник в провинциальную, простоватую атмосферу нашей страны. Даже индустриальный мегаполис, в действительности, не знал врем н, подобных тем, что начались тогда.

Почему Пинелли? Мы этого не знаем и никогда не узнаем. Это могло случится с любым другим товарищем. Попытка выбросить человека из того же самого окна того же самого кабинета Калабрезе имела место несколькими месяцами ранее. Это произошло с Брачи, который запросто мог соскользнуть с карниза. Ему повезло. Просто степень государственной важности взрывов на Фьера Милан была не такой высокой, как на Площади Фонтана.

Как можно скорее состряпать дело об «анархистском следе» было задачей именно Калабрезе. Он был специалистом по миланским анархистам и тем, кто был с ними связан. Кто лучше, чем Калабрезе, мог собрать воедино все нити этой истории, уже начатой Вентурой, опубликовавшим «анархистские» тексты в открыто фашистском издательстве, существующим к тому же на деньги правительства?

Очевидно, решение свалить вину на анархистов было принято уже за несколько месяцев до взрыва, чему доказательством служат бомбы на Фьера. Многие товарищи попали в тюрьму в тот раз. И в это время, повсюду выискивая зацепки, кругом шнырял бедненький Калабрезе в своем свежевыглаженном костюме, со своей разумной и четкой позицией, своей культурностью (если это можно так назвать, во всяком случае, он умел надергать что-нибудь тут и там) и его способностью быстро принимать решения.

Быстрые решения. Человек, работавший на ЦРУ, не мог не справиться с задачей принимать решения так же быстро, как и сами люди из ЦРУ, безжалостно и хладнокровно выполняющие свою работу. Только нынешние времена изменили эту ситуацию.

Теперь спецслужбы, начиная с ЦРУ и МИ5 и заканчивая печально известным Моссадом, выглядят неподготовленным и некомпетентным сбродом, овеянным мифами, позволяющими им казаться круче, чем они есть на самом деле... Комиссар Луиджи Калабрезе был одним из тех безупречных наемных убийц. Вокруг него сложился миф несокрушимости и твердой решимости, устраняющих все препятствия на его пути.

Этот миф впервые дал трещину во время суда над «Непрерывной Борьбой», когда Калабрезе имел бледный вид. Он был обвинен в том, что это он убил или, во всяком случае, причастен к убийству Пинелли — это именно то, о чем мы говорим сейчас. Его заикающиеся ответы по сей день звучат в умах многих товарищей.

День 17-го мая стал для Великого Комиссара роковым. Все, казалось бы, шло как обычно, повседневная утренняя рутина: завтрак, прощание с беременной женой, двое детей, одному три года, другому двенадцать месяцев, какая прекрасная семейная идиллия!

Да, у палача тоже есть семья. Это кажется невозможным, но это правда. И семья палача смотрит на его работу, как на любую другую, конечно со своими особенностями, ведь палаческую специальность не каждый может освоить. Под маской, скрывающей палача, есть место и для многочисленного потомства и для жены, любящей рожать детей.

В тот роковой день, примерно в 9 утра, комиссар Луиджи Калабрезе вышел на улицу. В 9:15 злой рок настиг его — в виде двух пуль, одна за одной. Медицинский отчет: остановка менинго-церебральной черепной системы, вызванная пулями из огнестрельного оружия (в правую часть затылка). Сирены скорой помощи ревут вдоль виа Крокебианка ди Виальба. В 9:27 комиссар Луиджи Калабрезе скончался в больнице Святого Карло.

Судебное вскрытие тела Пинелли провели профессора Людови, Мангигли и Фальци... Кто они? Обычные трупорезы? Мне так не кажется. По крайней мере один из них был агентом спецслужб, как, несколько лет спустя, было выяснено в одной малозаметной газетной статье. Зачем ему нужно было там быть? Потому что они хотели быть уверенными в том, что заключение экспертизы будет таким, каким нужно (не слишком ли много народу было в кабинете Калабрезе?). И потроша тело нашего товарища, они просто хотели обделать свои дела как можно скорее.

Одно несомненно. Так как результатом работы Калабрезе стало кровавое месиво (внезапно выяснилось, что Пинелли носил три ботинка) — задача анатомов была выполнена блестяще. После вскрытия никакие юридические обследования тела были уже невозможны.

Отойдя от входа в свой дом, Калабрезе направляется к островку безопасности в центре проезжей части, где был припаркован фиат 500 его жены. С обеих сторон припаркованы примула и опель. Первый выстрел попадает ему в правое плечо, второй отстреливает ему часть башки. Пространство между опелем и фиатом потихоньку заливается кровью.

Люди, что были там, не сразу поняли, что произошло. Они не обратили особого внимания на выстрелы, прозвучавшие в весеннем воздухе, подобно звуку буксующей старой машины. Затем кто-то заметил лежащее ничком тело и кровь, растекающуюся пурпурным пятном. Полиция, карабинеры, скорая — всех тут же вызвали, как и бывает всегда в таких случаях, словно списанных со старой скучной повести. Правда, в этот раз на место спешили высшие эшелоны миланской полиции. Глаза Гиды наполняются слезами. Старый фашист-тюремщик, искушенный во множестве заплечных делишек и пыток, он тронут до глубины души, видя тело своего верного коллеги, валяющееся в собственной крови.

Похороны commissario finestra («комиссара-дырки») необычайно пышны, горы венков. Тело доставили в церковь. Викарий Милана читает заупокойную: «Яркий пример самопожертвования во имя долга». Просто невероятно, насколько бессовестны все эти люди.

Ссылаясь на заявление Джеммы Калабрезе, кардинал Коломбо сказал: «Прекраснейший цветок, который расцвел на крови убитого комиссара — это прощение его вдовы». Невероятно! Прощение. Какое волшебное слово! Нам пришлось ждать годы, прежде, чем оно было сказано вновь — другими людьми, в другой ситуации, но опять же в связи со смертью Калабрезе. Но впрочем, позвольте продолжить рассказ по порядку.

Кажется, кто-то еще что-то помнит о том майском утре. Какая удивительно превосходная штука — память! Это память о раскаявшемся террористе, само собой, требующая изучения. В городке Масса жил-был продавец траурных повязок. У него был киоск с этими повязками. Возможно, он также торговал «Кока-колой» и лимонадом, я точно не знаю. Так или иначе, это был типичный лавочник, пытающийся свести концы с концами. Однако, за его безобидной наружностью скрывался опасный преступник!

Больше того, этот преступник рассказывает, вещает, нет — повествует о том, что он делал в то утро 17 мая 1972 года, когда он сидел в машине на виа Керубини и ждал, ждал, ждал...

Но кого он ждал? Наш друг называет имя, потом еще два имени, называя их исполнителями убийства Калабрезе. А он был лишь помощником, водителем подлинного убийцы.

Но скажи, мой дорогой раскаявшийся дружочек, неужели у карабинеров есть только одна запись на кассете, что все, кто принимает «честь» носить мантию информатора, всегда поют одну и ту же песенку? То же самое и с историей с маленькой девочкой из судебного дела против анархистов в Риме (это дело до сих пор находится на рассмотрении в суде). Все эти «непомнящие» извечно повторяют только то, что они зазубрили из текстов, подготовленных карабинерами?

Но есть, есть кое-что, что неведомо судьям, что неведомо даже самому раскаявшемуся — это тот факт, что я знаю, кто убил комиссара Луиджи Калабрезе 17 мая 1972 года, возле его собственного дома в Милане на виа Керубини, 9, в пятнадцать минут десятого утра. И я буду идти до конца всегда. «Раскаявшийся» лишь пересказывает подготовленный для него очень плохой текст. Но давайте не будем забегать вперед.

Комиссара на виа Керубини ждали ради отмщения.

Мертвая тишина встретила тело Пинелли 20 декабря 1969 года на выходе из морга. Было пятнадцать минут четвертого. Начался дождь. Мы двинулись к виа Пинесте.

Его жена Лиция сказала: «Я настоятельно прошу, чтобы похороны Пино Пинелли, открытые

Мне даже не нужно читать списки товарищей, запертых в соседних комнатах и слышавших, как страсти на допросе накалялись, и то, какие проклятия сыпались на Джузеппе перед его убийством и после него

для всех его друзей, которые хотели бы принять в них участие, прошли в приватной атмосфере, без привлечения организованных групп, делегаций или символов».

Я не знаю, зачем она сделала подобное заявление, но точно не по тем причинам, по которым я сам пришел к такому же выводу: символика, баннеры групп, возможно, даже флаги, развевающиеся на ветру, были бы неуместны. Был только один черный флаг. В конце оказалось, что флагов и так больше, чем необходимо.

На цветочном венке начертана короткая фраза: «Анархисты не забудут тебя». Я спрашивал себя, забудем ли мы Пинелли, или уже забыли? Сомнения оставалось при мне до самого кладбища Маггиоре. Могила 434, участок 76. Там я отбросил сомнения. И тысяча моих товарищей отбросила.

Калабрезе должен быть убит!

Прощай, прекрасный Лугано!

Возмездие — это вопрос гордости. Гнусность случившегося не может измеряться смертью Пинелли, и, вероятно, даже бойней, где погибли пятнадцать и были ранены девяносто человек. Такое измерение стало бы чисто юридическим уравнением, пожалуй, лишь немногим более верным, чем те, что предписаны в книгах законов. Такое измерение меня не интересует.

Возмездие — это нечто большее. Возмездие само по себе, а не атака, форму которой оно принимает. Так что, если смотреть на вещи иначе, убийство Калабрезе было не «сопоставимой» местью, сопоставимой со смертями на площади Фонтана или смертью Пинелли. Смотря на вещи подобным образом, вы неизбежно вновь вернетесь к тому самому юридическому уравнению.

А месть, следовательно, — нечто большее.

Не око за око, не зуб за зуб — как утверждает Библия, рационализируя и предваряя мстительное поведение, которое было непредсказуемо. Это настоящий «кодекс возмездия», по иронии судьбы, казавшийся большинству лишь возмездием самим по себе. То большее, что таится в возмездии, отметает любые размышления о «сопоставимости» ответного действия. Это вовсе не месть, если это не разрыв всех границ, всех систем измерения, когда вы варварски уничтожаете врага, стираете его в порошок или, во всяком случае, наносите ему такой ущерб, который он никогда не сможет забыть.

Если бы месть была «сопоставимой», то она была социальным институтом со всеми вытекающими отсюда последствиями, а значит, мы оказались бы вновь в плену некоего свода правил, пусть даже и неписанного. Ситуация бы обязывала меня мстить за себя, подчиняясь определенным правилам, в противном случае, если бы я не стал мстить или мстил бы чрезмерно, нанося еще и вред тому, что вокруг — я бы имел бледный вид, и ко мне бы дурно отнеслись. Напротив, если все, что принуждает меня к мести — моя уязвленная честь, то я ответственен лишь перед собой. И цель лишь в том, чтобы восстановить гармонию со своей совестью, с оскорбленной частичкой своей души. А перед самим собой уже не может быть полумер, я сам являю собой непрерывную бесконечность — целый мир, и тот, кто уязвляет мою честь, покушается на целый мир и на меня — душу этого мира, а значит этот некто заслужил того, чтобы быть удаленным из этого мира. Разумеется, количество людей, действительно тонко прочувствовавших свое достоинство, невелико.

В этом и кроется загадка некоторых типов поведения, кажущихся необъяснимыми. Ницше воспринимал оскорбленную честь как человек, видящий наездника, погоняющего лошадь, потерявшую управление. Не в силах остановить это бесчувственное животное, разрушающее его мир, он решил уничтожить его, уничтожить его мир, наконец, — уничтожить самого себя в припадке бешенства. По той же причине, другие люди перед лицом собственного уязвленного достоинства, избавились от мира другим способом — они покончили с собой.

Такое мироощущение развивает и доводит до конца проникновение в суть вещей. Человек потихоньку осознает всю абсурдность правил, которые накладывает на него так называемое общество, не говоря уже о законах государства. Законы и нормы поведения, существующие длительное время, оказываются уже не только орудиями врага, которыми он душит и травит. Однако все те небольшие свободы, что есть в этом контролируемом и управляемом обществе, урезаны и являют собой скорее исключения, даже если были введены «из самых светлых побуждений».

Критика повседневной жизни порождает личность, которая со временем становится все проницательнее и чувствительнее. Она становится в большей степени способна вскрывать глубинные пласты человеческой отчужденности и опустошкнности. На ее глазах рушатся все мифы: «основы демократии», политические иллюзии, прогрессивность исторического пути человечества, надежда на общественные институты и педантичность четких определений. Земля горит — и ты должен сделать выбор. Если ваше сознание способно проникнуть в это кристальное поле максимально возможной ясности, если оно вскрывает весь обман, из которого соткана ткань нынешних общественных отношений, тот незаметный, едва осязаемый обман, скрытый аппетитненькими красками, за которыми скрывается господство, вы обнаружите себя посреди бесконечной ночи безвременья. И вы почувствуете себя оскорбленным, до глубины души оскорбленным. Это оскорбление тысяч лет рабства и притеснения, тысяч лет страданий и геноцида, тысяч лет подчинения жалким горсткам угнетателей. Ничто из нашего прошлого не заслуживает того, чтобы его сохранить. Мне ничего ни от кого не досталось, и я ничего не смог бы отнять у своего врага, если, конечно, я не хочу компромиссов — чтобы меня пустили на банкет жрать крошки с пола, присвоили мне какой-нибудь

ничтожный социальный статус, дали несколько звездочек на погоны или, чтобы мне кивали лукавые идиоты, считающие себя самыми умными.

И, конечно, ты можешь рефлексировать на эту тему долгие годы, читать и рефлексировать до тех пор, пока не ощутишь тоску и грусть, а рядом не будет ни страницы, ни слова, ни мужчины, ни женщины, которые могли бы что-нибудь прояснить, прояснить раз и навсегда. И лелея усвоенное однажды убеждение, ты можешь долго грести во тьме вплоть до полного изнеможения, пока ты не падешь замертво у весла... а другие и не вспомнят о тебе.

Или, напротив, может случиться так, что нечто озарит тебя внезапно в конце пути, и ты прозреешь, увидишь как устроен враг, из какого теста он слеплен и из какого адского котла вылезла его душа. Если это вдруг случится, и ты увидишь вокруг себя людей, живущих столь же болезненной жизнью, ты увидишь их: дородных мужиков с мозолистыми руками, их детишек, пытающихся выглядеть покруче, спелых женщин, вспоминающих о войне и переживающих за зверски замученных детей, молодежь, считающую свою любовь, от которой они отворачиваются, знаком того, что чистота мира почти полностью засрана непомерными амбициями. Ты увидишь их, и слезы в их глазах. Они бессильны, несмотря на свои крепкие мускулы. Если это когда-нибудь случится, это будет уже не просто обычным несчастьем, которые случаются ежедневно (когда миллионы людей варварски истребляются и наскоро сваливаются в общие могилы), но то, что случилось с тобой — это будет совсем другое, это не оставит тебя в покое, но заставит просыпаться среди ночи в холодном поту и спрашивать себя, сидящего на кровати, что ты до сих пор там делаешь, пока ты еще жив в отличие от Пинелли с его наивной бородкой железнодорожного рабочего.

Я понял, что это, должно быть, похоже на бурю чувств, испытываемую взбудораженным умом. Так, я должен признаться, что в тот вечер на кладбище Маггиоре, у могилы 434, бесстыдно расплакался. И, если это, таким образом, дело воспоминаний, которые человек выносит из эмоционального потрясения, порой очень сильного, то, когда эта горечь не может тотчас выразиться в конкретных делах (например,

На цветочном венке начертана короткая фраза: "Анархисты не забудут тебя". Я спрашивал себя, не забудем ли мы Пинелии, или уже забыли?

в том, чтобы избить мента), она вызывает разочарование. И тогда человек плачет. Это проверено.

Но рассматривая вещи таким образом, мы упустим кое-что важное. Сводя все к чисто индивидуальным переживаниям, мы выпускаем из виду самое главное: исключительная сила, исходящая от других людей, чувствующих то же самое, что и ты (если быть точным, то не совсем то же самое). Единство их чувств позволяет им ощутить свое единство без всяких писанных деклараций. И внезапно, эта коллективная сила материализуется, я могу к ней прикоснуться, могу слышать ее, видеть ее глазами, составленными из тысяч глаз, то, что никогда не увидел бы своими собственными, я могу помнить с ее помощью то, что мой бедный рассудок никогда не запомнил бы в одиночку. Внезапно, словно бы Зевс ниспослал ее, появляется идея справедливости, вооруженной до зубов. Но это очень необычная идея, поскольку она не покоится ни на каком договоре, документе или преимуществе. Эта идея не стремится включить в себя все или обменять тело Пинелли на тело Калабрезе. Нет никаких равноценных вещей, чтобы ими можно было меняться. Это не идея, которая требует революционного действия, чтобы заслужить право на продолжение борьбы: иначе, на какое доверие угнетенных могут рассчитывать революционеры, если они позволяют выбросить себя из окна как ящик со старыми шмотками, и даже не отвечают. Но нет, дело даже не в этом. И это не идея, претендующая на то, чтобы быть известной, воспринятой людьми. Так сильно претендующая, что даже обходится без традиционного политического щебетания и создает перспективные действующие структуры. Это не идея, ставящая себя превыше других, чтобы вновь возродить порядок действия по правилам, против преступлений, совершенных комиссаром Калабрезе. В конце концов, это действительно ненормально, когда задержанный полицией вылетает из окна во время допроса.

Если этот мир основан на арифметической справедливости, на чисто количественных подсчетах «убытка» и «прибыли», на наказании за причиненный ущерб и на нанесении ущерба за причиненные страдания, то этот мир не совместим с той идеей справедливости, что овладела всеми нами в тот час на кладбище Маггиоре в Милане. Именно здесь, в этот вечер, без чьего-либо умысла или желания, родилась та идея справедливости, которой у нас раньше не было. Идея, дающая свободу личным желаниям, личной фантазии, в которых и созрела мысль выстрелить в голову добренькому комиссару Калабрезе — это желание и эта фантазия, несомненно, бередили души почти всем, кто собрался на кладбище. Но, подобно всем фантазиям и желаниям, с возвращением к повседневной жизни они постепенно сошли на нет, так ни во что и не вылившись.

Но отнюдь! Эта идея справедливости (можете назвать ее «пролетарской», если не считать, что, как справедливо было кем-то отмечено, это прилагательное покрылось тысячелетней пылью и теперь некорректно), которую мы не знаем как назвать, а потому предпочитаем простое слово «справедливость». Эта идея проторила себе тропу в каждом из нас, сплотила меня с товарищами, которых я никогда не знал и с тех пор видел лишь несколько раз. И скажем честно, к этим товарищам у меня было мало симпатий, если не сказать больше — к ним я испытывал опаску и недоверие. Но лишь потому, что они пришли на кладбище в тот вечер, каждый раз, когда голос справедливости звучит в моей душе, я чувствую близость с этими товарищами.

Вот почему я знаю, кто застрелил комиссара Луиджи Калабрезе 17 мая 1972 года, возле его собственного дома в Милане на виа Керубини, 9, в пятнадцать минут десятого утра. Эти тысячи товарищей, и даже больше, что собрались у могилы 434, участок 76 на кладбище Маггиоре в Милане. Каждый из нас нажал на курок.

Ни прощения, ни жалости! Прощай, прекрасный Лугано!

Давид Чичкан: «Хочу приучить людей к этим символам»

Украинский художник рассказал об уличных драках, борьбе идей и буржуазных выставках

Беседовал Алексей Икрашиксов

- У тебя когда-нибудь брали интервью раньше?
- Да. Разные буржуазные издания в отношении выставок, которые у меня были.

- Когда ты влился в анархистский и антифашистский движ?
- Я тогда учился еще в художественной школе. В третьем классе мне привили любовь к панк-року, да и вообще к тяжелой музыке мои одноклассники. Мне тогда было 11 лет. Как ни странно, у нас в школе было очень много нацистов. Известные персонажи в киевской наци тусовке: Рома «Сатана», «Ключ», братья Беловы. Вообще, одни из первых бонхедов Киева с нашей худ. школы. Эти типы приходили в немецких касках, со свастиками, кидали зиги. Еще они над корейцами издевались. Из школы меня выгнали в итоге. Но после нее осталась ненависть к нацистам на всю жизнь. Ну и политические вопросы меня всегда волновали. В моей семье бабушка четко стояла на монархических позициях, мама агитировала за коммунизм, а папа за капитализм. В детстве я ходил в протестантскую школу и был верующим. Я был человеком, который хотел чему-то повиноваться, какой-то идее. Следовать чужим взглядам. Поэтому я стал либеральным демократом. Потом я начал заниматься самообразованием, читать книги. Стал аполитичным. Уже потом анархистом.

- Расскажи, с кем тусил тогда, в начале 2000-х.
- Для меня уже тогда быть панком значило: иметь анархистские позиции. Продвигал среди молодежи правильный антифашистский панк-рок. В Киеве тогда не было даже подобных панк-групп, все слушали записи из-за бугра. Тусили в центре компанией из трех человек, одевались как скинхеды. Занимались тем, что клеили антифа стикеры и получали люлей от взрослых бонов. Тогда все тусили вместе: и боны и панки. Всем было пофигу на какие-то идеи. Бухали, и все. Потом уже пошло разделение. И тогда нас стало уже шесть человек. Все дети 16-18 лет. Хотели драться с бонами, но особо не умели, боялись вступать первыми в конфликты. Но все равно провоцировали: подходили, вскидывали правую руку, если так же отвечали, нападали, били и кричали «антифа». Позиционировали себя как аполитичные антифашисты. Хотя были и левые среди нас. Их сагитировали взрослые левые. Я тогда молодых разубеждал в левой идее. Говорил, что все это говно. Хотя сам мало тогда разбирался в политике. Для меня фашизм проявлялся только в расизме. Я тогда не понимал, что фашизм — это все, что нас окружает, кроме каких-то исключений.

- Успехи были?
- Перестали бить негров и стали бить нас. Мы приняли удар на себя. Наци начали бороться исключительно с нами.

- На аргументах акционировали? Долго так продолжалось?
- Дрались только врукопашную. На голых руках, ну и ногами. Ну, достаточно долго. Нападали на меньшие по численности группы нацистов. Так как они были старше нас, и у них всегда была привычка носить холодное оружие. Потом стали драться равным количеством. Когда стали более опытные. Потом появилась первая антифашистская группа Киева в нашей тусовке Rebel Boys. Они дали первый антифа концерт в Кинотеатре «Загреб», хотя его красные организовывали. Туда пришли боны, но драки не было. Охрана не дала подраться.

- Картины когда писать начал?
- Картины писал я всегда. У меня родители художники. Но на антифашистскую и социальную тематику начал писать в 17-18 лет. Понял, что искусство и творчество состоит из формы и содержания как и весь мир. Мне менее важно, как человек поет, важно, что он поет. То же самое и в визуальных изображениях. Ты смотришь, какую информацию оно несет, а как нарисовано... Я читал и читаю достаточно книг по анархии и в беседе всегда готов раскрыть положительные стороны идей анархизма. Рисую картины и посредством них общаюсь с людьми. Могу, как заевшая пластинка повторять «анархо-синдикализм» миллион раз. Хотя себя к нему не причисляю. Склоняюсь больше к анархо-индивидуализму. Нравится Штирнер, Прудон.

- Все твои картины связанны с насилием. Анархистским и антифашистским, лозунги и аббревиатуры популяризированные. С чем это связанно?
- Мне нужны привязки к картине. Должна быть видна доступность информации, чтобы обычные люди понимали, как выглядит это визуально. К примеру, на центральных улицах Киева некоторое время стояли лайтбоксы с изображением символов анархии, портретами Махно и Дурутти и их цитатами. Насилие в моих картинах отображает нашу борьбу, люди видят и понимают, что драки на улицах могут носить и политический характер, что вокруг них происходит идеологическая борьба. На мои картины смотрят люди из среднего класса, которые сейчас плохо понимают, что вокруг них происходит. Такие вещи, как голод и войны, они не хотят видеть вокруг себя. Кстати, я отчасти за некий реформизм, то есть за то, чтобы начать сначала широкую пропаганду наших знаний, а уже потом внести в общество наше воззрение на то, как мы будем делать революцию. Например, резня — это следствие, а причина — это несвобода и еще тысяча других причин.

- А с кем надо бороться сейчас?
- Прежде всего, с необразованностью и несознательностью. С отсутствием мотивации народных масс к революции.

- У тебя в картинах две противоборствующие линии. Это анархисты и антифашисты с одной стороны, и нацисты, менты и капиталисты, с другой. Как бы ты охарактеризовал свое искусство? Почему выбрал такие формы?
- Я его позиционирую, как символизм. Я знаю, что картин у нас никто не пишет. Практически я вынужден это делать. Знаком с некоторыми работами различных леваков. Мне не очень нравится их стиль. Все очень размыто, завуалировано. Не имеют определенности. Думаю, что это из-за давления со стороны властей.

- Тебя самого преследовали за твое искусство?
- Пока нет. Дело в том, что сейчас мои работы идут на хорошие выставки. Я, так сказать, сотрудничаю с буржуазией. И картины они же покупают. В этой среде не репрессируют. В другом же случае работы мои вообще бы не дали выставить. Украинская Комиссия по морали меня не трогает.

- На каждой картине у тебя изображены эмблемы «А» и «Е». Зачем так много?
- Хочу приучить людей к этим символам. По тем же самым причинам я также использую наличие анархистских книг в картинах.

- Как относишься к различным левакам и красным вообще?
- Я терпеть не могу Троцкого, и один раз он даже мне ночью снился. Проснулся, как после кошмара. До этого я смотрел «9 жизней Нестора Махно». Так что ненавижу красных за исторические расклады. Сначала они предали украинских анархистов, русских, Кронштадт. Они предали всю нашу революцию, а также в Испании. У белых хотя бы честь была, в отличие от красных комиссаров. Я не общаюсь с красными политиками, не хочу быть таким же наивным как мои товарищи в прошлом. Красные — это контра. Они только меняют власть, и власть остается властью.

- Как представляешь себе современных анархистов?
- Хотелось бы меньше субкультуры в движении. Никакой пользы для анархии на практике она не дает. Очень правильные идеи, что не надо пить алкоголь и кушать мясо. Но в сектантство это не должно перерасти. Эстетика Черного блока крутая, но должна быть к месту.

- Твое творчество — это только картины?
- Я пишу стихи, может, будут скульптуры. Делал инсталляцию «Сон Синдикалистки». В красно-черных, черно-зеленых цветах. Лежит девушка на красно-черной постели и видит сон с революцией.

- Какую картину сейчас пишешь?
- На выставку рисую. Там все в образах. Тонущие капиталисты и девушки-анархистки в облаках. Я всегда рисую женщин, как целомудренных революционерок. Это так по языческому матриархату. Мужчины там как клерки и мусора погибающие. Хочу нарисовать картину с портретами современных погибших антифашистов вместе с деятелями испанской революции, борцов с Франко.

ИНСТРУМЕНТЫ ДОСТИЖЕНИЯ КОНСЕНСУСА

Как добиться эффективности собраний

Питер Гелдерлоос

Предлагаем читателям «Автонома» небольшой отрывок из книги Питера Гелдерлооса «Консенсус: Новое пособие для низовых активистов». Мы выбрали (и печатаем в сокращении) отрывок книги, представляющий некоторые конкретные роли и сигналы, которые могут пригодиться для собраний антиавторитарных групп. Но для понимания контекста применения этих методов, естественно, необходимо читать книгу в целом.

Подходящее расположение
К счастью, существует множество инструментов, которые облегчают достижение консенсуса. Ключевым шагом здесь является первоначальное распределение важных ролей между членами группы. Если кто-то вызывается выполнять какую-либо роль, он не должен приобретать исключительную власть в этом деле. Любой другой также может его выручить, но тот, кто вызвался, ответственен за выполнение своей функции в первую очередь. Если вы добровольно вызвались выполнить отдельную задачу, то вам проще помнить свои обязанности. Ниже приведен список ролей, которые позволят группе работать слаженно. Если ваша группа невелика и хорошо знакома с практикой консенсуса, вы можете отказаться от некоторых из ролей. Также важно, чтобы от собрания к собранию все люди перепробовали себя в разных ролях.

Стенографист
Ведение записей — задача, от которой, вероятно, не стоит отказываться на собраниях. Стенографист записывает решения группы и информирует людей, которые пропустили собрание, о том, что обсуждалось. Не нужно особо вдаваться в детали, но, как минимум, необходимо записывать темы обсуждений, сделанные объявления, основные проблемы, критические замечания и принятые решения. Если ваша группа вовлечена в действия, за которыми может последовать уголовное или иное серьезное преследование, стенографист должен быть хорошо знаком с правилами информационной безопасности. Он должен понимать, какие вещи никогда нельзя записывать. В некоторых случаях вообще не стоит делать записей. Также через некоторое время после проведения собрания стенографист должен сделать свои записи доступными остальным членам группы.

Хронометрист
Если время на собрание ограничено или люди не хотят его сильно затягивать, во время составления повестки вы можете договориться по сколько минут будет обсуждаться каждый конкретный пункт. Хронометрист следит за временем и информирует группу об истечении времени на обсуждение каждого отдельного пункта. Желательно подать знак, когда до конца остается одна или две минуты. Когда отведенное на пункт время истекает, группа переходит к следующему пункту повестки, чтобы успеть все обсудить до окончания собрания. Если группа еще не пришла к решению по данному пункту повестки, а время вышло, кто-нибудь может предложить потратить на это еще несколько минут, и, если никто не возражает, дискуссию по вопросу можно продолжить.

Наблюдающий за настроениями
Наблюдающий за настроениями следит за эмоциональной энергией группы. Это крайне важная роль в деле поддержания здорового климата и работоспособности группы. При принятии решений

Питер Гелдерлоос
КОНСЕНСУС
ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ В СВОБОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

большинством, победитель вы или побежденный, ваши чувства не имеют значения. С консенсусом все обстоит наоборот. Если люди игнорируют друг друга, если кто-то доминирует или занимается манипуляциями, если люди не находят поддержки внутри группы, их разочарование и покорность станут очевидными, и тут самое время наблюдающему за настроениями вставить замечание и обратить на это внимание, чтобы группа могла в открытую справиться с этим. Наблюдающий за настроениями должен быть чутким человеком, чтобы заметить и правильно интерпретировать едва заметные эмоции, и справедливым, чтобы не занимать ничьей стороны.

Сектантство, сексистское или расистское подавление, неудовлетворенность, печаль, смущение, отсутствие поддержки, злость нескольких или кого-то одного, напряжение и враждебность между разными частями группы — все это состояния, на которые должен обращать внимание наблюдающий за настроениями, чтобы группа знала о них и справлялась с ними. Наблюдающий за настроениями не должен разжигать страсти или показывать на кого-то конкретно. Лучше сказать: «Я заметил, что некоторые не удовлетворены происходящим», — чем: «Такой-то и такой-то не удовлетворены происходящим».

Помогающий

Помогающий — крайне важное лицо на собраниях, где существенное число участников не знакомы с методом консенсуса или плохо знают друг друга. Группы с большим опытом совместной работы доходят до того, что все участники группы в равной степени помогают процессу принятия решений. Задача помогающего состоит в том, чтобы процесс принятия решений в группе не отошел от той схемы, которая была ранее согласована в группе. От него требуется поддерживать сложный баланс между гибкостью и эффективностью. Никто не хочет строго соблюдать правила во время обсуждений, и никто не хочет сидеть по два часа на собраниях, где дискуссия идет по кругу и ни к чему не приходит. Помогающий — не армейский прапорщик: немного спонтанности помогает людям расслабиться и делает группу более креативной. Но слишком много хаоса не даст ничего сделать.

Помогающий наделен определенной властью. Не злоупотребляйте ею, не навязывайте своего решения группе, не благоприятствуйте людям, с которыми вы согласны. Прежде чем решить, что высказывание не соответствует теме, убедитесь, что не думаете так, потому что не согласны с говорящим. Если вы не в состоянии оставаться беспристрастным или устали, позвольте кому-нибудь другому помогать оставшуюся часть собрания. В задачи группы также входит определенный контроль за помогающим, ему нужна обратная связь и, если необходимо, критика.

Если у группы не возникает проблем с самостоятельным принятием решений, помогающему не нужно ничего делать. Он вступает в дело, если возникают проблемы. Вот подходящие случаи вмешательства в дискуссию:

Если никто в группе не берет на себя инициативу начать формировать повестку, ему следует поставить вопрос о пунктах повестки и порядке, в каком они будут следовать один за другим.

Если группа обсуждает одну тему, а кто-то начинает говорить совсем о другой, он может вернуть дискуссию к первоначальной теме или обратить внимание, что тема сменилась, и спросить, хочет ли вся группа сменить тему или продолжить обсуждать прежнюю.

Если кто-то заводит разговор о конкретных действиях, в то время как остальные еще вникают в тему, он может заметить, что еще не все готовы обсуждать возможные решения.

Если кто-то кого-то перебивает, может обратить на это внимание.

Если кто-то делает предложение, и все его игнорируют, следует поддержать дискуссию по этому предложению.

Если дискуссия идет по кругу, помогающий может предложить двигаться дальше.

Иногда полезно, если он формулирует явный консенсус, когда все говорят похожие вещи. Если никто другой не делает этого, а время на исходе, помогающий формулирует предложение и организует голосование.

Помогающий может предлагать обсуждение по кругу, выборочный опрос и другие техники обсуждения.

Помогающему не следует навязывать способ обсуждения, с которым не согласны участники дискуссии. Прежде чем принять решение, необходимо обсудить любое несогласие. Недопустимо для помогающего интерпретировать мнение группы, не дав участникам высказаться — за они или против. Для помогающего должны стать мантрой следующие слова: «Открывай двери для равного участия, помогай синтезировать разные идеи, двигайся к решению, которое каждый сможет считать своим».

Чтобы избежать управления с принуждением в группе, ему следует делать свои комментарии в виде вопросов. Вместо того чтобы сказать: «Это не тема нашего разговора, мы не будем говорить об этом», — говорите: «Мы хотим перейти к обсуждению нового вопроса или закончим уже начатый?». Не говорите группе, что она должна, а спрашивайте, чего она хочет. Это сделает дискуссию более эффективной. Пусть ход дискуссии определяется всей группой, а не им или кем-то, кто пытается менять темы дискуссии или манипулировать ею. Также, если он пропускает важные комментарии или неправильно представляет желания группы, использование вопроса вместо утверждения может помочь избежать ненужных трений. Еще один эффективный инструмент в руках помогающего — сказать о том, что видишь. Часто люди не осознают, что они контрпродуктивны или занимаются манипуляциями. Общество не учит нас общаться продуктивно и честно. Умение слушать очень помогает в этом. Также может быть полезным сформулировать общую идею, предложить компромисс или синтез идей, вместо того чтобы спорить ни о чем.

Существуют факторы, которые могут влиять на его роль. Основное различие в том, хочет ли группа,

чтобы помогающмй был вовлеченным или невовлеченным. Вовлеченный — член группы, который участвует в обсуждении и принятии решений наряду с выполнением роли помогающего. Невовлеченный — обычно кто-то извне группы, кто не принимает участия в дискуссии и принятии решений, а только помогает группе принять решение.

Очевидно, что человек, который выступает в роли помогающего от собрания к собранию, обретет определенную власть. Нужда производить ротацию наталкивается на необходимость иметь компетентных ведущих. Тот, кто не готов вести собрание, но делает это, потому что думает, что это несложно, или потому что был принужден сделать это, когда подошла его очередь, подорвет свое доверие к собственным способностям и повредит работе группы, а других подтолкнет к структуре с неформальными лидерами как к более простой альтернативе.

Вашей группе следует предпринимать усилия, чтобы каждый стал опытным помогающим (в этом случае помогающий станет не нужен, достижение консенсуса без формальностей станет реальностью). Дебют неопытных людей на легких собраниях позволит получить им полезный отклик других участников, обеспечит семинары и обсуждения хорошим ведущими в дальнейшем; и более опытные смогут отдохнуть, понимая, что их роль постепенно исчезает. Их опыт полезен группе, только если они его передают другим, а не когда держат свои навыки только для себя.

Ведущий очередь

Иногда нет нужды вести очередь, но когда много людей одновременно хотят высказаться, лучше, чтобы они поднимали руки. Человек, вызвавшийся в начале собрания быть ведущим очереди, ведет список, куда записывает имена людей по порядку, в каком они поднимали руки. Когда один закончит выступать, ведущий очереди говорит, кто следующий. Небольшим, неформальным, хорошо знакомым группам, группе друзей очередь, может быть, не нужна. Но если группа хочет стать больше, чем узкой тусовкой, нужно посредством очереди обеспечить равное участие.

В некоторых случаях, например, во время мозгового штурма, следует отказываться от очереди. В других случаях движение очереди может идти по дополнительным правилам. Это может быть обычная очередь, а может отдаваться приоритет менее говорливым. Например, некоторые группы ведут очередь по гендерному признаку: если мужчина записывается в очередь, женщина должна быть следующей в очереди после мужчины. Гендерносбалансированные очереди могут помочь группам, в которых участников критиковали за сексизм, и помочь избежать доминирования какого-либо пола или неравного участия. Но такой подход может, и наоборот, усилить жесткую сегрегацию людей с разными гендерными идентичностями. Гендерносбалансированная очередность может быть ошибочно принята за решение проблемы гендерного неравенства на собраниях и позволит участникам группы не думать о решении проблем неравного участия. Конечной целью является группа, в которой люди сами замечают и выравнивают участие полов.

Группы, сталкивающиеся с проблемой говорунов, могут установить ограничение на время выступления, но это также может быть только временным решением, которое вызовет те же проблемы, что и гендерносбалансированная очередь. Можно договориться, что никто не может записываться в очередь во второй раз, пока все не выскажутся по разу. Или более гибкий вариант: никто не может говорить больше трех раз, пока все не высказались. Чтобы группа осознала неравное участие без введения правил, может быть полезным в конце собрания прочесть все имена в списке. Если кто-то говорит намного больше других, при зачитывании имен это будет очень заметно. Ведущий очереди выполняет свои функции по тем правилам, которые устанавливает группа.

Сигналы руками

Набор ручных сигналов и другие формы невербальной коммуникации могут помочь группе быть более эффективной и динамичной. Я считаю, что следующие сигналы весьма эффективны. Сигналы, которые сообщают определенные вещи, в данном случае случайные, я просто приведу примеры таких сигналов. Важно, чтобы все члены группы понимали их смысл. Можно самим устанавливать различные по функциональности жесты.

Кручение кистями рук

Кручение кистями одной или двух приподнятых рук вокруг воображаемой оси означает, что вы согласны с тем, что сейчас говорят. Заменяет аплодисменты и одобрительные щелчки пальцами, которые бы помешали слушать. Жест одобрения очень полезен, поскольку позволяет понять, что идея пользуется успехом. Не нужно слушать бесконечный ряд людей, повторяющих: «Я думаю также, как такой-то», — это каждый может показать жестом, то есть высказать свое мнение, не теряя времени.

Для несогласия нет аналогичного жеста по двум причинам. Начинающего говорить может испугать, если все будут неодобрительно качать головами или опускать кулак большим пальцем вниз. Это почти также плохо как прерывание, и менее уверенные люди закончат делиться своей идеей, если увидят такие знаки неодобрения. Во-вторых, если вы не согласны, то нужно объяснить группе почему. Жеста неодобрения нет, потому что несогласному нужно поднять руку и записаться в очередь.

Техническое замечание

Вы делаете сигнал, образуя треугольник большими и указательными пальцами обеих рук (или можно изображать ладонями букву «Т»). Техническое замечание — один из двух ручных сигналов, который поднимает вас в самый верх списка очередности. Даже если пять человек ждут своей очереди, а вы сигнализируете, то следующим выступающим будете вы. Значит, этим знаком нужно пользоваться очень осторожно. Техническое замечание должно быть существенным замечанием по процессу ведения дискуссии. Оно не должно содержать личных мнений, объявлений, новых идей. Это может быть важным замечанием о климате в группе («Такой-то и такой-то были прерваны» или «Что-то у нас слишком много враждебности») или о временных ограничениях («Мы обсуждаем эту тему дольше, чем договаривались»).

Комментарии, корректирующие процесс ведения дискуссии, также могут делаться в порядке технического замечания. Например, если один человек делает предложение, а другой меняет тему дискуссии так, как будто предложение было одобрено; или если люди продолжают отклоняться от темы; или если кто-то принимает решение за всю группу без голосования, — покажите знак технического замечания и скажите о нарушениях.

Прямой ответ

Сигнализируйте о прямом ответе, сжав ладонь в виде «пистолета» и указывая на человека, которому хотите ответить. Прямой ответ — это второй ручной сигнал, переводящий вас в начало очереди по ответам, поэтому используйте его ответственно. И опять-таки — никаких мнений. Используйте прямой ответ для внесения корректировок в случае, если информация в чьем-нибудь сообщении неверна. Убедитесь, что вы предлагаете исправление какого-нибудь важного факта, а не просто иную интерпретацию. Вы также можете использовать прямой ответ с предложением прояснить информацию. Лучше всего прибегать к данному ручному сигналу при ответе на вопросы, когда у вас имеется больше важной информации, чем у других членов группы. Также допустимо использовать прямой ответ, если кто-нибудь сказал что-то, что вы не поняли, и вы хотите прояснить это. Также есть и другие сигналы для голосования: поднятие больших пальцев руки вверх, вниз, и в сторону, которые уже были упомянуты. Ваша группа может придумать и использовать любые другие необходимые сигналы.

Купить книгу можно будет в «А-дистро» adistromsk@gmail.com

Никто кроме него

Петр Рябов

изданы тексты Маркелова и о Маркелове

Стас Маркелов: Никто кроме меня. *Выступления и публикации С.Ю.Маркелова. Воспоминания друзей и коллег. / Составители: Федотова И.М., Трусевич О.Г., Черкасов А.В.,Рябов П.В.,Леонтьев Я.В. М., Памятники исторической мысли. 2010.*

Книга Стаса и о Стасе. Без оглядок на цензуру и политкорректность. Первая часть сборника представляет собой хотя и не полное, но достаточно яркое и представительное собрание его статей и выступлений самых разных жанров и по самым разным поводам: от осмысления социальных форумов до комментариев к процессам против нацистов, от уничтожающего политико-юридического анализа Российской Конституции до критики представительной демократии (анархисты могут поучиться у этого неанархиста радикализму, бескомпромиссности в противостоянии государству и капитализму и оригинальности и системности мысли). Поразительная по блеску, сарказму и разнообразию смесь прикладной политологии, юридического комментария, памфлетной публицистики и философского эссе. Вошла целиком в этот раздел и ставшая легендарной «Красная книга антифа» — призывающая к борьбе пощечина патриотам и либералам.

Вторая часть: мозаика воспоминаний о Стасе его друзей, знакомых, соратников — правозащитников, социальных активистов, журналистов, социал-демократов, анархистов (увы, никто из антифашистов не дал статей!), призванная отобразить многомерность, неповторимость и целостность этого замечательного человека. К стольким средам, тусовкам, течениям Стас имел отношение, и никто теперь не может единолично «приватизировать» его имя и память. Соединяя людей в борьбе и дружбе при жизни, Стас теперь снова, посмертно, соединил многих. Фотоальбом дополняет и украшает этот сборник.

Конечно, в книге много опечаток, многого не хватает, многое спорно (но мы, составители, и не хотели "причесывать" тексты под одну идейную или стилистическую

стас маркелов **никто кроме меня**

гребенку и, создав монолит, воздвигнуть его как тяжелое надгробие на могилу этого невероятно живого, озорного и многоликого человека!). В сборнике очень немного сказано о Насте Бабуровой, об убийстве Стаса и Насти и реакции общества на эту трагедию. Но для рассказа об этом нужны новые, совсем другие книги. Надеюсь, они еще появятся. А наш труд, смею думать, будет важен для всех, знавших и любивших Стаса Маркелова, и для не знавших его, но желающих понять реальность современной общественной жизни — жуткую и мрачную, в которой есть место подвигу и настоящему героизму.

ОТ ОБЫВАТЕЛЕЙ К АКТИВИСТАМ

Арина Михайлова

Социальные движения в современной России

Карин Клеман, Ольга Мирясова, Андрей Демидов. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М., Три квадрата, 2010.

В мае 2010 года вышла книга «От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России». Авторы, активисты и сотрудники Института «Коллективное действие», в течение пяти лет собирали социологические данные о социальных движениях одновременно с участием в них. Поэтому, в книге представлен не отстраненный научный анализ, а, скорее, обобщение впечатлений, наблюдений и размышлений, которые довелось испытать активистам.

В книге немало описательного материала, но благодаря этому она становится еще и важным историческим свидетельством. В текст включены обширные цитаты участников событий «от первого лица», заметки наблюдателей, тексты некоторых документов. Многочисленные описания «кейсов» («отдельных случаев») — забастовок, экологических кампаний, уличных протестов, коалиций, конференций — позволяют живо представить «как это было», что, безусловно, многое прояснит людям, далеким от описываемых событий.

В книге выделены факторы, оказавшие влияние на развитие наиболее массовых, активных и долгосрочных российских социальных движений — жилищного, рабочего (точнее, движения за право на достойные условия труда) и антимонетизационного, продолжившегося в протестах групп льготников. Для исследования процесса эволюции от обывателя к активисту использована методика «фрейм-анализа» — она поясняется на примерах конкретных биографий участников социальных движений. Некоторое внимание уделено роли политических активистов в движениях за социальные права и роли «политического» как феномена в мировоззрении социальных активистов.

Книга посвящена памяти Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой, с которыми авторы дружили и сотрудничали, и с утратой которых никогда не смирятся.

ЧЕГО МЫ ХОТИМ?

Нашей конечной целью является создание условий для освобождения каждого человека и общества в целом посредством реализации либертарного (свободного) коммунизма, основанного на принципах всеобщего базисного самоуправления, социализированного хозяйства, новой гуманистической и альтернативной культуры.

В качестве центрального пункта своей борьбы мы провозглашаем полное **преодоление политического господства**, всех его репрессивных институтов; **капиталистической эксплуатации и диктата,** основанных на наемном рабстве; культурной и творческой **нищеты повседневности.**

* Вместо централизованного бюрократического государства мы предлагаем систему всеобщего народного самоуправления — федерацию свободных индивидов, групп, общин, регионов и стран. Органами координации между ними могут являться независимые Советы или другие институты территориального и производственного самоуправления, формируемые общими собраниями трудящих-

ляемые для принятия решений, получают обязательные для озвучивания наказы и могут быть немедленно отозваны. Мы не хотим быть простыми винтиками авторитарного Государства - инструмента господства буржуев и бюрократов.

* Вместо экономики в интересах Капитала — **Либертарный Коммунизм** — бесклассовое общество, где богатства и ресурсы будут доступны всем, а не, главным образом, господствующей элите. Где не будет наемного труда, а экологически и человечески ориентированный производственный и распределительный процессы будут достоянием объединенного сообщества творцов общественных благ и будут определяться их жизненными потребностями. Капитализм — это глобальная система социально-экономических отношений, имеющая в своей основе товарное производство и плату за отчужденный труд - источник всеобщей войны и угнетения, национальных и экологических проблем. Он не может быть реформирован и гуманизирован. Мы не хотим быть эксплуатируемым рабочим скотом, не хотим всю свою жизнь отдавать погоне за деньгами, борьбе за выживание и потребительские блага.

* Мы выступаем за **вольное творчество** вместо пассивного потребления готовых товаров «индустрии культуры», за свободный культурный эксперимент для каждого. К примеру, существующее искусство могло бы быть **освобождено** от догм и ориентации на коммерческий

успех. Нам нужна **революция в повседневной жизни,** ломающая ее убогость и нищету. Мы хотим построить новую гуманистическую культуру, которая даст возможность самореализации и свободного развития каждому. Мы не хотим пассивно поглощать потребительскую буржуазную псевдокультуру, навязываемую корпорациями, но и не желаем прожить свою жизнь под диктовку серой и однообразной официозной псевдокультуры, поддерживаемой бюрократией.

Общественное самоуправление во всех сферах деятельности, социализация хозяйства и процесса производства, освобождение культуры повседневности черпают друг в друге силу и устойчивость. Только единство этих принципов и непрерывное их развитие послужат гарантами реализации нового образа жизни — в солидарном обществе свободных личностей.

ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ, СОЛИДАРНОСТЬ, САМОУПРАВЛЕНИЕ, КОММУНИЗАЦИЯ –

ВОТ СЛАГАЕМЫЕ НАШЕГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА!

Наши идеи и действия основаны на мировой свободной и революционной коммунистической мысли и практике. Идеи и социальные теории, взятые нами на вооружение, не ограничиваются рамками лишь одного направления. Нам могут быть глубоко симпатичны многие либертарные движения, однако мы далеки от полного сведения своих теорий и практики к какому-то одному из них. **Мы считаем,** что необходим процесс взаимного идейно-практического обогащения и солидарной взаимопомощи. Необходимо исходить из специфики каждого региона и страны. Мы считаем, что существует потребность в выработке качественно новой стратегии, отвечающей современным условиям жизни и задачам освобождения от политической иерархии и диктатуры капитала.

Среди нас могут быть люди, являющиеся «анархистами» или «марксистами», «свободными коммунистами», «ультралевыми», «сторонниками советов» или революционных рабочих союзов. Только сторонникам этатизма, большевизма и национализма (хоть и называющим себя «левыми» и «революционерами») в любых формах будет дан решительный отпор.

Необходимо заметить, что по мере развития наших идей, оформления программы социальной трансформации мы будем стремиться избегать эклектизма, вырабатывая свое кредо в более последовательной, непротиворечивой и ясной форме.

Наша борьба является автономной - мы действуем самостоятельно, независимо от государственных бюрократов, чиновников, партийных и профсоюзных функционеров, интегрированных в систему НПО, прочего официоза. Мы стремимся инициализировать или активно участвовать в антикапиталистических независимых инициативах и общественных движениях трудящихся, расширяющих пространство свободное от насилия государственного аппарата и диктата капитала, содействуя их объединению и радикализации в деле глобальной социальной трансформации. Мы не используем ресурсы и технологии капитала. Нам не нужны подачки от господ и хозяев, нам нужен целый мир!

Мы призываем

Промышленных и сельских рабочих, студентов, учащихся, молодежь, трудовую интеллигенцию и всех свободолюбивых, не приручених еще людей, присоединяться к нашему Автономному Действию. Для получения более подробной информации о наших действиях, идеях, целях и принципах обращайтесь на контактные адреса АД.

ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА, КАПИТАЛА И НИЩЕТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ!

ЗА САМОУПРАВЛЕНИЕ, ТВОРЧЕСТВО И ВОЛЬНЫЙ КОММУНИЗМ!

КОРПУНКТЫ

Мы публикуем список корпунктов, но не гарантируем, что все из них имеют в наличии последний или более ранние номера журнала. Поэтому, если вам не отвечают с адреса корпункта в течение недели, напишите на адрес редакции — avtonom@avtonom.org.

Россия

Барнаул ad.barnaul.@gmail.com

Благовещенск ad_blaga@riseup.net

Владивосток a-avtonom_vl@riseup.net

Вологда blackflag@list.ru

Ижевск avtonom18@yahoo.com, avtonom.cinema@gmail.com

Иркутск 664058, Иркутск, а.я.166, abejasiberia@gmail.com

Казань avtonom16@riseup.net

Канаш korpunkt.kanashg@mail.com

Калининград ska-konig@mail.ru

Киров xclasswarx@mail.ruo; sna@yandex.ru

Краснодар 350075, а.я. 4943, krasn@avtonom.org

Мурманск 22-89-73 (Александр), vp1@riseup.net

Москва 109028, а.я.13, avtonom@avtonom.org

Нижний Новгород 603104, а.я.25, avtonom52@riseup.net

Новосибирск nsk@avtonom.org

Орел punkway.ru@gmail.com

Пермь avtonom59@gmail.com

Санкт-Петербург ad-spb@riseup.net

Самара avtonom-samara@yandex.ru

Тюмень 625001, а.я. 4481, akbar@riseup.net

Уфа ufa@riseup.net, ad@inufa.org, http://ad.inufa.org

Чебоксары kibal44ish@gmail.com

Чита murava.trava@gmail.com

Беларусь Минск Belarus@avtonom.org, avtonom_distro@riseup.net

Украина

Киев samoffua@gmail.com

Севастополь 99005, а.я.8, vlastinetu@gmail.com

Крым ad.crimea@gmail.com

Дальнее зарубежье

Болгария Georgi Bonchev Kniaz Boris I No.23 Momin Prohod 2035

Bulgaria www.aresistance.net aresistance@riseup.net

Бразилия ikotemadistro@yahoo.com.br Caixa Postal 161 Araraquara-SP, 14801-970 Brasil, Телефон: 0-55-16-99627077

Македония: Инфошоп Терор 13, anarhokomunist@gmail.com, www.teror13.tk

Нидерланды: Het Fort van Sja koo, Jodenbreestraat 24 1011 IMK Amsterdam 020_6258979, info@sjakoo.nl, www.sjakoo.nl

Польша: Infoszop, ul Targowa 22, Warszawa, Poland, www.alter.most.org.pl/infoshop

Финляндия: Tasajako PL 60 00531 Helsinki, tasajako@anarkismi.net, www.anarkismi.net/tasajako

"Автоном": журнал движения "Автономное действие"

"Автоном" - самый многотиражный анархо-журнал на территории бСССР. Продолжает выходить, несмотря на происки врагов и критику злопыхателей. Родился в 1995 году в образе анархо-панк-зина в Краснодаре. В 2005-м сбежал в Москву из-за репрессий членов редакции. Подрос и возмужал. На сайте avtonom.org (в разделе «Автоном») доступны материалы номеров с 25 по 30 включительно.

ГДЕ КУПИТЬ?

Журнал продается на постоянной основе в Москве в книжных магазинах «Гилея», «Фаланстер», «Рок-арсенал», «Культура», ларьке «Новой газеты» и в некоторых других точках продаж, в том числе, в Питере и Перми. Более подробную информацию смотрите на сайте **www.avtonom.org.**

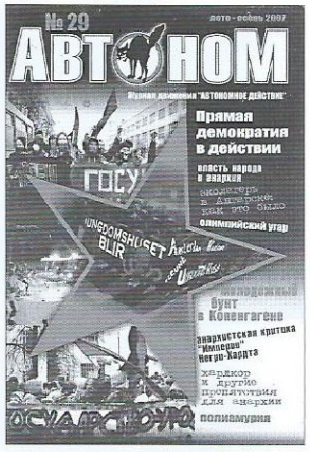
КАК ПОЛУЧИТЬ НАШ ЖУРНАЛ?

Печатную версию журнала можно получить по почте. Для этого нужно переслать или передать его стоимость + стоимость почтовой пересылки + стоимость упаковки на почте по адресу редакции. Передача журнала на распространение без предоплаты оговаривается с редакцией отдельно. Пересылка одного экземпляра по России в зависимости от номера составляет от 40 до 70 рублей. Стоимость пересылки большего количества журналов узнавайте дополнительно.

Ждем ваши материалы для публикации! Редакция нуждается в новых корпунктах и распространителях!

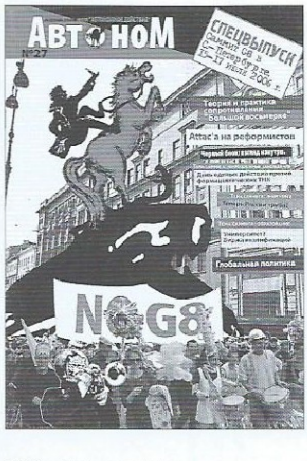
N31. Осень 2009 года.
1-9 экз - 70 руб.
от 10 экз - 60 руб.

N30, "Тотальная конфронтация".
Лето-осень 2008 года.
1-9 экз - 40 руб.
от 10 экз - 35 руб.



N29, "Демократия".
Лето-осень 2007 года.
1-9 экз - 30 руб.
от 10 экз - 25 руб.

N28, "Антифашизм".
Зима 2006-2007 годов.
1-9 экз - 35 руб.
от 10 экз - 30 руб.

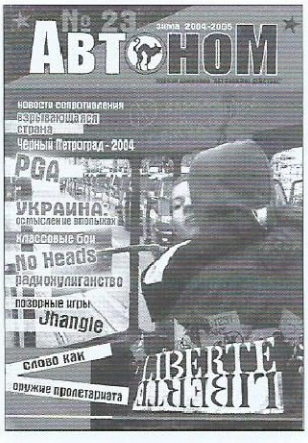


N27, спецвыпуск, посвященный саммиту G8 в Санкт-Петербурге.
Лето 2006 года. (Номер доступен только на сайте)

N26, "Гомофобия".
Зима-весна 2006 года.
1-9 экз - 35 руб.
от 10 экз - 30 руб.

N25. Лето-осень 2005 года.
1-9 экз - 35 руб.
от 10 экз - 30 руб.

N24. Весна 2005 года.
Цена 30 руб.



N23. Зима 2004-2005 года.
Цена 30 руб.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 109028, МОСКВА, А/Я 13, E-MAIL: AVTONOM@AVTONOM.ORG

High
Falls